

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.С. ЯНИЦКИЙ
ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2012

УДК 159.9+316
ББК 88+60.5
Я63

Яницкий, М.С.

Ценностное измерение массового сознания / М.С. Яницкий; Мин-во обр. и науки РФ, Кемер. гос. ун-т. — Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. — 237 с.

ISBN 978–5–7692–1265–9

Монография посвящена изучению ценностной структуры массового сознания и исследованию ее социально-экономических и социально-демографических детерминант. Анализируется регулятивная функция системы ценностных представлений, описываются ее нарушения при различных социальных девиациях, дается подробная характеристика ценностной регуляции поведения в отдельных социальных сферах.

Книга предназначена специалистам в области психологии и социологии, преподавателям психологических дисциплин, студентам вузов, обучающимся по психологическим и социологическим направлениям подготовки.

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН *А.В. Юревич*
доктор психологических наук, профессор *Е.П. Белинская*

Рекомендовано к печати

Ученым советом Кемеровского государственного университета

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Кемеровского государственного университета*

Автор обложки *А.А. Червов*

ISBN 978–5–7692–1265–9

© Яницкий М.С., 2012
© Оформление. Издательство
СО РАН, 2012

Человечество подразделяется на три основные психологические группы с совершенно различными мотивациями. Существует группа, в состав которой входят люди, побудительными мотивами в деятельности которых являются экономические факторы – деньги... А есть другая группа, представители которой стремятся к самоутверждению, ими руководит самолюбие или гордость. К этому типу людей принадлежат транжиры, драчуны, спортсмены, хвастуны, любители азартных игр. Они стремятся к власти и хотят прославиться. А вот третья группа – профессионалы, старающиеся следовать законам чести и морали, а не просто стремиться к деньгам и славе; среди представителей этой группы – священники, учителя, ученые, врачи, некоторые художники и писатели. Они исходят из того, что человек должен посвящать свою жизнь чему-то более важному, чем удовлетворению собственных потребностей. Вы понимаете меня?

Роберт Хайнлайн

Космический патруль

1948 г.

ВВЕДЕНИЕ

Нынешний этап развития цивилизации, который принято называть постмодернистским, все более заметно характеризуется комплексом новых социальных и культурных проявлений. Большинство исследователей постмодернизма указывают на одни и те же особенности, которые, очевидно, и выступают признаками общества постмодерна: глобализация культуры и образа жизни, мультикультурализм; дегуманизация, изменение формы и содержания межчеловеческих отношений; трансформация или даже «распад» института семьи, изменение семейных отношений и процесса социализации; возрастание роли средств массовой коммуникации и виртуальное замещение дефицита общения; отчуждение и деиндивидуализация. Все эти «факторы постмодернизма» имеют и определенные психологические последствия, формируя новый тип личности – так называемый «homo postmodernus», которого отличает диффузная или фрагментарная идентичность, обозначаемая как «постмодернистский сэлф», «мозаичность» сознания, тревога и неуверенность¹.

Эти социальные и психологические изменения неизбежно сопровождаются существенной трансформацией системы ценностных ориентаций. Человек в постмодернистском обществе утрачивает точку отсчета в оценке критериев правильности или неправильности эстетических, социальных и личных ценностей. Все чаще ставится под сомнение существование традиционных ценностей и казавшихся непреложными принципов. Исчезают критерии «правильности» общепринятых систем ценностей. Все меньшее значение имеют авторитеты; интеллектуальная и культурная элита общества не имеет прежней власти и больше не определяет ориентиры. Возрастает кри-

¹ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. — Новосибирск: НГПУ, 2009. — 248 с.

тичность; плюрализм нередко проявляется поощрением инакомыслия и нонконформизма.

Такая ценностная трансформация проявляется не только на индивидуальном уровне, она касается и массового сознания, которое сегодня также характеризуется утратой привычных ценностных ориентиров, определенной дезинтеграцией ценностной системы или же аномией. Одновременно с этим в массовом сознании постепенно происходит и становление новой структуры ценностных предпочтений, связанное с возникновением в процессе развития общества предпосылок для появления новых культурно-ценностных типов и, одновременно, последовательным увеличением доли типов, ориентирующихся на ценности, актуальные для современности. Р. Инглхарт, характеризуя происходящие в различных обществах ценностные изменения, акцентирует внимание на повсеместном сдвиге от «материалистических» ценностей, обусловленных потребностью в экономической и физической безопасности, к ценностям «постматериалистическим», выдвигающим на первый план индивидуальное самовыражение и качество жизни. По его словам, такой сдвиг «представляет собой лишь одну компоненту гораздо более широкого культурного сдвига ... эта широко распространяющаяся перестройка мироотношения и обозначается нами как “постмодернизация”». Далее он отмечает: сегодня «системы убеждений на массовом уровне изменяются таким образом, что характер этих изменений имеет значительные экономические, политические и социальные последствия»². Соответственно, социальные и культурные изменения, обуславливающие трансформацию системы ценностей, все больше становятся ценностно детерминированными, что придает взаимосвязи между ними двусторонний характер.

Многие описанные изменения, свойственные постмодернистскому обществу, уже сегодня представляют серьезную проблему, другие имеют потенциально негативные сценарии развития. Очевидно, что обозначенные тенденции являются следствием закономерного развития человечества, поскольку проистекают из предшествующих этапов развития общества и имеют вполне объяснимые механизмы, в основе которых лежат глобальные изменения последнего времени: ускоренное развитие науки и техники, перенаселение, изменение климата и т.п. Это означает, что указанные тенденции не изменят своего характе-

² Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32.

ра без целенаправленного и системного вмешательства, для чего они, прежде всего, должны быть определены как вызовы постмодернистского общества соответствующему ему этапу развития научного познания – постнеклассической науке.

Закономерно в этой связи, что постнеклассической рациональности свойственна концентрация внимания на личностных и социальных ценностях. Так, В.С. Степин констатирует повышение роли ценностного сознания в нынешнюю постнеклассическую эпоху, которая учитывает «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами»³. Такая тенденция свойственна, в частности, постнеклассической социологии, все чаще фокусирующей внимание на ценностной проблематике, рассматривая в данном контексте мотивы поведения человека, его направленность, а также структуру и динамику массового сознания⁴.

В психологической науке одной из главных отличительных особенностей новой методологии, по словам В.В. Знакова, также является понимание «ключевой роли не истинных, а ценностных описаний большинства ситуаций человеческого бытия»⁵. Вызовы эпохи постмодерна определили необходимость методологического перехода от «дискретной психологии» к «психологии поля», рассматривающей в качестве своего предмета «мир человека», который В.Е. Ключко определяет как «многомерное пространство жизни, в организации которого особая роль принадлежала смыслам и ценностям»⁶. Таким образом, становление нового типа рациональности в психологии сопровождается обращением к ценностной проблематике.

Становясь одним из основных предметов постнеклассической психологии, ценности одновременно с этим начинают влиять и на характер научного познания, которое теперь все чаще соотносится с ценностными ориентациями общества и самого исследователя. Как отмечает А.В. Юревич, достижение наукой

³ Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 634.

⁴ Немовский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека: от неклассических к постнеклассическим подходам. – Красноярск: СибЮИ, 2006. – 396 с.

⁵ Знаков В.В. Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сиб. психол. журн. (Томск). – 2011. – № 40. – С. 118.

⁶ Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. – 2008. – № 2. – С. 98.

постнеклассической стадии развития «сопровождалось изменением ее базовых ценностей, а также изменением отношения к ценностям вообще и к установке на ценностную центральность научного познания в частности»⁷. По словам Г.Г. Черменской, «акцент на ценностно-смысловых измерениях человека как саморазвивающейся системы обозначил специфику неклассической и постнеклассической науки, в которой объект познания, не обладающий собственным смыслом, “опредмечивается” – “распредмечивается” в социокультурном контексте. Такой аксиологический дискурс превращает его не просто в систему знаний, а становится способом экзистенции исследователя»⁸.

Наше исследование массового сознания также концентрируется на ценностных аспектах его структурной организации и функционирования. Массовое сознание, которое принято понимать как своего рода «сплав» социальных представлений различных общностей, включает в себя также и совокупность регуляторов социального поведения человека или, в терминологии В.Я. Ядова, диспозиций, высший уровень в системе которых занимают ценностные ориентации. В то же время рядом авторов социальное поведение объясняется обусловленностью индивидуальными особенностями человека. Так, в своей книге А. Фернхем и П. Хейвен в качестве основных детерминант социального поведения человека называют уровень нейротизма и экставерсии, т.е. типичные индивидуальные характеристики⁹. Такой подход, который представляет собой откровенный редукционизм, удивительный даже для начала двадцатого столетия, явно не отвечает принципам нынешнего постнеклассического этапа научного познания. Очевидно, что в контексте исследования массового сознания рассмотрение именно ценностной регуляции социального поведения будет более адекватным.

Мы рассматриваем ценности в качестве стержневой структурно-содержательной характеристики, своего рода связующего и организующего «каркаса» массового сознания, определяющего особенности господствующих в нем социальных представлений и образа мира в целом, и, одновременно, в качестве его

⁷ Юревич А.В. Ценностные основания психологической науки // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – С. 22.

⁸ Черменская Г.Г. Ценностно-смысловые основания и проблема поиска этической составляющей психологического знания // Сиб. психол. журн. (Томск). – 2011. – № 42. – С. 19.

⁹ Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.

важнейшего функционального компонента, посредством регуляции поведения членов общности обеспечивающего поддержание стабильности, сохранение и воспроизводство этой общности. В этой связи мы полагаем возможным говорить о «ценностном измерении» массового сознания, под измерением понимая прежде всего ракурс рассмотрения, а также совокупность содержательных и функциональных характеристик, выявленных в результате измерения как процедуры исследования.

Для описания ценностной структуры массового сознания нами используется собственная модель, основанная на представлении о существовании трех основных типов ценностных систем, имеющих различное происхождение. По нашему мнению, ценностная структура массового сознания определяется пропорцией типов личности, ориентирующихся на ценности адаптации (связанных с потребностью в выживании и безопасности), социализации (обусловленных зависимостью от социального одобрения) или индивидуализации (отражающих направленность на независимость и саморазвитие). Предполагалось, что особенности социального поведения различных общностей будут определяться соотношением в них этих трех ценностных типов.

Для диагностики принадлежности к данным ценностным типам мы разработали модифицированный вариант методики Р. Инглхарта, который и выступил основным инструментом настоящего исследования. Следует отметить, что эта методика, предназначенная для изучения особенностей массового сознания, представляет собой программу социологического исследования, а не психологический тест, поэтому ее валидность, надежность и стандартность не устанавливались в рамках специальных психометрических процедур. В тех случаях, когда это было необходимо, нами анализировались результаты фокус-группового исследования, нестандартизованного интервью, анкетного опроса, а также целого ряда психологических тестов. В частности, использовались методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в варианте Д.А. Леонтьева, тест СЖО (смысложизненные ориентации) Д.А. Леонтьева, техника репертуарных решеток Дж. Келли, тест САТ (самоактуализационный тест) Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и М.В. Латинской, тест УСК (уровень субъективного контроля) Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинды, методика изучения ценностей личности Ш. Шварца, методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой, методическая разработка «Этническая аффилиация» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в модификации Л.Г. Почебут, а так-

же специально разработанный по аналогии с ним опросник, основанный на концепции М. Мид; тест-опросник мотивации достижения А. Мехрабиана в модификации М.Ш. Магомед-Эминова, методика диагностики коммуникативной толерантности В.В. Бойко, методика исследования уровня эмпатийных тенденций И.М. Юсупова, тест на выявление уровня толерантной установки П.Ф. Комогорова, опросник «Эмоциональные различия в реакциях на деньги» В.Д. Рубинштейн, «Шкала денежной этики» Т. Тэнга, методика Ф. Клайна.

В предлагаемой книге обобщаются результаты десятилетнего исследования ценностных представлений более чем 8 тыс. человек – респондентов ряда репрезентативных и случайных выборок. В зависимости от логики изложения материала результаты изучения ценностной структуры массового сознания представлены различным образом: как в виде процентного распределения описываемых ценностных типов в сравниваемых выборках, так и посредством указания частоты ответов среди отнесенных к этим ценностным типам. Для выявления статистических различий в распределениях признаков проверялась гипотеза об однородности выборок с помощью критерия Колмогорова – Смирнова (λ_α), где значение критерия, соответствующее уровню значимости $\alpha = 0,05$, равно $1,36^{10}$. В некоторых случаях использовался также процентный анализ, позволяющий при $p < 0,05$ установить достоверность различий между описываемыми пропорциями (т.е. различий долей типов в рассматриваемых группах либо различий частот ответов между сравниваемыми типами).

В первой части монографии дается теоретическое обоснование авторской модели ценностной структуры массового сознания, приводятся результаты ее апробации, а также анализируется влияние определяющих ее социально-демографических факторов: материального благосостояния, принадлежности к различным стратификационным группам, культурно-средовых особенностей проживания, возраста, уровня образования, особенностей родительской семьи и социального положения родителей.

Вторая часть монографии посвящена анализу регулятивной функции системы ценностных ориентаций и описанию ее нарушений при различных социальных девиациях, а также характеристике ценностной регуляции поведения в отдельных соци-

¹⁰ Каган Е.С. Применение методов теории статистического вывода в психологических исследованиях: учебное пособие. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — С. 38–40.

альных сферах – межличностном и межкультурном взаимодействии, социокультурных проявлениях сексуальности, экономическом поведении и отношении к деньгам, массово-коммуникационных и информационных предпочтениях, политическом и электоральном поведении.

Автор выражает глубокую и искреннюю благодарность своим студентам и аспирантам, а также всем коллегам-психологам, которые в рамках собственных научных изысканий осуществляли апробацию разработанной нами методики изучения ценностной структуры массового сознания и исследовали распространенность выделяемых нами ценностных типов в различных социальных, культурных и этнических группах.

Часть 1

ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Г л а в а 1

ЦЕННОСТНЫЕ СИСТЕМЫ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

На разных этапах развития науки источниками ценностей личности и общества назывались божественный или природный разум, принцип удовольствия и инстинктивные биологические потребности, универсальный закон сохранения вида, внутренняя психологическая природа человека, этические нормы микросоциального окружения и общества в целом. Сегодня ценности уже традиционно рассматриваются как двойственный феномен, основанный одновременно на индивидуальном и социальном опыте и связывающий внутренний мир отдельного человека с массовым сознанием.

Положение об общественно-историческом характере ценностей получило развитие еще в работах классиков социологической традиции. Так, Э. Дюркгейм, рассматривая взаимовлияние ценностно-нормативных систем личности и общества, отмечал, что система ценностей общества представляет собой совокупность ценностных представлений отдельных индивидов, и, соответственно, «объективна уже благодаря тому, что она коллективна». Он полагает, что «шкала ценностей оказывается таким образом свободной от субъективных и изменчивых оценок индивидов. Последние находят вне себя уже устоявшуюся классификацию, к которой они вынуждены приспосабливаться». Механизмом, регулирующим поведение человека в обществе, является внутреннее принятие им социальных ценностей посредством внешнего принуждения: «мы явственно ощущаем, что не являемся хозяевами наших оценок, что мы связаны и принуждаемы. Нас связывает общественное сознание»¹¹.

Т. Парсонс, конкретизируя в своей теории социального действия механизмы взаимовлияния ценностных систем индивида и общества, оперирует понятием «социальная система», которая в качестве подсистем включает, с одной стороны,

¹¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. — М.: Канон, 1995. — С. 290.

потребности «деятеля», а с другой – ценности социокультурной среды. При «ориентации деятеля на ситуацию» происходит взаимодействие и взаимообмен ценностно-нормативного содержания этих двух подсистем посредством институционализации (узаконения обществом в процессе легитимизации) и интернализации (внутреннего принятия личностью в процессе социализации)¹².

М. Вебер, понимающий под ценностями установки той или иной исторической эпохи, выделяет две стадии формирования «культурно-исторической индивидуальности». Им разделяются субъективная оценка объекта и «отнесение к ценности», которое превращает индивидуальное впечатление в объективное при соотношении с исторической системой ценностей¹³.

В современной отечественной социологии под ценностями понимаются обобщенные цели и средства их достижения, исполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную quintessence потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она в свою очередь оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов¹⁴.

В психологии проблема взаимосвязи ценностей личности и общества с самого начала также заняла важное место, став предметом «высшей» (в терминологии В. Вундта) ее области. Так, в представлении Э. Шпрангера ценностная сфера личности имеет двойственный характер, включая как субъективные оценки, так и существующие в общественном сознании нормы и представления. Он подчеркивает, что содержание человеческой души не может быть сведено к субъективным ценностям – по его словам, душа человека отражает и объективные ценности: «эти ценности, возникшие в исторической жизни, которые по своему смыслу и значению выходят за пределы индивиду-

¹² Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

¹³ Вебер М. Избранные произведения / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

¹⁴ Динамика ценностей населения реформируемой России / отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 224 с.

альной жизни, мы называем духом, духовной жизнью или объективной культурой»¹⁵.

По мнению Э. Фромма, человек оказывается связанным с миром посредством процессов ассимиляции (приобретая и потребляя вещи) и социализации (устанавливая отношения с другими людьми). Особенности проявления и соотношения этих процессов формируют тот или иной тип социального характера, принадлежность к которому и определяет направленность личности на соответствующую систему ценностей¹⁶.

Г. Оллпорт, полагая, что источником большинства ценностей личности является мораль общества, выделяет также ряд ценностных ориентаций, не продиктованных моральными нормами, – например, любознательность, эрудиция, общение и т.д. Моральные нормы и ценности, в его представлении, формируются и поддерживаются посредством внешнего подкрепления. Они выступают скорее в качестве средств, условий достижения внутренних ценностей, являющихся целями личности. Преобразование средств в цели, превращение внешних ценностей в ценности внутренние Г. Оллпорт называет «функциональной автономией», понимаемой им как процесс трансформации «категорий знания» в «категории значимости». «Категории значимости» возникают при самостоятельном осознании смысла полученных извне «категорий знания»¹⁷.

Самого факта осознания ценностей, однако, не вполне достаточно для их внутреннего принятия личностью. Осмысленность ценностей, по словам В. Франкла, придает им объективный, универсальный характер: «как только я постигаю какую-либо ценность, я автоматически осознаю, что эта ценность существует сама по себе, независимо от того, принимаю я ее или нет»¹⁸. Под ценностями личности В. Франкл понимал так называемые «универсалии смысла», т.е. смыслы, присущие большинству членов общества, всему человечеству на протяжении его исторического развития¹⁹. Субъективная значимость ценно-

¹⁵ Шпрангер Э. Два вида психологии // История психологии (10-е–30-е гг. Период открытого кризиса). – 2-е изд. / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 355–356.

¹⁶ Фромм Э. Психоанализ и этика / пер. с англ. – М.: Республика, 1993. – 415 с.

¹⁷ Оллпорт Г. Личность в психологии / пер. с англ. – М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. – С. 133.

¹⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 170.

¹⁹ Там же. – С. 288.

сти, по его мнению, должна сопровождаться принятием ответственности за ее реализацию.

Анализ социальной опосредованности личностных отношений занимает важное место и в отечественной психологии, согласно которой личность не может рассматриваться в отрыве от социальной среды, общества. Еще Л.С. Выготский ввел в психологию понятие «социальная ситуация развития». Развитие личности, по Л.С. Выготскому, обусловлено освоением индивидуумом ценностей культуры, которое опосредовано процессом общения. По его словам, значения и смыслы, зарождаются в отношениях между людьми, в частности в прямых социальных контактах ребенка со взрослыми, затем посредством интериоризации, «вращиваются» в сознание человека²⁰. С.Л. Рубинштейн также пишет, что ценности «производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека»²¹. Б.Г. Ананьев исходным моментом индивидуальных характеристик человека как личности считает его статус в обществе, равно как и статус общности, в которой складывалась и формировалась данная личность. На основе социального статуса личности формируются системы ее социальных ролей и ценностных ориентаций. Статус, роли и ценностные ориентации, по словам Б.Г. Ананьева, образуя первичный класс личностных свойств, определяют особенности структуры и мотивации поведения и, во взаимодействии с ними, характер и склонности человека²².

Изучение роли социальных отношений в формировании личности применительно к ее ценностным ориентациям продолжено в работах Б.Д. Парыгина, Г.М. Андреевой, А.И. Донцова, Л.И. Анцыферовой, В.С. Мухиной, А.А. Бодалева, Г.Г. Дилигенского, В.Г. Алексеевой и многих других исследователей. С точки зрения Л.И. Анцыферовой, направленность личности на определенные ценности – ценностные ориентации – формирует общество. Именно общество предъявляет определенную систему ценностей, которые человек «чутко улавливает» в процессе постоянного «обследования границ и содержания норм» и формирования их собственных, индивидуально-личностных

²⁰ *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 536 с.

²¹ *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976. – С. 369.

²² *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – С. 210.

эквивалентов²³. В.Г. Алексеева определяет ценностные ориентации как форму включения общественных ценностей в механизм деятельности и поведения личности, как ступень перехода ценностей общества в деятельность субъекта²⁴.

Необходимо подчеркнуть, что социально-психологический подход к определению ценностей заключается не в рассмотрении ценностной системы общества как внешней по отношению к человеку совокупности норм и правил, а в анализе социально обусловленного характера принятия ценностей личностью. Так, С.Л. Рубинштейн видел задачу психологии в том, чтобы «преодолеть отчуждение ценностей от человека»²⁵. В данном контексте как основное средство принятия личностью ценностей общества может рассматриваться понятие «деятельность», занимающее ключевое место в теории А.Н. Леонтьева. По его словам, реальным базисом личности человека выступает совокупность общественных по своей природе отношений к миру, которые реализуются его деятельностью²⁶.

Помимо двойственности происхождения, еще одной общепризнанной характеристикой ценностей личности является их существование в виде иерархической системы. Большинство исследователей ценностей полагает, что ценностные ориентации всегда образуют иерархическую систему и представлены в структуре личности только в качестве ее элементов. Невозможно представить себе ориентацию личности на ту или иную ценность как некое изолированное образование, не учитывающее ее приоритетность, субъективную важность относительно других ценностей, т.е. не включенное в систему.

В американской социальной психологии получило распространение представление о системе ценностей личности как иерархии ее убеждений. Так, М. Рокич рассматривает ценности как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения, либо конечная цель существо-

²³ *Анциферова Л.И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. — М., 1989. — С. 426–433.

²⁴ *Алексеева В.Г.* Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. — 1984. — Т. 5, № 5. — С. 64.

²⁵ *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. — М.: Наука, 1989. — С. 211.

²⁶ *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.

вания»²⁷. По его мнению, ценности личности характеризуются следующими признаками: истоки ценностей прослеживаются в культуре, обществе и личности; влияние ценностей наблюдается практически во всех социальных феноменах, заслуживающих изучения; общее число ценностей, являющихся достоянием человека, сравнительно невелико; все люди обладают одними и теми же ценностями, хотя и в различной степени; ценности организованы в системы.

На основе традиционного противопоставления ценностей-целей и ценностей-средств М. Рокич в системе ценностей выделяет два класса:

- терминальные ценности – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться;
- инструментальные ценности – убеждения в том, что какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях.

М. Рокич считает, что терминальные ценности носят более устойчивый характер, чем инструментальные, причем для них характерна меньшая межиндивидуальная вариативность²⁸.

Экспериментальная проверка стабильности ценностей терминальных и инструментальных групп позволила В.А. Ядову сделать вывод о том, что при действительно существующем определенном разделении целевых и инструментальных аспектов в системе ценностей «... имеет место диалектика перехода целей в средства и наоборот. Дальнейшие цели предполагают в качестве средств достижение ближних. Ведущие средства вполне могут восприниматься субъектом как цель сама по себе»²⁹. В этой связи терминальные и инструментальные ценности можно рассматривать как единую уровневую иерархию, где ценности-средства занимают относительно подчиненное положение по отношению к ценностям-целям.

По словам Б.Ф. Ломова, «ценностные ориентации, как и любую психологическую систему, можно представить как многомерное динамическое пространство, каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений и имеет у каждой личности различные веса»³⁰. В представ-

²⁷ Rokeach M. The nature of human values. – N.Y.: Free Press, 1973. – P. 5.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социол. журн. – 1994. – № 1. – С. 52.

³⁰ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – С. 36.

лении С.С. Бубновой, основной критерий иерархии ценностей – личностная значимость – также обусловлен влиянием тех или других форм социальных отношений. В ее модели на основе принципов нелинейности, многомерности и иерархичности выделяются следующие три уровня системы личностных ценностей: ценности-идеалы; ценностные свойства личности, детерминирующие и регулирующие процесс формирования, закрепления и переструктурирования системы ценностей-идеалов; реальные ценностные ориентации³¹.

Я. Гудечек полагает, что система ценностей имеет «горизонтально-вертикальную» структуру. Под горизонтальной структурой им подразумевается упорядоченность ценностей «в параллельной последовательности», т.е. иерархия предпочитаемых и отвергаемых ценностей. Вертикальная структура понимается в данном случае как включение индивидуальных систем ценностей в систему ценностей общества в целом³².

Таким образом, принцип иерархии ценностей, многоуровневость являются важнейшей характеристикой системы ценностных ориентаций личности. Согласно В. Франклу, субъективное «переживание определенной ценности включает переживание того, что она выше какой-то другой»³³. Принятие личностью ценностей, таким образом, автоматически предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии. Ранг той или иной ценности в индивидуальной системе, по мнению Н. Гартмана, может определяться как ее абстрактной «высотой», так и ее «силой», зависящей от «тяготы», возникающей при ее нереализации³⁴. В работах современных отечественных авторов, в частности Е.Б. Фанталовой, С.Р. Пантлеева, Д.А. Леонтьева, также указывается на неоднозначность критериев индивидуального ранжирования ценностей – их предпочтение может быть обусловлено представлениями об их абсолютной значимости для общества и человечества в целом или же их субъективной акту-

³¹ Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система и системообразующий фактор личности // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: мат. участников съезда. Т. I. – М.: Российское психологическое общество, 2012. – С. 276.

³² Гудечек Я. Ценностная ориентация личности // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. – М., 1989. – С. 107.

³³ Франкл В. Человек в поисках смысла... – С. 290.

³⁴ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – С. 307.

альной важностью, насущностью³⁵. Таким образом, принятие личностью ценностей общества автоматически предполагает построение индивидуальной ценностной иерархии.

Как уже отмечалось, ценностные системы личности и общества взаимосвязаны и взаимообусловлены. Ценностные ориентации личности связывают ее внутренний мир с окружающей социальной действительностью, с другой стороны, содержание системы ценностей различных общностей и общества в целом определяется соотношением в них носителей тех или иных индивидуальных систем ценностей. Сказанное определяет целесообразность выделения типов индивидуальных ценностных систем, выступающих структурными элементами ценностной системы общества.

По словам В.Г. Алексеевой, ценностные ориентации могут использоваться в качестве главного критерия построения типологии личности³⁶. Несмотря на то что построение ценностных типологий личности, как это справедливо отмечает М.И. Бобнева, связано с большими методологическими трудностями и предполагает использование большого объема данных³⁷, с начала XX в. предложено огромное количество классификаций ценностных систем.

Вообще говоря, задача построения типологии личности, выделения и характеристики тех или иных психологических типов привлекала к себе внимание еще со времен античности. Античные типологические модели не являлись ценностными в своей основе, однако некоторые из них были достаточно созвучны современным психологическим подходам и оказали определенное влияние на разработку собственно психологических типологий. Так, гностики выделяли три типа людей, которые различались преобладанием телесных или же духовных элементов. У *гиликов* (или соматиков) – «плотских» людей – господствует материальное начало; хорошо разбираясь в мире материальных объектов, они не способны к вере или познанию, к пониманию этики или абстрактных концепций. *Психики* – «душевные» люди – характеризуются смещением материальной основы и духовного начала; они могут достичь веры, хорошо разби-

³⁵ Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М., 1992. – 17 с.

³⁶ Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психол. журн. – 1984. – Т. 5, № 5. – С. 65.

³⁷ Бобнева М.И. На подступах к построению нормативно-ценностных типологий // Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. – М., 1990. – С. 36.

раются в этических вопросах, прекрасно чувствуют собеседника и ориентируются в эмоциональном поле, однако не способны к подлинному познанию и пониманию абстракций. Наконец, *пневматики* – «духовные» люди – отличаются перевесом «божественного духа»; обладая всеми способностями других типов, они также готовы и к абстрактному познанию, и могут достичь высшей ступени развития, становясь гностами. Данная типология, оказавшая влияние на представления о психологических типах классиков психологии, в частности К.Г. Юнга³⁸, представляется весьма интересной и в контексте построения типологии ценностных систем.

По-видимому, первой типологией личности, построенной на основе различий ее ценностных ориентаций, является классификационная модель Э. Шпрангера. В его представлении, ценность, имеющая для индивида наибольшую значимость, т.е. занимающая самое высокое положение в его системе ценностных ориентаций, определяет ведущую направленность личности. Психологическая классификация доминирующих ценностных ориентаций личности является, тем самым, и основанием для дифференциации личностных типов. Он выделяет шесть идеальных типов личности: теоретический человек (основная ценность – поиск истины); экономический человек (акцент делается на полезных и практических ценностях); эстетический человек (наивысшей ценностью считаются стиль и гармония); социальный человек (главная ценность – любовь, стремление к всеобщей любви, любви ко всему человечеству); политический человек (основная ценностная направленность – личная власть, влияние, известность, не ограниченные сферой политики); религиозный человек (ценностная ориентация состоит в поиске смысла жизни, высшей духовной силы)³⁹. Несмотря на ограниченность этой классификации шестью абстрактно-теоретически выделенными типами, разработанный на основе теории Э. Шпрангера тест ценностных предпочтений Г. Олпорта, Ф. Вернона и Г. Линдзи долгое время оставался практически единственной общеупотребительной методикой диагностики ценностных ориентаций личности.

Ш. Шварц и У. Билски выдвинули гипотезу о наличии ограниченного числа «универсальных мотивационных типов» –

³⁸ Юнг К.Г. Психологические типы / под общ. ред. В.В. Зелинского. – Минск: ООО «Попурри», 1998. – 656 с.

³⁹ Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 55–60.

«доменов», различающихся между собой «типом цели», или доминирующей ценностью. Ими были выделены десять таких «доменов», фактически представляющих собой различные типы ценностных ориентаций личности. Каждому «домену» соответствует та или иная ведущая терминальная ценность – саморегуляция, полнота ощущений, гедонизм, достижение успеха, власть, безопасность, конформность, поддержание традиций, благополучие группы, благополучие всех людей в целом. Указанные ценности, определяющие соответствующую «мотивационную тенденцию», могут быть противоречащими друг другу. Исходя из этого, Ш. Шварц и У. Билски выделяют следующие дихотомии ценностей:

1. Ценности сохранения (безопасность, конформность, традиции) – ценности изменения (полнота ощущений, саморегуляция).

2. Ценности самоопределения (благополучие группы и человечества в целом) – ценности самовозвышения (власть, достижение, гедонизм)⁴⁰.

Данная модель была положена в основу создания методики изучения ценностей личности, получившей широкое распространение в кросс-культурных исследованиях.

М. Миштал в качестве основы построения типологии ценностных систем рассматривает такие ценности, как обеспечение удачной семейной жизни, получение образования, достижение высоких доходов; социальная деятельность на благо других людей. Соответственно, он выделяет четыре «чистых» ценностных типа, которые направлены на семейные, образовательные, финансовые и общественные ценности, а также шесть производных от них смешанных типов. Кроме того, в его классификацию включены четыре типа, выделяемые на основании отрицательного отношения к тем или иным базовым ценностям (антисемейные, антиобразовательные, антифинансовые и антиобщественные), а также тип, для которого основные ценности оказываются «равноценными»⁴¹.

А. Фолкерская называет девять личностных типов, характеризующихся ориентацией соответственно на интеллектуальные, эстетические, социоцентрированные (просоциальные), ал-

⁴⁰ Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 58, N 5. – P. 550–562.

⁴¹ Цит. по: Руднева Е.Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов. – Кемерово: Изд-во КРИПК и ПРО, 2002. – С. 55–56.

лоцентрические (связанные с благополучием другого человека), материальные, эмоциональные, гедонистические ценности, а также на ценности, связанные с престижем либо с совершенством. Рядом авторов предложены подобные типологии жизненных ориентаций личности, в основе которых также находятся те или иные доминирующие ценности. Так, С. Яловецкий описывает потребительскую, аффилиационную (участие в социальной жизни), эстетическую, этическую, религиозную ориентации, а также ориентацию на признание, на труд и на знания. Б. Идзиковски находит пять основных типов жизненных ориентаций: на семейное счастье; на профессионализм (на профессию, труд); на знания и квалификацию; на материальное благополучие; на спокойную жизнь, социальное признание и социальную пользу⁴².

Среди отечественных психологических и социологических типологий ценностных систем можно назвать модели М.И. Бобневой, В.Ю. Бойко, Н.А. Волковой, Е.И. Головахи, Г.Г. Дилигенского, С.Л. Коптева, А.Г. Кузнецова, В.Н. Куницыной, Н.И. Лапина, В.Г. Немировского, Н.И. Непомнящей, Е.Л. Рудневой, А.А. Ручки, В.Н. Согатовского, П.И. Смирнова, В.А. Ядова и других.

Однако большинство описанных типологий являются по существу идеальными, т.е. теоретическими, абстрактно-логическими конструкциями, заведомо упрощенными и не всегда имеющими аналоги в виде реальной личности. Кроме того, многие приведенные типологии имеют явный или подразумеваемый оценочный характер. Сам подход к выделению типов личности на основе ее ориентации на какую-либо доминирующую ценность либо на основании какого-либо другого единичного признака справедливо критиковался различными авторами, в частности М. Рокичем⁴³. Очевидно, что любая дифференциация людей на основании их ценностных ориентаций является достаточно условной.

Система ценностей человека изменчива, поскольку в значительной степени обусловлена как меняющейся социальной средой, так и актуальным уровнем развития личности. Описанные многими авторами типы ценностной направленности могут выступать в качестве стадий развития системы ценностных ори-

⁴² Идзиковски Б. Формирование ценностных ориентаций, влияющих на жизненную и профессиональную карьеру молодежи в Польше: дис... д-ра пед. наук. — М., 1997. — С. 159–160.

⁴³ Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values. — San Francisco: Josey-Bass Co, 1972. — 214 p.

ентаций личности. Так, в основе концепции Дж. Ловинджер, интегрирующей типологический и динамический подходы, важное место занимает положение о том, что каждая стадия развития может оказаться для человека последней, и достигнутый к этому моменту уровень становится его личностным типом⁴⁴.

Типы ценностных систем массового сознания также могут соответствовать различным этапам развития соответствующего общества. Конкретная форма общественного устройства, специфические социально-исторические условия формирования личности лежат в основе типологии социальных характеров, различающихся направленностью на различные группы ценностей. Под социальным характером Э. Фромм понимал «культурное ядро» личности, которое рассматривал как форму связи между психикой индивида и ценностями и идеалами общества. Он делит ценности на две категории: официально признанные, осознаваемые (религиозные и гуманистические) и действительные, бессознательные (порожденные социальной системой), которые являются непосредственными мотивами человеческого поведения. Пытаясь объединить социологический и психоаналитический подходы, Э. Фромм соотносит прегенитальный и генитальный типы ориентации З. Фрейда с «непродуктивным» и «продуктивным» типами ориентаций, отличающимися направленностью на различные системы ценностей. Им выделяется несколько типов непродуктивной ориентации, существующих в современном обществе: рецептивный (получающий), эксплуататорский (берущий), накопительский (сохраняющий) и рыночный (обменивающий). Продуктивная ориентация (производящий, дающий тип характера), по словам Э. Фромма, отличается подчинением всех усилий человека целям роста и развития всех его потенций⁴⁵. Данная типология предполагает существование и преобладание в том или ином конкретном обществе индивидуумов, достигших различных стадий психосексуального развития. Такой подход по существу переносит закономерности индивидуального развития на развитие общества в целом.

Анализ связей между системами ценностей личности и общества осуществлялся также при исследованиях социальной установки. У. Томас и Ф. Знанецкий рассматривали поведение личности в обществе с точки зрения «социальной ситуации», вклю-

⁴⁴ Цит по: Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. — М.: Интерпракс, 1995. — С. 51.

⁴⁵ Фромм Э. Психоанализ и этика... — С. 45–99.

чающей в себя социальные нормы и ценности, социальную установку индивида и определение им ситуации. Определение ситуации индивидом, исходя из собственных установок или групповых норм, позволяет судить о его степени приспособляемости к социальному окружению, конформности. На этой основе У. Томас и Ф. Знанецкий выделили три типа характера: мещанский (ориентирующийся на традиционные ценности), богемный (характеризующийся нестойкими и несвязанными ценностями, высокой степенью приспособляемости) и творческий (единственный, определяющий развитие общества и культуры)⁴⁶. Тем самым распространенность тех или иных ценностных типов в конкретном обществе определяется социально-психологическими характеристиками его членов, в данном случае – уровнем конформности.

Типология социальных характеров американского социолога Д. Рисмена построена на преобладании внутреннего или внешнего источника ценностных ориентаций личности. В его представлении, на протяжении развития современного западного общества друг друга сменяют и типы социального характера. Д. Рисмен типы «ориентированный на себя» и «ориентированный на другого» описывает как основные. Поведение первого определяется интернализованными в раннем детском возрасте нормами, ценностями и жизненными принципами. «Ориентированная на себя» личность является более целеустремленной, динамичной, предприимчивой, более открытой к переменам и нововведениям, требующей или осуществляющей «позитивное лидерство». Поведение «ориентированной на другого» личности определяется не собственными принципами, а «другими», т.е. ценностями окружающих, модой, внешними влияниями, существующей системой общественных связей. Такой человек обезличен, стандартизован современным потребительским обществом, пассивен и становится объектом манипулирования⁴⁷.

Осуществляемое некоторыми авторами отождествление типов характера Д. Рисмена с конформным и неконформным типами личности является не совсем точным. «Ориентированность на себя» не означает враждебности к окружающим или конфронтации с групповыми нормами. Сам Д. Рисмен определяет конформную личность как «ориентированный на традицию», консервативный тип социального характера, приверженный усто-

⁴⁶ Современная западная социология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С. 351.

⁴⁷ Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социол. исслед. — 1993. — № 5, 7. — С. 144–151.

явшимся традициям и обычаям. Неконформной личности в его типологии соответствует «автономная личность», активная и независимая в отношении воздействий своей культурной среды и имеющая ясные рациональные цели, не навязанные другими людьми. Эти два типа характера являются у Д. Рисмена как бы «крайними» по отношению к «ориентированному на себя» и «ориентированному на другого» типам. Они соответствуют исторически предшествующему и будущему типам общественного устройства.

В зависимости от того, признает ли человек господствующие в данном обществе ценности-цели и ценности-средства их достижения, Р. Мертон выделил пять моделей социальной адаптации к действующим культурным нормам: конформизм (полное принятие целей и средств их достижения), инновация (достижение одобряемых целей непризнанными средствами), ритуализм (соблюдение внешних правил ради собственных целей), эскейпизм (отрицание доминирующих целей и средств достижения), мятеж (амбивалентное отношение к общественным целям и нормам)⁴⁸. По нашему мнению, такая модель описывает по сути лишь отклоняющиеся модели поведения, не оставляя места для осознанного внутреннего принятия социальных ценностей.

Я. Гудечек рассматривает пять основных типов отношения личности к системе ценностей современного общества в зависимости от степени ее внутреннего принятия:

- активное отношение (выражение высокой степени интернализации ценностной системы);
- конформное отношение (внешнее, приспособленческое выражение согласия без интернализации или идентификации с данной системой ценностей);
- индифферентность (безразличие, отсутствие интереса к данной ценностной системе);
- несогласие (критика, осуждение и отрицательная оценка ценностной системы, стремление к ее изменению);
- активное противодействие (внутреннее и внешнее отрицание системы ценностей)⁴⁹.

Подобная типология ценностных систем предлагается и К.А. Абульхановой-Славской, которая на основе экспериментальных данных выделяет три типа личности:

⁴⁸ Merton R.K. Social theory and social structure. — Glencoe, Ill.: Free Press, 1957. — 645 с.

⁴⁹ Гудечек Я. Ценностная ориентация личности... — С. 107.

– тип, характеризующийся непризнанием общественных норм и ценностей, как ограничивающих его личную свободу, и стремящийся к освобождению от них, не имеющий желания самому поступать «нравственно-ценностным образом»;

– тип, имеющий негативное отношение к системе ценностей общества и берущий на себя ответственность за реализацию нравственной функции;

– тип, не отрицающий, а конформистски признающий социальные нормы как ценности, не имеющий внутренних принципиальных нравственных и ценностных позиций⁵⁰.

В концепциях, являющихся теоретической основой для прикладных социологических исследований, основной акцент делается на различиях в культурно-исторических корнях ценностных типов, на их «универсализме» или «модернизме». Так, Г. Триандис разделяет «имические» и «итические» общественные ценности. Первые носят конкретный социокультурный характер, а вторые представляют собой универсальные «метаценности», присущие любому типу и стадии общественного устройства⁵¹.

По Б.А. Грушину, структура массового сознания включает элементы, порожденные данным обществом, предшествующими обществами и переданные данному обществу по наследству, а также другими современными обществами⁵².

В рамках культурно-генетического подхода Н.И. Лапин разделяет ценности на традиционные, современные и общечеловеческие. Традиционные ценности характерны для традиционного типа общества, ориентированы на сохранение и воспроизводство давно сложившихся целей и норм жизни. Современные ценности ориентированы на инновации и прогресс в достижении рациональных целей и норм жизни и характерны для развитых западных обществ. Общечеловеческие ценности в равной мере свойственны и традиционным, и современным обществам, хотя большинство из них возникли в традиционных обществах, исторически более ранних⁵³.

⁵⁰ Ценности в кризисном социуме (заседание «круглого стола» в Институте психологии АН СССР) // Психол. журн. – 1991. – Т. 12, № 6. – С. 154–167.

⁵¹ Triandis H.C. Culture and social behavior. – N.Y. etc.: McGraw-Hill, 1994. – P. 155–180.

⁵² Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

⁵³ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социол. исслед. – 1996. – № 5. – С. 6.

Надо отметить, что Н.И. Лапин в своих фундаментальных исследованиях, посвященных эволюции ценностной структуры современного российского общества, рассматривает типологию ценностного сознания и по целому ряду других социокультурных параметров, в частности по его «функциональной роли», анализируя динамику соотношения в его структуре «дифференцирующих» и «интегрирующих» компонентов.

В связи с местом в статусно-иерархической структуре ценностного сознания членов общества Н.И. Лапин предлагает четыре группы ценностей:

- ценности высшего порядка, «ядро» ценностной структуры – доминирующая в общественном сознании группа ценностей, которые интегрируют общество или иную социальную общность в некоторое целое (ценности, одобренные свыше 60 % населения);

- ценности среднего статуса, которые могут перемещаться в состав ядра или на периферию – «структурный резерв», находятся между доминированием и оппозицией, служат областью, где наиболее интенсивно проявляются ценностные конфликты между индивидами и социальными группами (такие ценности одобряют 45–60 % населения);

- ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса – «периферия», включают в себя оппозиционные ценности, разделяющие членов данной общности на приверженцев разных, подчас несовместимых ценностей и потому вызывающих наиболее острые конфликты. Эти ценности подвижны и могут перемещаться в резерв или в хвост (одобряют примерно 30–40 % населения);

- ценности низшего статуса – «хвост» ценностной структуры – ценности явного меньшинства, отличающегося от остальных членов общества большей стабильностью своих ориентаций, унаследованных от прошлых пластов культуры (одобряют менее 30 % населения)⁵⁴.

Приведенные социологические и социально-психологические подходы предполагают одновременное существование в современном массовом сознании различных типов ценностных систем, различающихся как «давностью» их возникновения, так и психологическими факторами и механизмами их формирования. Таким образом, ценностная структура массового сознания неоднородна и включает в себя элементы, имеющие различное (с психологической точки зрения) происхождение.

⁵⁴Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян... – С. 6.

Г л а в а 2

МОДЕЛЬ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Очевидно, что гетерогенный характер системы ценностных ориентаций не позволяет считать адекватными типологические модели, не учитывающие различия в происхождении ценностей. В этой связи интересной представляется концепция П.И. Смирнова, в основу классификации ценностей которой положены одновременно два критерия: терминальный или инструментальный характер ценностей, а также биологическое, природное или же социальное их происхождение⁵⁵.

Однако наибольший интерес для нашей работы в методологическом плане представляют модели типологии ценностных систем, основанные на концепции А. Маслоу. Как известно, в гуманистической психологии группы ценностей (как и блоки потребностей) образуют вертикальную иерархию. А. Маслоу выделяет две основные группы ценностей: высшие Б-ценности (бытийные, ценности «развития», присущие самоактуализирующимся людям) и низшие Д-ценности (дефицитные или гомеостатические, регрессивные, защитные ценности, обусловленные тревогой и фрустрацией). Занимающие подчиненное положение «Д-ценности», или, как А. Маслоу их называет в другой своей работе, «регрессивные» ценности, выбираются людьми «ради выживания», достижения состояния гомеостаза. Их реализация является, по его словам, «абсолютной необходимостью» и выступает предпосылкой «ощущения и функционирования» высших «Б-ценностей» или «ценностей развития»⁵⁶.

Р. Инглхарт на основе концепции А. Маслоу разделяет «материалистические» (физиологические) и «постматериалистические» ценности, преобладание которых в том или ином обще-

⁵⁵ Смирнов П.И. Социальная значимость как основная личностная ценность // Вестн. ЛГУ. Экономика. Философия. Право. — 1990. — № 3. — С. 38–43.

⁵⁶ Маслоу А. Психология бытия / пер. с англ. — М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. — С. 213–214.

стве отражает стадию его общего экономического и социального развития. Данные типы ценностных ориентаций имеют разное происхождение, сформулированное им в виде «гипотезы недостаточности» и «гипотезы социализации». В то же время в классификации Р. Инглхарта постматериалистические ценности фактически распадаются на две группы – социальные и ценности самоактуализации, обусловленные направленностью на «присоединение» либо саморазвитие⁵⁷. Развивая это положение, А.П. Вардомацкий дополняет концепцию Р. Инглхарта «гипотезой идеализации». Однако такая точка зрения, предполагающая, по нашему мнению, существование трех основных типов ценностных ориентаций, так и не нашла отражения в экспериментальных исследованиях.

Метод «аксиометрии», используемый Р. Инглхартом и позволяющий определить распространенность соответствующих типов ценностных ориентаций в том или ином обществе, основан на выборе респондентами наиболее важной ценности из предлагаемого списка, включающего ценности-индикаторы материалистической либо постматериалистической ориентации. В первоначальном списке содержалось всего четыре ценности:

- сохранение порядка в республике;
- предоставление народу больше возможностей влиять на важные решения правительства;
- борьба с повышением цен;
- защита свободы слова.

Первый и третий пункты являлись индикаторами материалистических ценностей, второй и четвертый – постматериалистических. В последующем, с целью повышения устойчивости к текущим социально-экономическим колебаниям, число индикаторов доведено Р. Инглхартом до двенадцати. В этом виде методика получила широкое распространение в Западной Европе, США и, в последующем, на постсоветском пространстве⁵⁸.

Очевидно, что такой подход имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, изучение ценностных предпочтений общества ограничено их заданным списком, отражающим только сферу политических ценностей. Во-вторых, определенные ограничения накладывает сама двухполюсная модель ценностных

⁵⁷ *Inglehart R.* The silent revolution in Europe: intergenerational change in post-industrial societies // *American Political Science Review*. – N 65. – P. 991–1017.

⁵⁸ *Вардомацкий А.П.* Сдвиг в ценностном измерении? // *Социол. исслед.* – 1993. – № 4. – С. 46–55.

ориентаций, восходящая к противопоставлению высших или низших потребностей в теории А. Маслоу.

Справедливости ради, надо отметить, что сам Р. Инглхарт, будучи последователем А. Маслоу (который, как известно, призывал к «преодолению дихотомии»), отрицает прямую полярность выделяемых им ценностных типов: «Постматериалисты не являются нематериалистами, а тем более антиматериалистами. Термин “постматериалист” указывает на группу целей, акцентируемых после того, как люди достигли материальной безопасности, и потому, что они ее достигли. Таким образом, разрушение безопасности привело бы к постепенному откату вспять, в сторону материальных приоритетов. Появление постматериализма отражает не оборачивание полярностей, а смену приоритетов: экономической и физической безопасности постматериалисты придают отнюдь не негативную ценность – они, как всякий, оценивают ее положительно; но в отличие от материалистов они еще более высокий приоритет отводят самовыражению и качеству жизни»⁵⁹. Тем не менее, несмотря на приведенные оговорки, методика, предложенная Р. Инглхартом, на практике придает выделяемым им системам ценностей взаимоисключающий характер.

Однако, как показывает Г.Г. Дилигенский, половина или больше опрошенных не могут быть отнесены ни к «материалистам», ни к «постматериалистам», поскольку системы ценностей, выделенные Р. Инглхартом в качестве альтернативных, фактически таковыми не являются⁶⁰.

По словам Б. Шледера, типология Р. Инглхарта сегодня находится в центре критики и определяется как во многом недифференцированная и неисторическая⁶¹. В качестве альтернативной им предлагается концепция Х. Клагеса, различающего, с одной стороны, ценности общественного долга и признания (дисциплина, порядок и послушание), а с другой – ценности самореализации (творчество, самоутверждение, свобода). Развивая свою типологию, Х. Клагес выделяет нормоцентрическую и аутоцентрическую ориентацию. В первом случае доминирует отношение к общественным нормам, а во втором – отношение

⁵⁹ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... – С. 6–32.

⁶⁰ *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – С. 103.

⁶¹ *Шледер Б.* Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // *Иностр. психология.* – 1994. – Т. 2, № 2. – С. 48.

к собственному «Я»⁶². По нашему мнению, модели Р. Инглхарта и Х. Клагеса не противоречат друг другу, являясь взаимодополняющими, и фактически отражают существование трех основных типов ценностных ориентаций, соответствующих витальным, социальным потребностям и потребностям самореализации.

Концепция А. Маслоу получила дальнейшее развитие и в теории мотивации К. Альдерфера, который, как известно, выделял три группы потребностей: существования, связи и роста. Данные потребности, аналогичные указанным А. Маслоу, также представляют собой вертикальную иерархию. Однако в модели К. Альдерфера движение по уровням потребностей может осуществляться не только снизу вверх, но и сверху вниз в том случае, если не удовлетворяется потребность верхнего уровня. Процесс движения вверх по уровням иерархии он называет процессом удовлетворения потребностей, а процесс движения вниз – процессом фрустрации⁶³. Следует сказать, что такая типология, и сегодня представляющаяся вполне адекватной реальности, по сути не является чем-то принципиально новым или же оригинальным – подобные представления, восходящие еще к описанной выше типологической модели гностиков, буквально «витали в воздухе» уже на протяжении нескольких десятилетий, будучи вполне очевидными и для не психологов, – достаточно напомнить созвучную типологию известнейшего американского фантаста Р. Хайнлайна, вынесенную в эпиграф этой книги.

С учетом всех перечисленных подходов нами разработана собственная модель ценностной структуры массового сознания, основанная на представлении о существовании трех основных типов ценностных систем, имеющих различное происхождение⁶⁴. Отметим, что выделение трех самостоятельных типов является необходимым и достаточным для преодоления дихотомии при анализе ценностных систем, свойственной модели Р. Инглхарта. Теоретические представления, положенные в основу пред-

⁶² Klages H. Do we all become egos?: on the future of value change // Politische Studien. – 1994. – Vol. 45 – P. 35–43.

⁶³ Alderfer C.P. Existence, Relatedness and Growth: Human Needs in Organizational Settings. – N. Y.: The Free Press, 1972. – 198 p.

⁶⁴ Яницкий М.С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под. ред. Е.Б. Шестопа. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 7–27.

лагаемой нами модели, могут быть кратко сформулированы следующим образом:

1. На разных стадиях индивидуального развития следование нормам и ценностям социального окружения последовательно определяется стремлением избежать наказания и получить поощрение ориентацией на значимых других, действием внутренней автономной системы ценностей. Эти стадии, называемые Л. Колбергом предконвенциональной, конвенциональной и постконвенциональной, последовательно сменяют друг друга на протяжении жизни человека. При этом каждая стадия может оказаться последней, и достигнутый к этому моменту уровень развития становится индивидуальным типом.

2. В формировании системы ценностных ориентаций личности наибольшее значение последовательно принимает доминирующий на данной стадии процесс личностной динамики. К таким процессам можно отнести: адаптацию, заключающуюся в устранении тревоги и поддержании баланса в системе «человек – среда» посредством модификации ценностных ориентаций; социализацию, отражающую внутреннее принятие (или непринятие) ценностей значимых других; индивидуализацию, направленную на выработку собственной, автономной системы ценностей.

3. Данные процессы последовательно формируют «защитный», «заимствованный» и «автономный» уровни или «пласты» системы ценностных ориентаций личности. Фиксация на какой-либо стадии личностного развития определяет доминирование соответствующего уровня в индивидуальной системе ценностей, которое, в свою очередь, формирует аналогичный тип личности: «адаптирующийся», «социализирующийся» или «индивидуализирующийся».

4. Ценностная структура массового сознания может быть представлена как совокупность типов личности, ориентированных на ценности адаптации (стремление к физической и экономической безопасности), социализации (ориентация на принятые в обществе нормы и ценности) или индивидуализации (направленность на саморазвитие и самореализацию). Соотношение данных ценностных типов в конкретном обществе определяется социально-демографическими факторами, влияющими на преобладание процессов адаптации, социализации или индивидуализации в личностном развитии⁶⁵.

⁶⁵ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.

Предлагаемая нами модель была апробирована в серии эмпирических исследований. На первом этапе ставилась задача охватить максимально широкий спектр ценностных представлений, распространенных в современном обществе, и на этой основе охарактеризовать выделенные типы ценностных систем.

Достичь полноты отражения базовых ценностей, не опираясь на заданный извне, ограниченный, пусть и достаточно широкий их перечень, в рамках социологического и социально-психологического исследования позволяют качественные методы. По словам Н.Н. Богомоловой и Т.В. Фоломеевой, качественные методы социально-психологического исследования предоставляют возможность «открыть мотивационные аспекты поведения человека, его ожидания, представления, аттитюды, ценности и т.п.»⁶⁶. Для решения поставленных задач выбран метод фокус-групп, который можно кратко определить как групповое полустандартизированное интервью, проходящее в форме групповой дискуссии.

В рамках нашего первоначального исследования⁶⁷ методом фокус-групп изучались ценностные ориентации жителей городов и районов Кемеровской, Омской, Томской, Челябинской областей и Алтайского края. Состав участников групп носил репрезентативный характер и был стандартизирован по основным социально-демографическим характеристикам: полу, возрасту и уровню образования. Всего в ходе настоящего исследования в течение июня – сентября 1999 г. проведено 45 фокус-групп, в которых в общей сложности приняли участие 360 человек в возрасте от 18 до 75 лет.

Проведенные фокус-группы посвящены выявлению характера проблем, стоящих перед участниками и обществом в целом, выявлению социально-политических установок респондентов, обсуждению критериев оценки ими значимых лиц. Вербализация собственных взглядов в условиях групповой дискуссии по указанным вопросам объективно способствовала прояснению смысла собственных установок, ожиданий и принципов оценки. В самом конце обсуждения, продолжавшегося в среднем 2–2,5 ч, участникам группы задавался стандартный вопрос: «Что бы вы пожелали себе в будущем?». Открытый характер такого

⁶⁶ Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. – М.: Магистр, 1997. – С. 7.

⁶⁷ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система... – 204 с.

вопроса дает возможность получить большой объем данных о ценностных предпочтениях, выраженных собственными словами респондентов. Кроме того, поскольку ценностные ориентации выполняют функции целеполагания, обращение к будущему позволяет, по сравнению с методикой Р. Инглхарта, более точно выявить актуальные, а не «прошлые» ценностные ориентации исследуемых.

Содержание свободных ответов участников групп, зафиксированное посредством видеозаписи, после расшифровки было подвергнуто стандартной процедуре обозначающего семантического анализа с определением частоты, с которой упоминались те или иные ценности. В результате классификации содержания ответов в соответствии с их значениями был сформирован перечень ценностей, доминировавших в исследуемых группах с указанием частоты их упоминания (табл. 1). Поскольку участники не были ограничены в числе называемых ценностей, общее число упоминаний превышает 100 %.

Наиболее часто участники фокус-групп называли конкретные ценности, отражающие стремление к физической и экономической безопасности: «пенсию побольше», «стабильной заработной платы», «бесплатного лечения» и т.п. Значимость «хорошей работы», высшего образования, карьеры также во многом опреде-

Т а б л и ц а 1

Ценностные ориентации участников фокус-групп (n = 360)

№ п/п	Ценности	Частота упоминания, %
1	Здоровье	36,1
2	Материальное благополучие, достаток	27,5
3	Работа, приносящая удовлетворение, профессиональная самореализация	16,2
4	Счастье и благополучие детей и внуков	9,9
5	Семья, семейное благополучие	7,1
6	Мир, стабильность в обществе	5,7
7	Терпение, выдержка	3,1
8	Уверенность в завтрашнем дне	3,1
9	Внутреннее спокойствие, уравновешенность	2,3
10	Саморазвитие, максимальная реализация собственных возможностей, творчество	2,0
11	Общее благо, счастье и развитие всех людей	1,4
12	Образование	1,4
13	Благополучие в личной жизни, любовь, дружба, взаимопонимание с другими людьми	1,1
14	Карьера	0,9

лялась направленностью на материальное благополучие. Эти и другие называемые ценности в своем большинстве носили глубоко индивидуальный характер. В то же время часть исследуемых декларировала значимость ценностей межличностных отношений: наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье детей и внуков. Последнюю группу, наряду со стабильностью и «порядком», можно обозначить также как традиционные, консервативные ценности.

В нашем исследовании участники не проявили какого-либо интереса к таким либеральным ценностям, как свобода, демократия, права человека, терпимость, уважение к иному мнению, независимость, самостоятельность, инициативность, предприимчивость и т.п. Подобные ценности, о возрастании роли которых в российском обществе оптимистически пишет Н.И. Лапин, самостоятельно не упомянул ни один из респондентов.

Необходимо остановиться еще на одном аспекте, касающемся диапазона ценностных предпочтений, распространенных сегодня в массовом сознании. Обращает на себя внимание тот факт, что ни один из 360 участников фокус-групп на всем их протяжении ни разу не упомянул о Боге, вере, духовности и т.п. Какие-либо понятия и значения, которые можно было бы отнести к проявлениям религиозного сознания, отсутствовали полностью. В этой связи следует, вероятно, с известной осторожностью относиться к все более часто встречающимся в научных трудах утверждениям о большей духовности, присущей особому «православному архетипу сознания», о некой «православной ментальности», которая якобы выгодно отличает русского человека от западного. Полученные нами результаты подтверждают, в частности, обоснованность замены такой ценности, как «спасение души», включенной в оригинальную версию теста М. Рокича и занимающей одну из ведущих позиций в американском обществе, на «счастье других» в российском варианте этого теста Д.А. Леонтьева⁶⁸.

По нашему мнению, выявленный набор доминирующих ценностей отражает сохраняющееся кризисное состояние общества. Достаточно характерным является то, что в ряде случаев участники групп говорили о ценности жизни как таковой, в качестве наиболее общего пожелания себе называя желание «выжить». Этой же цели были подчинены такие инструментальные ценности, как «терпение», «выдержка», «внутреннее спокой-

⁶⁸ Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. — М., 1992. — 17 с.

ствие» и пр. В целом, доминирующие в системе ценностных ориентаций исследуемых представления, которые Н.И. Лапин называет «ценностным ядром» общества, можно охарактеризовать как конкретные и пассивные жизненные ценности, соответствующие по своему содержанию материалистическим ценностям Р. Инглхарта.

Исходя из предложенной нами трехуровневой модели ценностной системы личности, мы разделили называемые респондентами ценности на три группы, соответствующие при их доминировании трем типам ценностных ориентаций.

Ценности адаптации – отражают направленность на устранение тревоги по поводу физической и экономической безопасности, на сохранение достигнутого. К ним отнесены такие высказывания, как «выживание», «жизнь не хуже, чем сейчас», «сохранение сил и здоровья», «чтобы лекарства стали дешевле», «достойная зарплата и пенсия», «отсутствие нужды», «уверенность в завтрашнем дне», «терпение», «душевное равновесие и покой», «чтобы не было страха», «мир, чтоб без крови», «стабильность в обществе», «порядок в стране» и т.п.

Ценности социализации – обуславливают ориентацию на других людей, на интеграцию в обществе, на достижение определенного социального статуса. В нашем исследовании представлены следующими основными позициями: «семья», «нормальные дети и внуки», «хорошая работа», «карьера», «большой круг друзей», «чтобы ценили, любили и понимали» и пр.

Ценности индивидуализации – соответствуют направленности на развитие, самоактуализацию, имеют скорее автономный характер и представлены понятиями «самоусовершенствование», «интеллектуальное и духовное развитие», «активность», «реализация себя в работе, приносящей пользу людям», «возможность приложить свои силы на благо России» и т.д.

Ряд высказываний, носящих слишком общий или же формальный характер (например, «счастье»), не были отнесены ни к одной из описанных групп.

В целом, ценности адаптации доминировали у 63,92 % исследуемых, ценности социализации – у 24,43 % и ценности индивидуализации – у 3,13 % респондентов. Полученные в результате нашего исследования данные подтверждают описываемые многими авторами отличия современного российского общества от западного, заключающиеся в значительно большей ориентации россиян на базовые материалистические ценности и связанные с кризисным состоянием экономической сферы. Весьма низкий процент респондентов ориентируется на ценно-

сти индивидуализации, что, тем не менее, соответствует представлениям А. Маслоу, что к самоактуализирующимся личностям может быть отнесено порядка 1 % от общего населения любого общества.

На втором этапе эмпирического подтверждения модели уровневой организации системы ценностных ориентаций мы выбрали метод факторного анализа, при проведении которого использовалась корреляционная матрица рангов значимости терминальных и инструментальных ценностей по тесту М. Рокича 425 студентов Кемеровского госуниверситета⁶⁹. В результате выделено три основных фактора, имевших биполярный характер, близких к описанным нами типам ориентации на ценности адаптации, социализации и индивидуализации.

Первый фактор на своем положительном полюсе включает ориентацию на такие ценности, как развлечения, любовь, независимость и свобода, которая в этом контексте может быть интерпретирована как «свобода от ограничений». На противоположном полюсе находятся ценности, представляющие собой осмысленную стратегию личностного роста – ответственность, познание, продуктивная жизнь и собственно развитие. Этот фактор, который мы по положительному полюсу обозначили как «освобождение от ограничений», отражает действие описанного В. Франклом невротического механизма адаптации и устранения тревоги, когда потребность в развлечениях связана с фрустрацией стремления к смыслу.

Во втором факторе на положительном полюсе сосредоточены социально одобряемые ценности, которые можно также назвать традиционными, – семейная жизнь, воспитанность, аккуратность, исполнительность, честность и т.д. Им противостоит группа ценностей, которую можно обозначить как «духовная свобода», – широта и независимость взглядов, свобода, ориентация на познание, развитие и творчество. Исходя из характеристики положительного полюса, соответствующего ориентации на ценности социализации, данный фактор можно интерпретировать как «приверженность традиции».

Положительный полюс третьего фактора является гетерогенным. Он включает в себя как ценности творчества, красоты природы и искусства, так и ориентацию на счастье других, чуткость и терпимость. Одновременная значимость этих ценностей может быть интерпретирована как свойственное самоактуали-

⁶⁹ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система... – 204 с.

зирующейся личности гармоничное развитие, в своем наивысшем выражении соответствующее интеграции, преодолению противоречия между ценностями индивида и общества. Достижение гармонии в данном случае обусловлено относительной «инструментальностью» самореализации по отношению к общей направленности на счастье других людей. Поэтому данный фактор можно условно назвать «альтруистическая направленность». Альтернативой этому является эгоцентрическая ориентация на «низшие», в понимании А. Маслоу, ценности – деньги, общественное признание и высокие запросы.

Положительные полюса выделенных нами факторов соответствуют иерархии уровней смысловой сферы личности, предлагаемой Б.С. Братусем. Такое соответствие позволяет говорить о том, что описанные нами факторы также представляют собой уровни системы ценностных ориентаций личности, которые находятся в определенной иерархической зависимости и соподчиненности. При этом высшим уровнем является «альтруистическая направленность» или ориентация на ценности максимальной самореализации ради счастья всех людей, а низшим – «освобождение от ограничений», т.е. ориентация на обусловленные фрустрацией «защитные» ценности.

Выделенные биполярные факторы указывают на возможный выбор вектора развития системы ценностных ориентаций личности, который определяется разрешением противоречия между ориентацией на ценности более низкого или более высокого уровней, между направленностью на личностный рост либо регресс. Разрешение противоречия в пользу ориентации на ценности того или иного уровня подразумевает доминирующее положение данного уровня в индивидуальной ценностной иерархии, что влечет за собой формирование соответствующего типа личности.

Для экспериментального выделения соответствующих ценностных типов нами использовались субъективные ранги значимости терминальных ценностей. Методом кластерного анализа исследуемые были разделены на три типа, к которым отнесены соответственно 28,8, 46,3 и 24,9 % от их общего числа. Данные типы, достоверно различающиеся между собой рангом значимости терминальных ценностей, представляют собой различные типы индивидуальных систем ценностных ориентаций.

В системе терминальных ценностей 1-го типа наиболее высокий ранг значимости имеют «здоровье», «материально обеспеченная и активная деятельная жизнь», «уверенность в себе». Такие ценности, как «творчество», «счастливая семейная жизнь»,

«красота природы и искусства», а также «счастье других», занимают в их иерархии последние места. Групповая иерархия терминальных ценностей 2-го типа характеризовалась большей значимостью конкретных жизненных ценностей – «счастливая семейная жизнь», «интересная работа», «здоровье», «материально обеспеченная жизнь», «дружба»; незначимыми оказались ценности: «развитие и продуктивная жизнь», «познание и творчество», поставленные ими на последнее место. Отнесенные к 3-му типу ставят достоверно выше других ценности: «развитие», «творчество», «свобода», «любовь» и «дружба». К числу отвергаемых ими ценностей относятся «материально обеспеченная жизнь», «общественное признание» и «развлечения». Групповая иерархия инструментальных ценностей 1-го типа характеризуется большей ориентацией на ценности независимости, твердой воли, самоконтроля при низкой значимости таких ценностей, как честность, терпимость и чуткость; 2-й тип отличается достоверно большей субъективной значимостью честности; 3-й тип – ответственности.

По тесту СЖО Д.А. Леонтьева испытуемые, отнесенные ко 2-му типу, обнаруживают достоверно более низкие показатели общей осмысленности жизни, осмысленности самого процесса жизни, а также результативности жизни и удовлетворенности самореализацией. Отнесенные к 3-му типу, напротив, демонстрируют более высокие показатели различных аспектов осмысленности жизни, при этом они в наибольшей степени склонны жить настоящим, воспринимать сам процесс своей жизни как наполненный смыслом, интересный и эмоционально насыщенный.

По тесту САТ Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и М.В. Латинской отнесенные к 1-му типу по сравнению со всеми остальными больше склонны принимать себя такими, какие они есть, вне зависимости от оценки собственных недостатков и даже вопреки им. Испытуемые 2-го типа отличаются самым низким уровнем самоактуализации. Ценностные ориентации 3-го типа в наибольшей степени соответствуют ценностям, присущим самоактуализирующейся личности. В отличие от остальных, им более свойственны естественность, раскованность, способность спонтанно и непосредственно выражать свои чувства, положительное представление о людях в целом, а также стремление к приобретению знаний и творческая направленность.

По тесту УСК Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинды исследуемые 1-го типа, отвергающие ценности семейной жизни, демонстрируют меньшую, в сравнении с остальными,

склонность считать себя ответственными за события, в ней происходящие. Отнесенные ко 2-му типу ценностных ориентаций характеризовались достоверно меньшим уровнем субъективного контроля по отношению к собственным неудачам, отрицательным событиям и ситуациям. Им также свойственна наименьшая интернальность в области реализуемой деятельности. Третий тип в целом характеризовался наибольшим принятием на себя ответственности за собственные достижения и неудачи, деловые и межличностные отношения.

В сфере самоотношения отнесенные к 1-му типу наиболее низко оценивают нынешнее отношение к себе как со стороны окружающих, так и свою собственную ценность для них. Соответственно, этому типу менее других присуще и ожидание положительного отношения от других людей. Студенты 2-го типа отличаются существенно большей самооценкой, симпатией к самому себе, одобрением себя в целом и в существенных частностях, а также отсутствием склонности к самообвинению и рефлексии. Самоотношение исследуемых 3-го типа может быть охарактеризовано как наиболее объективное и самокритичное.

При сравнении особенностей мотивационно-потребностной сферы исследуемые, отнесенные к 1-му и 2-му типам, отличаются достоверно более низким уровнем потребности в достижениях и приверженностью мотивационной стратегии избегания неудачи, в том числе и отказом от самореализации ради сохранения сложившихся отношений с социальным окружением. У исследуемых 3-го типа, напротив, самый высокий уровень притязаний, они в наибольшей степени ориентированы на достижение успеха, на развитие и преодоление противодействующих факторов социальной среды.

Выделенные нами типы личности характеризовались также существенными различиями в выраженности ряда черт по тесту Р. Кеттелла. Отличительной особенностью 1-го типа является декларируемая независимость в поведении, упорство, некоторая агрессивность, властность и стремление к доминированию. Второй тип характеризуется буквальным пониманием общепринятых норм и правил, высокой нормативной обусловленностью поведения, консервативностью, некритичным отношением к традиционным принципам и ценностям. В общении они в большей степени ориентируются на нормы этикета, стремятся сдерживать эмоциональные проявления. Им также присущи повышенная тревожность, внутренняя напряженность, фрустрированность. Третьему типу свойственны опора на собственные ценности, независимость суждений, низкая конформность,

ориентация на свой внутренний мир и высокий творческий потенциал.

Выделенные нами типы, различающиеся доминированием ценностей адаптации, социализации или индивидуализации в системе ценностных ориентаций личности, соответствуют разным уровням ее развития. К низшему «пласту» ценностной системы, сформированному адаптационными механизмами, можно отнести такие ценности, как развлечения и «свобода от». Преимущественно посредством идентификации формируется уровень ценностей семейной жизни, карьеры и общественного признания, исполнительности, воспитанности, аккуратности и т.п. Высший уровень ценностной системы, образованный в результате интернализации, включает такие ценности, как творчество, активная деятельная жизнь, «свобода для», широта взглядов, образованность.

На третьем этапе эмпирической проверки нашей модели на основе методики Р. Инглхарта мы разработали собственную методику исследования ценностной структуры массового сознания, позволяющую выявить ориентацию на ценности адаптации (выживание и безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие)⁷⁰. Предложенная методика основана на выборе респондентами наиболее важных ценностей из предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на данные группы ценностей (см. Прил. 1). Список таких ценностей-индикаторов был составлен на основе личностных характеристик выделенных нами типов личности, полученных в ходе психологического исследования, а также результатов проведенных нами фокус-групп, описанных выше.

Методика впервые была апробирована при проведении опроса общественного мнения взрослого населения г. Кемерово в июне 2001 г. Опрос проводился методом уличного интервью по представительной квотной выборке. В исследовании приняло участие 954 респондента, что позволяет считать результаты репрезентативными с ошибкой не более 4 % при доверительной вероятности 96 %.

Исследуемые на основании большинства сделанных ими выборов были отнесены к одному из трех ценностных типов: «адаптирующиеся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток) – 44 %; «социализирующиеся» (семья, карье-

⁷⁰ Яницкий М.С. Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 189–195.

ра, общественное признание) – 29 %; «индивидуализирующие» (самореализация, свобода, терпимость) – 4 %. Остальные 23 % исследуемых были отнесены к промежуточному типу.

Сходные результаты получены нами и на других выборках, а также в ряде независимых исследований, выполненных на различных этнокультурных выборках, в частности в работах С.Б. Дагбаевой и Р.Д. Санжаевой, И.В. Жадан и А.С. Федоренко, А.А. Зеленина, Г.Н. Кригер⁷¹, подтверждающих надежность, а также определенную «культурную независимость» предложенной нами модификации методики Р. Инглхарта.

Таким образом, трехкомпонентная модель ценностной структуры массового сознания получила определенное эмпирическое подтверждение. Как будет показано далее, выделенные нами ценностные типы являются вполне реальными и характеризуются достаточно четкими различиями в социальном поведении, а их распространенность в той или иной общности, определяющая ее ценностную структуру, подчиняется определенным закономерностям.

⁷¹ См.: *Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д.* Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – 135 с.; *Жадан И.В., Федоренко О.С.* Вектор політичної соціалізації: ціннісні орієнтації студентської молоді // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави: Зб. наук. праць / За заг. ред. М.М. Слюсаревського; Упоряд. В.О. Васютинський, І.В. Жадан, П.Д. Фролов. – К.: Міленіум, 2008. – Вип. 8. – С. 181–188; *Зеленин А.А.* Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 240 с.; *Кригер Г.Н.* Самосознание представителей телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики. – Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2010. – 126 с.

Глава 3

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЦЕННОСТНУЮ СТРУКТУРУ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

В ходе серии исследований, проведенных с использованием описанной модификации методики Р. Инглхарта, нами изучалось влияние на распространенность рассматриваемых типов таких факторов, как материальное благосостояние и принадлежность к различным стратификационным группам, тип поселения, возраст, уровень образования, особенности родительской семьи и социальное положение родителей. Также рассматривалось влияние гендерных различий, однако в данном контексте они оказались существенно менее значимыми.

Основным действующим фактором, определяющим особенности ценностных приоритетов различных обществ, в концепции Р. Инглхарта является уровень их экономического развития. При этом экономическое благосостояние воздействует на ценностную структуру массового сознания опосредованно, обеспечивая чувство экономической безопасности, удовлетворение потребности в которых и оказывается основным условием переориентации на постматериалистические ценности: «Не абсолютное богатство, а чувство экзистенциальной безопасности является решающей переменной <...> По мере превращения для большинства людей вероятности голода из насущной заботы в почти незначущую перспективу ценности переменились»⁷².

Следовательно, распределение ценностных типов в группах с разным уровнем экономического благосостояния должно подчиняться указанной закономерности. В описанном выше исследовании 2001 г. основным критерием выделения групп населения по уровню материального благосостояния была структура расходов, а не формальный уровень дохода или же наличие собственности. На наш взгляд, это позволяет оценить реальный уровень благосостояния более объективно. Исследуемым задавался вопрос: «Как бы Вы оценили материальное положе-

⁷² Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... — С. 6–32.

ние Вашей семьи и Вас лично?». В качестве вариантов ответа предлагались следующие формулировки, соответствующие определенным уровням материального благосостояния (выделенным с учетом местных представлений о достатке):

1. «Денег не хватает даже на продукты питания» – «бедные» (17 % опрошенных).
2. «Денег хватает только на продукты питания и обязательные платежи» – «малоимущие» (36 %).
3. «Денег хватает не только на продукты питания, но и на небольшие покупки» – «среднего достатка» (32 %).
4. «Денег хватает не только на покупки, но и на отдых» – «состоятельные» (13 %).
5. «Денег хватает на большие покупки, модную одежду и хороший отдых» – «богатые» (2 %).

В нашем исследовании показано, что с ростом материального благосостояния наблюдается существенное снижение направленности на ценности адаптации и рост доли ориентирующихся на ценности социализации и индивидуализации (табл. 2, рис. 1). Полученные нами результаты в целом подтверждают положение Р. Инглхарта о том, что «высшие» ценности могут реализоваться, как правило, после того, как реализованы «низшие» ценности, основанное на ранних работах А. Маслоу, который полагал, что удовлетворение потребностей нижележащего уровня является условием и возможностью перехода к удовлетворению потребностей следующего уровня. В то же время обращает на себя внимание значительный рост процента «неопределившихся» с увеличением достатка. Поскольку «богатые»

Т а б л и ц а 2

Распространенность ценностных типов в зависимости от уровня материального благосостояния (% от числа ответивших, $n = 954$)

Условное название группы		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Бедные ($n = 162$)	60,2	19,2	0,9	19,2
2	Малоимущие ($n = 344$)	56,5	24,6	3,3	15,6
3	Среднего достатка ($n = 305$)	36,9	31,8	4,8	26,5
4	Состоятельные ($n = 124$)	32,3	31,7	4,8	31,1
5	Богатые ($n = 19$)	4,0	52,0	4,0	40,0

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,001$); 1 и 4 ($\alpha < 0,001$); 1 и 5 ($\alpha < 0,001$); 2 и 3 ($\alpha < 0,001$); 2 и 4 ($\alpha < 0,001$); 2 и 5 ($\alpha < 0,001$); 3 и 5 ($\alpha < 0,05$). Здесь и далее в таблицах: А – адаптирующийся, С – социализирующий, И – индивидуализирующий, П – промежуточный тип.

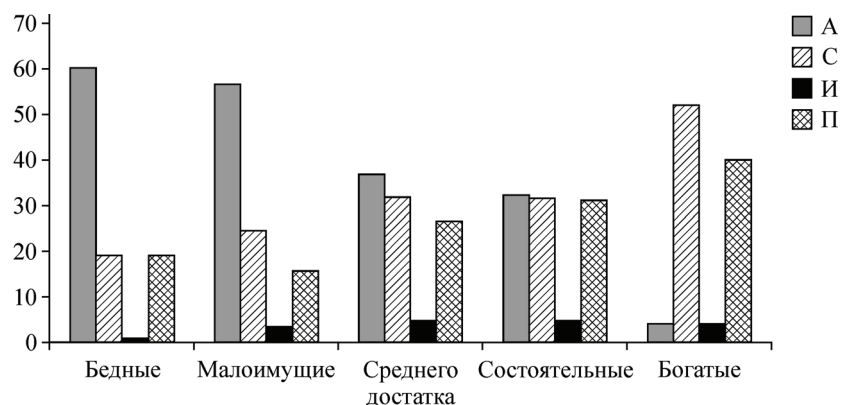

Рис. 1. Распространенность ценностных типов в зависимости от уровня материального благосостояния. Здесь и далее в рисунках ценностные типы: А – адаптирующийся, С – социализирующийся, И – индивидуализирующийся, П – промежуточный

в современной России – это прежде всего «новые богатые», можно предположить, что этот феномен обусловлен своеобразным «экзистенциальным вакуумом», «пресыщением», возникающим вследствие быстрого обогащения.

Вероятно, описанная взаимосвязь между социально-экономическим статусом и особенностями системы ценностей может носить и обратный характер – ценностные ориентации могут в той или иной степени предопределять достижение определенного социального положения. В этой связи стоит заметить, что современное российское общество представляет собой уникальную модель для исследования закономерностей процесса социальной стратификации, поскольку его нынешняя структура образовалась за очень короткий исторический промежуток и в отличие от традиционных обществ «попадание» в ту или иную страту в значительной степени зависело от самого человека. Так, бывшие одноклассники, имеющие общее происхождение, образование и другие социально-демографические «стартовые возможности» оказались обладателями различного социального положения – от олигархов до аутсайдеров. Очевидно, социальная дифференциация в данном случае может быть связана с психологическими факторами, в частности – с особенностями индивидуальных жизненных стратегий, в основе которых находится определенная ценностная иерархия.

Отдельное исследование ценностных предпочтений различных стратификационных групп, осуществленное с использова-

нием предложенной нами методики⁷³, позволило выявить ряд свойственных им особенностей. Всего в данном исследовании приняли участие 627 человек в возрасте от 16 до 70 лет, в том числе 264 женщины и 363 мужчины разного социального статуса, уровня образования и профессиональной принадлежности, семейного и материального положения. Наибольшее число испытуемых ориентировалось на ценности адаптации (39 %), несколько меньше (32 %) – на ценности социализации и 4 % респондентов – на ценности индивидуализации. Остальные 25 % были отнесены к промежуточному ценностному типу.

На основе концепции Т.И. Заславской⁷⁴ испытуемые были разделены на пять стратификационных групп, различающихся социальным статусом, квалификацией и характером профессиональной деятельности:

- социальное дно/андеркласс (длительно безработные, не имеющие специальности, неквалифицированные рабочие) – 12,6 %;
- нижний слой (занятые физическим трудом с низким уровнем квалификации) – 25,4 %;
- базовый слой (квалифицированные специалисты, руководители небольших подразделений) – 24,3 %;
- средний слой (высококвалифицированные специалисты, руководители средних подразделений) – 23,0 %;
- верхний слой/субэлита (руководители государственных и частных организаций, собственники-предприниматели) – 14,4 %.

При рассмотрении соотношения ценностных типов в различных стратификационных группах обнаружилась отчетливая тенденция: по мере подъема по социальной иерархии снижается доля представителей адаптирующегося и промежуточного типов и возрастает процент отнесенных к социализирующемуся типу (табл. 3). При этом, согласно полученным данным, в каждом слое порядка 5 % ориентируются на ценности индивидуализации, кроме верхнего слоя, где вообще не было выявлено представителей данного типа, и нижнего слоя, где таких респондентов менее 1 %. Вероятно, значимость свободы и саморазвития, возрастающая по мере удовлетворения материальных потребностей, вовсе не обязательно связана с одновременным

⁷³ *Пахмутова Ю.В.* Исследование особенностей ценностных ориентаций различных стратификационных групп современной России: дипломная работа. – Кемерово, 2006. – 105 с.

⁷⁴ *Заславская Т.И.* Современное российское общество: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 5. – С. 5–15.

Т а б л и ц а 3

Распространенность ценностных типов в различных стратификационных группах (% от числа исследуемых, $n = 627$)

Социальный слой		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Социальное дно ($n = 79$)	34	26	5	35
2	Нижний ($n = 159$)	24	61	0,6	14,4
3	Базовый ($n = 153$)	28	51	4	17
4	Средний ($n = 144$)	18	60	4	18
5	Верхний ($n = 90$)	24	68	0	8

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 2 ($\alpha < 0,005$); 1 и 3 ($\alpha < 0,05$); 1 и 5 ($\alpha < 0,001$).

продвижением по социальной лестнице, поскольку допускает и иные направления и формы самореализации.

Как следует из результатов приведенных исследований, зависимость распределения основных ценностных типов от уровня дохода и квалификации сходна, но все же не тождественна. Очевидно, что в условиях российского общества квалификация и доход необязательно прямо соответствуют друг другу. В этой связи в другом исследовании, также основанном на нашей методологии, неквалифицированные работники сравнивались с квалифицированными специалистами, разделенными по уровню дохода⁷⁵. Границей разделения в данном случае являлся уровень заработной платы, равный 9000 руб., что соответствовало высокому уровню дохода согласно местным представлениям о достатке на момент проведения исследования.

В описываемом исследовании приняли участие 110 человек, из них 79 женщин и 31 мужчина, средний возраст 36 лет, в том числе:

- неквалифицированные работники (30 человек – 63 % женщин и 37 % мужчин, средний возраст 31 год);
- квалифицированные низкооплачиваемые специалисты (30 человек – 90 % женщин и 10 % мужчин, средний возраст 39 лет);
- квалифицированные высокооплачиваемые специалисты (50 человек – 66 % женщин и 34 % мужчин, средний возраст 37 лет).

⁷⁵ Белоусова И.В. Социально-психологические факторы формирования группы высокооплачиваемых квалифицированных специалистов: дипломная работа. – Кемерово, 2003. – 65 с.

Т а б л и ц а 4

**Распространенность ценностных типов в группах с различной квалификацией
(% от числа исследуемых, $n = 110$)**

Социальная группа		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Неквалифицированные работники ($n = 30$)	53	27	0	20
2	Квалифицированные низкооплачиваемые специалисты ($n = 30$)	37	27	3	33
3	Квалифицированные высокооплачиваемые специалисты ($n = 50$)	30	32	6	32

Данное исследование показало значимость сочетания высокой квалификации и дохода, при котором наблюдается самый высокий процент ориентирующихся на ценности индивидуализации и социализации, и наименьший – на ценности адаптации (табл. 4). Социальная группа неквалифицированных работников, характеризовавшаяся очень низким личным и семейным доходом, низким уровнем образования, неквалифицированным трудом или отсутствием постоянной работы, а также низким деятельностным потенциалом и неспособностью адаптироваться к современным социально-экономическим условиям, т.е. характеристиками, обратными тем, которыми обладают квалифицированные высокооплачиваемые специалисты, отличалась одновременно и полярной ценностной структурой.

Таким образом, уровень экономического благосостояния отчетливо выступает значимой детерминантой ценностных предпочтений различных социальных групп. Собственно социальный статус, сопряженный с уровнем квалификации и характером профессиональной деятельности, оказывает скорее опосредованное воздействие на структуру ценностных представлений, более выраженное при сочетании с высоким уровнем доходов.

Определяясь в первую очередь материальным благосостоянием, ценностная структура массового сознания конкретных общностей зависит также от комплекса других специфических социокультурных факторов. Как известно, формирование системы ценностей в процессе социализации связано с культурно-средовыми условиями. А.В. Мудрик к таким условиям относит, в частности, природные, а также региональные культурные особенности, тип поселения и т.д.⁷⁶. Подчеркивая важность влия-

⁷⁶ Мудрик А.В. Социализация и воспитание. – М.: Сентябрь, 1997. – 96 с.

ния среды, Г.М. Андреева также указывает на такие существенные условия, как географический район проживания, тип поселения (город или деревня), природные и климатические характеристики местности и многое другое⁷⁷.

По мнению Л.В. Карпушиной и А.В. Капцова, тип поселения (город, деревня, поселок) имеет особое значение для формирования системы ценностей, поскольку каждый из этих типов оказывает на процесс социализации свое специфическое влияние. В их исследовании анализировались особенности ценностных предпочтений студентов русской, татарской и мордовской национальностей, проживающих в городах Среднего Поволжья, а также молодежи Белоруссии. Авторами установлено, что значимых различий в ценностных системах между указанными этническими группами нет. В то же время ценностные предпочтения молодежи зависят от социально-экономических условий, культурных особенностей населенных пунктов и количественного состава населения⁷⁸. С.А. Богомаз, анализируя различия структуры ценностей населения отдельных городов Сибири, в качестве основного фактора, характеризующего специфику социокультурной среды формирования ценностных предпочтений, рассматривает не численность населения, а нахождение города на пересечении важных транспортных путей или, напротив, его «тупиковое» положение⁷⁹. Таким образом, особенности социализации в различных социокультурных средах приводят к отличиям в ценностной структуре массового сознания.

Нами также изучалась зависимость структуры массового сознания молодежи от культурно-средовых особенностей существования и социализации. В нашем собственном исследовании ценностного сознания молодежи, проведенном в 2006–2007 гг., опрошено более 2000 жителей Кемеровской области в возрасте от 14 до 30 лет. После корректировки первичного массива данных численность выборочной совокупности составила 2009 человек. При доверительной вероятности 96 % ошибка репре-

⁷⁷ Андреева Г.М. Социальная идентичность: временные и средовые компоненты // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб.: Питер, 2000. — С. 344–357.

⁷⁸ Карпушина Л.В., Капцов А.В. Психология ценностей российской молодежи. — Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2009. — 364 с.

⁷⁹ Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — С. 67–69.

репрезентативности не превышала 3,2 %. Квотирование выборки проводилось по трем критериям: пол, сфера занятости и территория проживания. Опрос проводился методом анкет (самозаполнение в присутствии интервьюера) по месту жительства или месту работы, учебы респондента. В целом результаты опроса отвечают требованиям валидности, репрезентативности, точности и могут представлять мнение молодежи Кемеровской области. По результатам исследования 27 % молодежи были отнесены к адаптирующемуся типу, 49 % – к социализирующемуся, 3 % – к индивидуализирующемуся и 20 % – к промежуточному типу.

В крупных городах (Кемерово, Новокузнецк – численность населения около 500 тыс. человек) проживало 57,8 % принявших участие в исследовании, в остальных городах Кемеровской области (численность населения до 200 тыс. человек) – 13,4 %, в сельских районах области – 28,8 %. Очевидно, что социально-экономические особенности данных населенных пунктов задают неодинаковые условия для социализации и формирования ценностных предпочтений. Так, исследование А.А. Зеленина, направленное на изучение социальной характеристики образа жизни и особенностей поведения молодежи Кемеровской области, показывает, например, что пропорционально увеличению численности населения снижается актуальность проблемы безработицы и возрастает значимость преступности⁸⁰.

В нашем исследовании особенностей ценностной структуры массового сознания тип поселения также выступил определенным дифференцирующим фактором, однако его действие оказалось не столь линейным (табл. 5). Пропорционально размеру населенного пункта возрастает лишь процент отнесенных к промежуточному типу, что может объясняться увеличением числа и разнообразия действующих агентов социализации и, соответственно, большей сложностью этого процесса в крупных городах. Однако интересно, что наибольшее число ориентирующихся на ценности адаптации отмечается среди сельской молодежи, на ценности социализации – среди молодежи малых и средних городов, на ценности индивидуализации – среди молодежи крупных городов. Можно предположить, что социально-экономические условия большего по численности города создают лучшие условия для достижения молодежью более высокого уровня ценностного развития.

⁸⁰ Зеленин А.А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 61.

Т а б л и ц а 5

Распространенность ценностных типов в различных населенных пунктах (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Тип поселения		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Крупные города ($n = 1161$)	26,0	46,1	5,3	22,7
2	Средние и малые города ($n = 269$)	25,9	53,4	1,4	19,3
3	Село ($n = 579$)	32,7	47,9	2,1	17,3

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,01$).

Вторым по значимости фактором, определяющим особенности ценностных предпочтений, в модели Р. Инглхарта является возраст. Очевидно, что с возрастом мировоззрение человека меняется, подчиняясь определенным закономерностям: согласно известному афоризму, приписываемому У. Черчиллю: «Кто в молодости не был радикалом – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерваторм – у того нет ума». Однако особенностью социологического и, отчасти, социально-психологического подходов к описанию возрастных когорт (в отличие от подхода, принятого, скажем, в возрастной психологии), является то, что выявленные различия здесь объясняются не столько возрастными, сколько межпоколенными различиями. Закономерно, что одной из основ модели ценностной структуры массового сознания Р. Инглхарта является «теория межгенерационной перемены ценностей». Его теория базируется на двух ключевых гипотезах:

1. «Гипотеза ценностной значимости недостающего» – приоритеты индивида отражают состояние социально-экономической среды, т.е. наибольшая субъективная ценность придается тому, чего относительно недостает.

2. «Гипотеза социализационного лага» – состояние социально-экономической среды и ценностные приоритеты не соотносятся между собой непосредственно, так как базовые ценности индивида отражают условия тех лет, которые предшествовали совершеннолетию⁸¹.

Таким образом, согласно концепции Р. Инглхарта, межгенерационные (межпоколенные) различия объясняются особенностями социально-экономического положения возрастных когорт в период становления их системы ценностных ориентаций.

⁸¹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... – С. 6–32.

Т а б л и ц а 6

**Распространенность ценностных типов в возрастных группах (% от числа
ответивших, $n = 954$)**

Возраст, лет		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	18–24 ($n = 123$)	26,8	38,3	3,3	31,6
2	25–34 ($n = 176$)	28,6	41,7	5,4	24,4
3	35–44 ($n = 202$)	43,5	30,6	3,2	22,6
4	45–54 ($n = 187$)	50,3	21,2	3,9	24,6
5	55–64 ($n = 168$)	68,1	11,7	4,3	16,0
6	65 и старше ($n = 98$)	74,3	11,9	3,0	10,9

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,05$); 1 и 4 ($\alpha < 0,001$); 1 и 5 ($\alpha < 0,001$); 1 и 6 ($\alpha < 0,001$); 2 и 3 ($\alpha < 0,05$); 2 и 4 ($\alpha < 0,001$); 2 и 5 ($\alpha < 0,001$); 2 и 6 ($\alpha < 0,001$); 3 и 5 ($\alpha < 0,001$); 3 и 6 ($\alpha < 0,001$); 4 и 5 ($\alpha < 0,01$); 4 и 6 ($\alpha < 0,005$).

В нашем исследовании 2001 г. возрастные различия в распространенности описываемых типов ценностных ориентаций оказались наиболее существенными (табл. 6, рис. 2). Как видно из приведенных результатов, с возрастом существенно увеличивается доля отнесенных к адаптирующемуся типу за счет постепенного уменьшения процента исследуемых социализирующегося и индивидуализирующегося типов. Более молодые участники исследования существенно реже ориентировались на ценности адаптации и отчетливо чаще – на ценности социализации и индивидуализации, чем люди старшего возраста. При этом

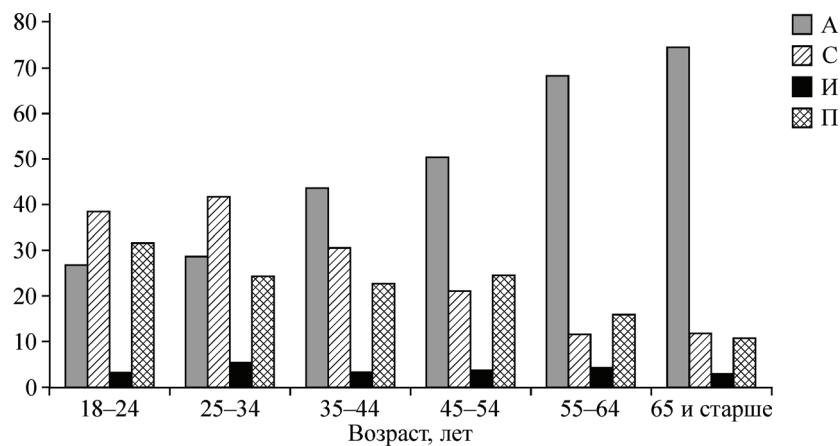

Рис. 2. Распространенность ценностных типов (%) в возрастных группах

процент «неопределившихся» с возрастом явно снижается, что свидетельствует о том, что процесс формирования индивидуальной системы ценностных ориентаций далеко не всегда завершается в юношеском возрасте, как это принято считать, и может продолжаться на протяжении всей жизни человека.

Полученные нами результаты соответствуют универсальной тенденции, которую А.П. Вардомацкий, опираясь на концепцию Р. Инглхарта, формулирует следующим образом: «младшие поколения демонстрируют большую ориентацию на постматериалистические ценности, нежели старшие»⁸². Очевидно, что в молодости человек строит жизненные планы на получение образования и развитие, на создание своей семьи и на собственную карьеру, в среднем возрасте он осуществляет реализацию этих планов, позднее он оценивает себя и окружающее, исходя из ранее им пережитого и достигнутого. В целом, это может определять различный «временной локус» системы ценностей в молодом, среднем и пожилом возрасте, в качестве источников и направленности которой выступает будущее, настоящее или прошлое. В этом контексте можно упрощенно сказать, что ценности адаптации, социализации и индивидуализации отражают ориентацию соответственно на прошлое, настоящее и будущее.

В то же время А.П. Вардомацкий объясняет описанные закономерности развития системы ценностных ориентаций иначе. Основываясь на теории Р. Инглхарта, он считает, что подобная тенденция отражает не возрастные, а межпоколенные различия в постсоветском обществе, поскольку «формативные годы» современной молодежи пришлись на более благополучный в экономическом плане период. То есть «материализм старости», по его словам, определяется не возрастом как таковым, а тем, что годы формирования основных ценностей, к которым он относит период от 12 до 18 лет, у нынешнего старшего поколения пришлись на военное и послевоенное время. Наше исследование, направленное на решение других задач, не позволяет подтвердить или опровергнуть эту точку зрения. Отметим лишь, что и сегодня по объективным причинам именно для старшего поколения наиболее актуальны вопросы экономической безопасности и выживания. Мы полагаем, что система ценностных ориентаций включает компоненты, имеющие различное происхождение, и отражает интеграцию как актуальных представлений личности, так и ее целей и опыта.

⁸² Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении? // Социол. исслед. — 1993. — № 4. — С. 47.

В связи с изложенным представляется целесообразным более детально рассмотреть возрастную динамику распространенности ценностных типов в одной возрастной когорте, «формативные годы» которой характеризуются сходными социально-экономическими условиями. Особый интерес для нас представляет ценностное сознание молодежи, которая, с одной стороны, воспринимает ценности старших поколений, а с другой – формирует систему ценностей общества будущего. Сегодня «методологически ценным представляется то, что культурная специфика молодости трактуется не только как присущее молодежи свойство, но и как аксиологический феномен общесоциального характера»⁸³.

Современное понимание молодежи характеризуется определенной трансформацией – сегодня она уже не рассматривается лишь в качестве пассивного объекта различного рода социализационных воздействий со стороны старших поколений. Напротив, подчеркивается ее субъектное начало, ее социальная значимость. Так, П.-Э. Митев описывает роль молодежи в развитии общества, используя одновременно понятия «социализация» и «ювентизация»: «Социализация – это понятие, описывающее общественное воздействие, направленное на интеграцию молодежи в существующей системе общественных отношений; экономическую, политическую и идеологическую подготовку нового поколения к продолжению унаследованной деятельности посредством вступления в эту деятельность... Ювентизация есть понятие, которое описывает перемены, вносимые молодежью в общественные отношения... По своему содержанию ювентизация является специфическим видом творчества, порожденного новым доступом молодежи к социально-политической и ценностной системе общества. Эти два процесса (или стороны одного более общего процесса) связаны друг с другом. Включая молодежь в существующую систему общественных отношений, общество меняется само: социализация оборачивается ювентизацией»⁸⁴. Тем самым молодежь предстает как субъект исторического развития, источник продуцирования нового опыта, важнейший ресурс общества, выполняющий инновационную функцию.

В зависимости от ценностной направленности вектор реализации молодежного потенциала можем быть различным – как

⁸³ Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. – М.: Социум, 1999. – С. 45.

⁸⁴ Там же. – С. 73.

просоциальным, так и а- или антисоциальным. По словам И.М. Ильинского, «молодежь одновременно и сила, способная активно созидать новое, и «взрывоопасный», разрушительный материал. Все зависит от намерений самой молодежи и от того, как использует эту силу общество»⁸⁵. Соответственно, поведение молодежи является производным от системы ценностей, доминирующей в ее массовом сознании.

Ценности современной российской молодежи являлись предметом специального исследования широкого круга авторов. Как правило, исследователи констатируют доминирование в сознании молодежи материальных ценностей, распространенность «бездуховности», состояние аномии⁸⁶. Из этого вытекает, что современная российская молодежь в своем большинстве не готова к реализации инновационных функций. Однако, как следует из этих же работ, она весьма неоднородна в ценностном отношении. Очевидно, что в молодежной среде сегодня представлены различные ценностные системы.

Как было показано выше, в нашем исследовании ценностной структуры массового сознания молодежи в 2006–2007 гг. 27 % респондентов были отнесены к адаптирующемуся типу, 49 % – к социализирующемуся, 3 % – к индивидуализирующемуся и 20 % – к промежуточному типу. При разделении исследуемых на возрастные подвыборки выявились резкие различия в частоте основных ценностных типов (табл. 7). Здесь, как и на общей выборке, вновь бросается в глаза последовательное увеличение числа отнесенных к адаптирующемуся типу за счет последовательного же сокращения доли респондентов социализирующегося типа.

Надо полагать, что в данном случае обнаруженные различия обусловлены не межпоколенными, а именно возрастными особенностями рассматриваемых подгрупп. Очевидно, что по мере вхождения молодежи во взрослую жизнь, связанную с созданием своей семьи и сокращением помощи от родителей, воз-

⁸⁵ Ильинский И.М. Молодежь как социальная ценность и фактор перемен // О положении молодежи и перестройке исследований молодежной проблематики в СССР: материалы к VIII пленуму ЦК ВЛКСМ: Ч. 1 / ВКШ при ЦК ВЛКСМ, НИЦ. – М., 1989. – С. 3–7.

⁸⁶ См., например: Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. – М.: Современный гуманитарный университет, 2006. – 560 с.; Ерина С.И., Суптеля А.В. Исследование особенностей морального сознания современной молодежи (на примере отношения к деньгам) // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004. – С. 182–191.

Т а б л и ц а 7

**Распространенность ценностных типов в возрастных подгруппах молодежи
(% от числа ответивших, $n = 2009$)**

Возраст, лет		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	14–17 ($n = 575$)	17,5	57,5	3,5	21,4
2	18–22 ($n = 697$)	24,8	52,8	3,1	19,4
3	23–30 ($n = 737$)	36,9	40,4	2,6	20,1

Примечание. Различия в распределениях групп: 1 и 2 ($\alpha < 0,1$); 1 и 3 ($\alpha < 0,001$); 2 и 3 ($\alpha < 0,001$).

растает ответственность за собственное благополучие и экономическую безопасность. На смену значимости компании сверстников приходят другие приоритеты – необходимость поиска работы, способной прокормить собственную семью, приобретение или найм своего жилья и т.п. Полученные нами результаты не подтверждают известный тезис К.А. Абульхановой-Славской, которая полагает, что одним из проявлений зрелости личности является способность установить тот свой «порог», при котором она считает удовлетворенными свои материальные потребности и начинает рассматривать их лишь как одно из условий жизни, направляя свои жизненные силы на другие цели. По ее словам, способность личности «переключить» свои жизненные стремления с материальных на другие ценности и является показателем того, что она начала жить личной жизнью⁸⁷. Можно сказать, что зрелость, напротив, проявляется скорее в отказе от наивных идеалистических устремлений и переориентации на реальные, прагматические жизненные цели.

Еще одним значимым фактором, определяющим особенности ценностных предпочтений, выступает уровень образования, поскольку важным условием гармоничного становления системы ценностных ориентаций личности является возможность его получения. При этом направленность и динамика ценностного развития в период получения образования во многом определяются характером и особенностями осуществляемой учебной деятельности. Как известно, в процессе учебной деятельности ценностные ориентации личности проявляются, закрепляются и корректируются. При этом формирование ценностных ориентаций и выполняемая деятельность взаимодетерминированы. Так, во время профессионального обучения в вузе, с одной стороны,

⁸⁷ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.

на основе системы ценностных ориентаций личности формируется отношение к профессиональной или учебной среде, с другой – сама деятельность оказывает воздействие на ценностную систему, ориентируя ее на профессиональное видение мира. Таким образом, период обучения в вузе характеризуется одновременным протеканием процессов профессионального и личностного самоопределения. Проведенное нами ранее исследование продемонстрировало поступательную динамику ценностного развития на протяжении всего периода обучения в вузе при создании соответствующих организационно-педагогических условий – развитие системы ценностных ориентаций личности в данном случае заключалось в последовательном повышении субъективной значимости ценностей, относящихся к ее высшему уровню⁸⁸.

В исследовании 2001 г. более высокий уровень образования оказался сопряжен с меньшей ориентацией на ценности адаптации и наоборот (табл. 8, рис. 3). Как следует из приведенных данных, особенности ценностных предпочтений отчетливо зависят от имеющегося уровня образования. Полученные нами результаты не позволяют согласиться с П. Массеном и соавторами, которые, опираясь на теоретические представления Ж. Пиаже и Л. Колберга, утверждают, что «образование, вероятно, важно, поскольку оно расширяет кругозор человека и дает возможность мыслить более общими категориями, а не потому, что наделяет какими-либо нравственными ценностями»⁸⁹.

Т а б л и ц а 8

Распространенность ценностных типов в группах с различным уровнем образования (% от числа ответивших, $n = 954$)

Образование		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Ниже среднего ($n = 101$)	65,4	15,4	5,1	14,1
2	Среднее и среднее специальное ($n = 534$)	44,3	29,7	2,6	23,4
3	Высшее и незаконченное высшее ($n = 318$)	38,6	29,9	5,8	25,6

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 2 ($\alpha < 0,005$); 1 и 3 ($\alpha < 0,001$).

⁸⁸ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система... – 204 с.

⁸⁹ Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Хьюстон А. Развитие личности ребенка / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1987. – С. 163.

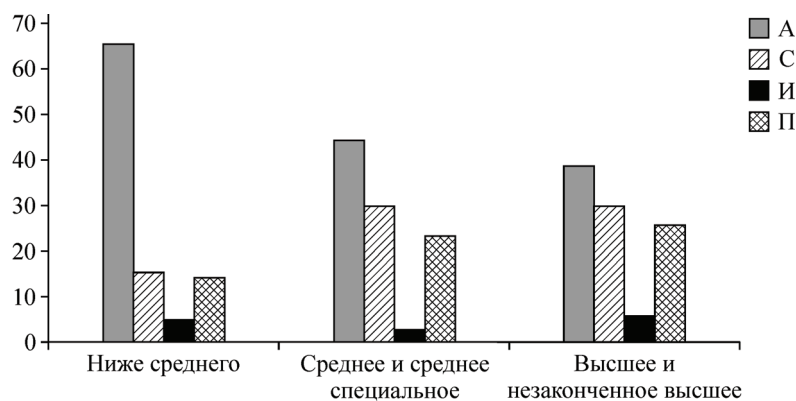

Рис. 3. Распространенность ценностных типов (%) в зависимости от уровня образования

Подобная позиция справедливо критикуется представителями гуманистического направления. Так, для Г. Оллпорта нет никаких сомнений в том, что образование «обязано стимулировать» формирование высших моральных ценностей. Получаемая в процессе обучения информация должна являться ценностью, т.е., говоря его словами, перейти из «категории знания» в «категорию значимости»⁹⁰. Такой механизм, по нашему мнению, предполагает процесс передачи и принятия знания, носящий смысловую нагрузку, что в целом более характерно для высшего образования. Кроме того, либеральная вузовская среда сама по себе выступает в качестве важного социально-психологического фактора формирования высших ценностей.

Относительно большой процент отнесенных к промежуточному типу среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием может быть объяснен тем, что, по мнению Э. Эриксона, пребывание в высшем учебном заведении является «законодательно закрепленной отсрочкой» в принятии человеком роли взрослого, которую он в контексте формирования ценностной системы называет «психосоциальным мораторием»⁹¹.

Выявленные нами закономерности, заключающиеся в наличии прямой взаимосвязи между уровнем образования и уров-

⁹⁰ Оллпорт Г. Личность в психологии / пер. с англ. — М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998. — С. 131–137.

⁹¹ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб.: Питер Пресс, 1997. — С. 230.

нем развития системы ценностных ориентаций личности, явно сопряжены с описанными выше социально-экономическими и возрастными различиями. Очевидно, это связано с тем, что старшие возрастные группы имеют более низкий образовательный уровень. Помимо этого в современных условиях получение образования все в большей степени определяются материальными возможностями.

Следует сказать, что в исследовании 2006–2007 гг., проведенном на молодежной выборке, получены результаты, указывающие на обратную тенденцию – в отличие от общей выборки с повышением уровня образования среди молодежи растет процент ориентирующихся на ценности адаптации за счет уменьшения числа направленных на ценности социализации (табл. 9). Такая закономерность, вероятно, также связана с ранее охарактеризованными возрастными и социально-экономическими особенностями молодежи. Как показано в наших предыдущих исследованиях, время начала и завершения обучения является для личности периодами перехода из одной смысловой ситуации в другую со всеми вытекающими последствиями: ломкой сложившихся стереотипов, приспособлением к другим условиям быта, иной социокультурной среде, изменением экономического и социально-демографического статуса. Входя в новую жизнь, многие студенты не знают, что их ожидает в дальнейшем, чувствуют себя недостаточно готовыми к профессиональной деятельности, поэтому тревожное ожидание окончания обучения и начала самостоятельной трудовой деятельности, изменения социального статуса сопряжены с временным снижением уровня осмысленности жизни и изменением системы ценностных ориентаций, отражающими нормативный кризис профессионального и личностного самоопределения⁹². А. Маслоу ранее также описывал подобный феномен временного возвращения к регрессивным или «дефициентным» ценностям. По сути, если говорить словами В.И. Ленина, это «шаг назад ради двух шагов вперед».

Как уже отмечалось, ценности социального окружения, являющиеся источником ценностных ориентаций личности, выступают в качестве внешнего фактора развития индивидуальной системы ценностей. К числу институтов такого развития относят родительскую семью, образовательную среду, средства

⁹² Яницкий М.С., Серый А.В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности: учебное пособие. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2010. – 102 с.

Т а б л и ц а 9

Распространенность ценностных типов в группах молодежи с различным уровнем образования (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Образование		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Незаконченное среднее ($n = 372$)	19,5	57,4	3,0	20,1
2	Общее среднее ($n = 287$)	27,2	48,8	2,5	21,6
3	Среднее специальное ($n = 426$)	30,2	48,3	1,7	19,8
4	Незаконченное высшее ($n = 450$)	23,4	53,2	3,9	19,5
5	Высшее ($n = 474$)	33,8	43,2	3,0	20,1

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,05$); 1 и 5 ($\alpha < 0,001$); 4 и 5 ($\alpha < 0,05$).

массовой информации и т.д. При этом, согласно общепринятому мнению, родительская семья выступает в качестве важнейшего источника критериев оценки, лежащих в основе формирования ценностных представлений на протяжении всей жизни человека. Исследованию семейных факторов развития личности, в том числе и ее ценностной сферы, посвящен чрезвычайно обширный круг источников. На основании теоретического анализа соответствующих исследований можно выделить, в частности, следующие основные факторы, определяющие влияние семьи на формирование ценностной системы личности: это структура семьи (полный или неполный состав, наличие братьев и сестер, порядок рождения), а также социальный статус, уровень образования и доходов родителей.

В работе М.А. Ляховой, выполненной под нашим руководством, изучались особенности ценностных представлений студентов, в формативные годы воспитывавшихся вне родительской семьи. В данном исследовании приняли участие 240 человек в возрасте от 17 до 23 лет, в том числе 62 студента, которые имели статус сироты. Результаты, полученные автором, подтверждают значимость родительской семьи для нормального формирования системы ценностных ориентаций личности. Так, в отличие от сверстников, выросших в семье, у студентов, воспитывавшихся в интернатном учреждении, ценности межличностных отношений и счастливой семейной жизни оказываются незначимыми⁹³. Значение семейной социализации проявляется и в распространенности рассматриваемых нами ценностных ти-

⁹³ Ляхова М.А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Кемерово, 2011. — 22 с.

Т а б л и ц а 10

Распространенность ценностных типов в зависимости от характера родительской семьи (% от числа исследуемых, $n = 240$)

Исследуемая группа		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Сироты, воспитывавшиеся в интернатном учреждении ($n = 25$)	32	40	0	28
2	Сироты, воспитывавшиеся опекунами ($n = 37$)	18,92	54,05	0	27,03
3	Воспитывавшиеся в полной семье ($n = 133$)	39,85	41,35	3,01	15,79
4	Воспитывавшиеся в неполной семье ($n = 45$)	31,11	51,11	0	17,78

пов в группах студентов, различающихся характером родительской семьи (табл. 10). Студенты, воспитывавшиеся вне родительской семьи, заметно чаще характеризуются несформированностью ценностной системы – среди сирот обнаруживается в 1,5–2 раза больше отнесенных к промежуточному типу, чем в обеих контрольных группах. Индивидуализирующий тип, соответствующий наиболее высокому уровню развития системы ценностных ориентаций личности, напротив, был выявлен только у респондентов, выросших в условиях полной семьи⁹⁴.

Влияние ряда особенностей родительской семьи на распространенность рассматриваемых нами ценностных типов изучалось и в работе С.Б. Дагбаевой и Р.Д. Санжаевой, также выполненной на студенческой выборке⁹⁵. Обобщенные нами данные их исследования представлены в табл. 11 (различия в распределениях здесь не рассчитывались в связи с отсутствием данных о численности рассматриваемых подгрупп). Результаты этого исследования свидетельствуют, что структура родительской семьи оказывает определенное влияние на особенности ценностных предпочтений в юношеском возрасте. Так, среди воспитывавшихся в неполной семье оказалось меньше ориентирующихся на ценности адаптации и больше – на ценности социализации. Эти выводы косвенно подтверждаются результатами, полученными Л.В. Карпушиной и А.В. Капцовым, согласно которым для студентов из полных семей сфера общественной жизни имеет

⁹⁴ Ляхова М.А. Ценностные ориентации личности, воспитывавшейся вне родительской семьи // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2011. – № 3 (47). – С. 156–164.

⁹⁵ Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов... – 135 с.

Т а б л и ц а 11

Распространенность ценностных типов в зависимости от особенностей родительской семьи (% от числа исследуемых, $n = 200$)

Особенность семьи	Ценностный тип			
	А	С	И	П
Характер семьи:				
полная семья	32	49	4	15
неполная семья	23	62	2	13
Порядок рождения:				
старшие дети	32	49	6	13
средние	27	61	2	10
младшие	33	50	2	15
единственные	20	50	4	26
Образование родителей:				
среднее	24	65	2	9
среднее специальное	32	51	2	15
высшее	28	45	7	20
Материальный достаток:				
малоимущие	30,5	58,5	2,5	8,5
среднего достатка	28	54	3	15
состоятельные	28	46	4	22

меньшую значимость по сравнению со студентами из неполных семей. Авторы объясняют такую закономерность более ранним взрослением и социализацией молодых людей, выросших в неполной семье⁹⁶.

Особенности сиблинговой позиции (наличие либо отсутствие братьев и сестер, порядок рождения) также задают различные условия для становления ценностной системы. Наибольший процент ориентирующихся на ценности индивидуализации отмечается среди единственных и старших детей, что, вероятно, может быть связано с их большей самостоятельностью и, в последнем случае, с большей ответственностью – как известно, старшие дети традиционно принимают некоторые родительские функции по отношению к младшим. Средние дети, одновременно реализующие различные роли по отношению к старшим и младшим сиблингам, чаще остальных направлены на ценности социализации. Среди младших детей, занимающих самую зависимую и подчиненную позицию, закономерно наблюдается наибольший процент отнесенных к адаптирующемуся типу.

⁹⁶ Карпушина Л.В., Капцов А.В. Психология ценностей российской молодежи... – С. 108.

Еще более существенным фактором оказывается образовательный уровень родителей. С ростом уровня образования родителей растет число детей, выбирающих ценности индивидуализации, соответствующие направленности на развитие и самореализацию. Чем ниже уровень образования, тем выше процент выбирающих ценности социализации, связанные с ориентацией на других людей, на достижение определенного социального статуса. Эти данные подтверждаются также результатами исследования Н.А. Кириловой, которая показывает, что дети матерей с высшим образованием обнаруживают направленность на ценности саморазвития, сохранения индивидуальности и профессионального роста, в то время как дети матерей со средним образованием ориентируются на такие ценности, как стремление к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми и семейная жизнь⁹⁷. Возможно, это связано с тем, что родители с высшим образованием, передавая детям свой более разнообразный социальный и культурный опыт, создают лучшие стартовые условия для их саморазвития, в то время как дети из семей с низким образовательным уровнем вынуждены накапливать необходимый социокультурный «багаж» самостоятельно. Однако, как видно из табл. 11, с повышением образовательного уровня родителей растет и доля молодых людей, отнесенных к адаптирующемуся и промежуточному ценностным типам, что, вероятно, может объясняться тем, что часть родителей с высшим образованием, работающих преимущественно в бюджетной сфере, имеют невысокий уровень материального благосостояния.

С повышением уровня материального благополучия родителей наблюдается тенденция к увеличению числа респондентов индивидуализирующегося типа при сокращении доли отнесенных к адаптирующемуся и социализирующемуся типам, что вполне согласуется с концепцией Р. Инглхарта. Заметное увеличение процента «неопределившихся» в ценностном отношении также полностью соответствуют нашим данным, полученным на взрослой выборке – очевидно, что ценностные предпочтения детей в значительной степени отражают ценности их родителей.

Полученные С.Б. Дагбаевой и Р.Д. Санжаевой результаты в целом подтверждаются другим исследованием влияния эко-

⁹⁷ Кирилова Н.А. Влияние уровня образования родителей на ценностные ориентации старшеклассников // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: мат. участников съезда. Т. I. – М.: Российское психологическое общество, 2012. – С. 302.

Т а б л и ц а 12

Распространенность ценностных типов в зависимости от экономического статуса родителей (% от числа исследуемых, $n = 121$)

Экономический статус родителей		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Низкий ($n = 41$)	3,8	69,2	19,2	7,8
2	Средний ($n = 35$)	9,1	48,2	24,5	18,2
3	Высокий ($n = 45$)	5,7	40	20	34,3

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 3 ($\alpha < 0,01$).

номического статуса родителей на формирование ценностных предпочтений старшеклассников (табл. 12)⁹⁸. В данной работе (2004 г.), также проведенной с использованием предложенной нами модификации методики Р. Инглхарта, принял участие 121 человек (54 юноши и 67 девушек) в возрасте 16–17 лет, ученики 10–11 классов. На основании ряда критериев, отражающих благосостояние семьи исследуемых, выделено три группы респондентов, имеющих родителей с низким, средним и высоким экономическим статусом:

– низкий экономический статус – среднемесячный доход семьи ниже 6000 руб.; денег не хватает даже на продукты питания или же денег хватает только на продукты питания и обязательные платежи; по оценкам учителей характеризуются как «бедные»;

– средний экономический статус – среднемесячный доход семьи 6000–10 000 руб.; денег хватает не только на продукты питания, но и на небольшие покупки; в оценках учителей охарактеризованы как «среднего достатка»;

– высокий экономический статус – среднемесячный доход семьи выше 10 000 руб.; при этом денег хватает не только на покупки, но и на отдых, либо денег хватает на большие покупки, одежду и хороший отдых; по оценкам учителей характеризуются как «богатые».

Сравнительный анализ представленности ценностных типов в данных группах показал, что по мере роста экономического статуса родителей доля социализирующегося ценностного типа сокращается, а доля промежуточного – увеличивается. Процент «адаптирующихся» и «индивидуализирующихся» здесь не

⁹⁸ Васильева Т.Л. Экономический статус родителей как фактор формирования ценностно-смысловой сферы старшеклассника: дипломная работа. – Кемерово, 2004. – 100 с.

обнаруживает какой-либо подобной зависимости, что, вероятно, может объясняться небольшой численностью данных подвыборок.

В другой подобной работе предпринята попытка оценки социального положения родителей как комплексного показателя, интегрирующего такие характеристики, как материальное положение, образование и социальный статус⁹⁹. В исследовании приняло участие 140 испытуемых, которые были разделены на две группы, соответствующие одному из двух основных стратификационных слоев:

– базовый слой: семьи с ежемесячным заработком не выше 10 000 руб., расходующие деньги только на продукты питания и обязательные платежи; образование родителей – среднее и средне-специальное; социальная категория – неквалифицированные работники, рабочие промышленности, работники торговли и сервиса.

– средний слой: семьи с ежемесячным заработком от 10 000 руб., имеющие возможность тратить деньги не только на обязательные покупки, но и на отдых; образование – высшее; социальная категория – высокооплачиваемые квалифицированные специалисты, административные работники, руководители, предприниматели.

Как видно из табл. 13, дети из семей базового слоя в сравнении со старшеклассниками из семей среднего слоя чаще характеризовались ориентацией на ценности адаптации и реже – направленностью на ценности социализации, что в целом подтверждает описанные ранее общие закономерности. Особенность представленности индивидуализирующегося ценностного типа в данном исследовании носит, вероятно, случайный ха-

Т а б л и ц а 13

Распространенность ценностных типов в зависимости от социального положения родителей (% от числа исследуемых, $n = 140$)

Социальное положение родителей		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Базовый слой ($n = 63$)	27,8	55,5	11,1	5,6
2	Средний слой ($n = 77$)	4,5	86,3	0	9,2

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп 1 и 2 ($\alpha < 0,05$).

⁹⁹ *Мамаев К. С.* Система ценностных ориентаций личности в юношеском возрасте в контексте принадлежности родителей к различным стратификационным группам: дипломная работа. – Кемерово, 2005. – 63 с.

рактен и определяется относительной малочисленностью исследуемых.

Таким образом, рассмотренные параметры родительской семьи в известном смысле предопределяют ценностную структуру массового сознания нового поколения, что позволяет нам дать более широкую трактовку понятию «временного лага» формирования ценностной системы: существующая система ценностных представлений определяется не только социально-экономическим положением тех или иных поколений в их «формативные годы», но и является своеобразным «эхом», отражающим закономерности социального развития предыдущих поколений. Тем самым, описанное Р. Инглхартом «отставание» ценностной системы общества от уровня его социально-экономического развития носит, по-видимому, еще более продолжительный характер. В этой связи известный афоризм В. Гюго «чтобы изменить человека, надо начинать с его бабушки» можно понимать вполне буквально.

В целом, приведенные нами данные, свидетельствующие о влиянии рассмотренных социально-демографических факторов на ценностную структуру массового сознания, объясняют описываемые многими авторами существенные отличия современного российского общества от западного, которые заключаются в значительно большей ориентации россиян на ценности, связанные с фрустрацией потребности в экономической и физической безопасности. Очевидно, что социально-экономические и демографические условия современной России (ее нынешнее экономическое положение, уровень образования, возрастная структура населения) объективно задают серьезные и продолжительные ограничения в формировании направленности массового сознания на такие «постматериалистические» либеральные ценности, как свобода, ответственность, терпимость, демократия и права человека.

Часть 2

**ЦЕННОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Г л а в а 4

**РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ
СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
И ЕЕ НАРУШЕНИЕ ПРИ ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ**

Структурный характер системы ценностных ориентаций личности, ее многоуровневость и многомерность, определяет возможность реализации ей целого ряда разноплановых функций. Система ценностных ориентаций личности, занимая промежуточное положение между внутренними установками и нормами социальной среды, между мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов, обеспечивает взаимодействие этих элементов более общей системы – «человек». По мнению Ю.А. Шерковина, двойственный характер системы ценностей, обусловленных одновременно индивидуальным и социальным опытом, определяет ее двойное функциональное значение. Во-первых, ценности являются основой формирования и сохранения в сознании людей установок, которые помогают индивиду занять определенную позицию, выразить свою точку зрения, дать оценку. Таким образом они становятся частью сознания. Во-вторых, ценности выступают в преобразованном виде в качестве мотивов деятельности и поведения, поскольку ориентация человека в мире и стремление к достижению определенных целей неизбежно соотносятся с ценностями, вошедшими в его личностную структуру¹⁰⁰.

Как уже отмечалось, система ценностных ориентаций является важным регулятором активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума. С точки зрения В.Г. Алексеевой, ценностные ориентации представляют собой предполагающую индивидуальный свободный выбор формы включения общественных ценностей в механизм деятельности и поведения личности. По ее словам, система ценностных ориентаций – это «основной канал усвое-

¹⁰⁰ Шерковин Ю.А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы // Психол. журн. – 1982. – Т. 3, № 5. – С. 137.

ния духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения людей»¹⁰¹.

Как справедливо замечает К. Роджерс, потребности могут удовлетворяться лишь теми путями, которые совместимы с системой ценностей личности и концепцией «Я»¹⁰². А.Г. Здравомыслов также полагает, что благодаря контрольным функциям ценностных ориентаций «действие потребностей любого рода может ограничиваться, задерживаться, преобразовываться»¹⁰³. Механизм действия системы ценностных ориентаций, по его словам, связан с разрешением конфликтов и противоречий в мотивационной сфере личности, выражаясь в борьбе между долгом и желанием, т.е. между мотивами нравственного и утилитарного характера. Как пишет Ф.Е. Василюк, система ценностей выступает в данном случае как «психологический орган» измерения и сопоставления меры значимости мотивов, соотношения индивидуальных устремлений и «надындивидуальной сущности» личности¹⁰⁴.

Регулятивная функция ценностных ориентаций личности охватывает все уровни системы побудителей активности человека. Согласно А.Г. Здравомыслову, «специфика действия ценностных ориентаций состоит в том, что они функционируют не только как способы рационализации поведения, их действие распространяется не только на высшие структуры сознания, но и на те, которые обозначаются обычно как подсознательные структуры. Они определяют направленность воли, внимания, интеллекта»¹⁰⁵. Роль ценностных ориентаций в регуляции волевых процессов рассматривается, в частности, в работе Ш.А. Надирашвили¹⁰⁶. На основе теории Д.Н. Узнадзе им выделяется три качественно различных уровня регуляции психической активности человека: объективация предмета, объективация социальных требований, объективация собственного «Я». По мнению Ш.А. Надирашвили, объективация собственного внутрен-

¹⁰¹ Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности... — С. 63–70.

¹⁰² Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия / пер. с англ. — М.: Рефлбук, К.: Ваклер, 1997. — С. 56.

¹⁰³ Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. — М.: Политиздат, 1986. — С. 202.

¹⁰⁴ Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — С. 122–125.

¹⁰⁵ Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности... — С. 202–203.

¹⁰⁶ Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. — Тбилиси, 1987. — 361 с.

него состояния приводит к постановке оценочной задачи, в результате чего порождается волевой процесс. Таким образом, высший уровень регуляции психической активности человека – волевая активность – регулируется ценностными ориентациями индивида.

В различных социальных ситуациях реализацию потребностей человека регулируют установки, аттитюды и ценностные ориентации личности, которые В.Я. Ядов объединяет как диспозиции, т.е. «предрасположенности». В своей «диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности»¹⁰⁷ В.Я. Ядов аргументирует иерархическую организацию системы диспозиционных образований. В разработанной им схеме на низшем уровне системы диспозиций располагаются элементарные фиксированные установки, носящие неосознаваемый характер и связанные с удовлетворением витальных потребностей. Второй уровень составляют социально фиксированные установки или аттитюды, формирующиеся на основе потребности человека во включении в конкретную социальную среду. Третий уровень системы диспозиций – базовые социальные установки – отвечает за регуляцию общей направленности интересов личности в тех или иных конкретных сферах социальной активности человека. Высший уровень диспозиций личности представляет собой систему ее ценностных ориентаций, соответствующую высшим социальным потребностям и отвечающую за отношение человека к жизненным целям и средствам их удовлетворения. Каждый уровень диспозиционной системы оказывается задействованным в различных сферах и в соответствующих им ситуациях общения – в ближайшем семейном окружении, малой контактной группе, конкретной области деятельности, и, наконец, в определенном типе общества в целом. Отдельные уровни диспозиционной системы отвечают при этом за конкретные проявления активности: за отдельные поведенческие акты в актуальной предметной ситуации, за осуществляемые в привычных ситуациях поступки, за поведение как систему поступков, за целостность поведения или деятельность человека. Из сказанного следует, что уровни регуляции поведения в диспозиционной концепции В.Я. Ядова различаются соотношением биологических и социальных компонентов в их содержании и происхождении. Ценностные ориентации, как высший уровень диспозиционной системы, по В.Я. Ядову, полностью зависят от

¹⁰⁷ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе... – С. 35–52.

ценностей социальной общности, с которой себя идентифицирует личность.

Очевидно, что уровни диспозиционной системы личности отличаются также степенью осознанности описанных регулятивных образований. Ценностные ориентации выражают то, что является наиболее важным для человека и обладает личностным смыслом. Таким образом, особенность ценностной регуляции социального поведения в том, что она относится не к отдельным действиям или системам предметных операций, а к гораздо более крупным и продолжительным актам деятельности, реализуемым на протяжении практически всей жизни личности и связанным со смыслом жизни.

Необходимо отметить, что двойственность системы ценностных ориентаций личности как высшего регулятивного образования заключается в том, что она не только определяет формы и условия реализации побуждений человека, но и сама становится источником его целей. Как справедливо отмечает А.И. Донцов, ценностные ориентации направляют и корректируют процесс целеполагания человека¹⁰⁸. Н.Ф. Наумова также рассматривает ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания, так как они ориентируют человека среди объектов природного и социального мира, создавая упорядоченную и осмысленную, имеющую для человека значение, картину мира. По ее словам, ценностные ориентации дают основание для выбора из имеющихся альтернатив целей и средств, для порядка предпочтений отбора и оценки этих альтернатив, определяя «границы действия», т.е. не только регулируют, но и направляют эти действия¹⁰⁹. По нашему мнению, тем самым система ценностных ориентаций определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности, являясь важнейшим внутренним его источником и механизмом.

В.Б. Олышанский, придерживаясь ценностных ориентиров (которые он образно называет «маяками»), говорит о том, что человек сохраняет определенную внутреннюю последовательность своего поведения. Он считает, что «индивидуальные отклонения от системы ценностей группы отражаются в поведении индивида. Это определяет отношение к нему в коллективе, которое в данном случае выступает как фактор группового кон-

¹⁰⁸ Донцов А.И. О ценностных отношениях личности // Сов. педагогика. — 1974. — № 5. — С. 67–76.

¹⁰⁹ Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. — М., 1988. — 199 с.

троля. Это отношение, однако, может выступать и как детерминант, в соответствии с которым человек меняет свою ценностную ориентацию»¹¹⁰.

С другой стороны, ценности группы детерминируются ценностными ориентациями ее отдельных членов. Индивидуальные системы ценностных ориентаций отдельных личностей взаимодействуют между собой и через межличностные взаимоотношения воздействуют на групповые. Так, в стратометрической концепции коллектива А.В. Петровского одним из основных показателей сплоченности группы является ценностно-ориентационное единство – фактор, фиксирующий степень совпадения позиций и оценок ее членов и ценностей, наиболее значимых для группы в целом. По его мнению, ценности выполняют функцию регулятора групповой сплоченности и активности¹¹¹. Групповые ценности, как это показано в исследовании Э.А. Арутюняна, в свою очередь являются промежуточным связующим звеном между ценностями личности и социума¹¹². Таким образом, система ценностных ориентаций личности, являясь отражением ценностей социальной среды, сама может оказывать воздействие на социальные ценности.

В основе регуляции поведения членов той или иной общности находятся социальные ценности, выраженные в социальных нормах, которые представляют собой совокупность конкретных правил и требований, вырабатываемых этой общностью и играющих роль своего рода «хранителей» ее ценностей. При этом имеет место своеобразная «двойная регуляция», параллельно осуществляющаяся посредством как моральных, так и правовых норм. Моральные или этические нормы получают выражение в общих представлениях (правилах, заповедях, принципах) о том, как должно поступать в тех или иных ситуациях. Правовые нормы выражаются в сводах, кодексах законов и других нормативных актах. Девиантное (отклоняющееся) поведение, которое подразумевает нарушение моральных и/или правовых норм, может проявляться, соответственно, в виде проступков и/или преступлений. Отметим, что границы между моральными и правовыми нормами во многом условны, и в ус-

¹¹⁰ *Ольшанский В.Б.* Личность и социальные ценности // Социология в СССР. – Т. 1. – М.: Мысль, 1966. – С. 529.

¹¹¹ *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.

¹¹² *Арутюнян Э.А.* Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности // Образ жизни и ценностные ориентации личности. – Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1979. – С. 49–61.

тойчивом обществе они постепенно сближаются посредством обмена их ценностного содержания, переходя друг в друга при помощи механизмов легитимизации и институционализации, описанных Т. Парсонсом.

Природа социальных норм обычно рассматривается различными авторами как авторитарная либо конвенциональная. Авторитарная трактовка подразумевает директивный, навязанный лидером, авторитетом, или же абсолютный, божественный характер социальных норм, являющихся, таким образом, нормами-императивами. Конвенциональная трактовка приписывает социальным нормам договорную сущность, они понимаются как нормы-соглашения, нормы-правила. Очевидно, однако, что наличия одних лишь средств внешнего принуждения и побуждения недостаточно. Соблюдение социальных норм основывается также на их внутреннем принятии, интернализации, придающей им характер личностного смысла. Такая трактовка может быть обозначена как постконвенциональная.

Степень внутреннего принятия социальных норм определяется уровнем личностного развития. Начиная с Ж. Пиаже многими авторами, в частности Л. Колбергом, Г. Дюпоном, Дж. Ловинджер, описываются стадии морального развития, отличающиеся характером ценностной регуляции социального поведения. Так, Л. Колберг, уточняя и детализируя концепцию Ж. Пиаже, выделяет три уровня моральных суждений: *предконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный*. Первый уровень отличается эгоцентричностью, моральные ценности носят внешний характер и следование им основывается на принципе выгоды. Второй характеризуется социальной конформностью, некритическим принятием оценок своей референтной группы и стремлением к поддержанию установленного порядка, традиций и правил. Нормы и ценности близкого окружения интериоризируются, их соблюдение становится внутренней потребностью, однако они по-прежнему основаны на внешнем авторитете. Третий уровень соответствует ориентации на собственные моральные принципы, выработке автономной системы этических ценностей. Личные ценности на этом уровне могут не совпадать с ценностями референтной группы, определяясь в большей степени абстрактными, универсальными, общечеловеческими ценностями¹¹³.

¹¹³ Kohlberg L. Moral stages and moralization: The cognitive developmental approach // Moral development and behavior: Theory research and Social issues. — N.Y., 1976. — P. 31–53.

Основными механизмами следования социальным нормам при этом могут последовательно выступать *страх, стыд и вина*. Как известно, страх – это одна из наиболее филогенетически древних эмоций, порождаемых действительной или мнимой опасностью. Ю.А. Лотман определяет страх как инстинктивно-биологическое, присущее всем животным, настороженное отношение к потенциально враждебным и опасным внешним силам¹¹⁴. В контексте социальной регуляции поведения страх можно определить как тревогу человека за то, что его накажут, если он нарушит или уже нарушил какое-либо правило. Соответственно, нормативность поведения в данном случае обеспечивается стремлением избежать наказания. Объектом страха может выступать любое лицо, группа или социальный институт, обладающие силой и властью. В религиозном сознании более важным является страх перед «Божьей карой», «страшным судом», «адскими мучениями», подразумевающими неизбежность наказания, возможно посмертного, даже если нарушение человеком норм и заповедей осталось незамеченным другими людьми.

Ю.А. Лотман противопоставляет страху стыд как специфически человеческий, сформированный культурой психологический механизм, гарантирующий соблюдение определенных норм и обязанностей по отношению к «своим»¹¹⁵. Несмотря на проводимое некоторыми авторами разделение стыда перед собой и стыда перед другими, все же традиционно стыд понимается как социальный конструкт, подразумевающий присутствие другого человека. Стыд, таким образом, это прежде всего стыд перед кем-то. К. Муздыбаев, обобщая ряд современных западных исследований, определяет стыд как состояние унижения, понимаемого им прежде всего как умаление, оскорбление достоинств личности. По его словам, «если в моральном отношении стыд означает потерю лица, т.е. лишение отличительных, социально значимых, позитивных качеств личности, то в структурном отношении он воспринимается как унижение и утрата статуса»¹¹⁶. Моральный и социальный статус личности в данном случае полностью зависит от оценки со стороны значимых других, референтной группы.

¹¹⁴ Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Тез. докл. IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1970. – С. 98–101.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Муздыбаев К. Переживание стыда социальной неудачи в период экономического кризиса // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004. – С. 36.

Стыд также традиционно противопоставляется такому чувству, как вина. Однако, как отмечают И.К. Макогон и С.Н. Ениколопов, относительно дифференциации этих понятий до сих пор не существует единогласия. Как полагают авторы, вина является более моральной эмоцией, нежели стыд, вследствие различия их мотивационных последствий: помимо негативной оценки поведения чувство вины включает в себя конструктивные профилактические импульсы, а чувство стыда наряду с негативной оценкой собственного «Я» – оборонительную межличностную сепарацию и дистанцирование. Тем не менее последние исследования показывают, что обе эмоции при определенных обстоятельствах могут быть в равной степени моральными¹¹⁷.

Однако если стыд предполагает ориентацию на внешнюю оценку, то вина, напротив, подразумевает внутренний контроль поведения, связанный с интернализацией социальных норм. В этой связи Р. Бенедикт противопоставляет западные «культуры вины» и восточные «культуры стыда», характеризующиеся соответственно в большей степени внутренней либо внешней регуляцией социального поведения. Поскольку вина традиционно рассматривается как эмоция, возникающая на более высокой ступени развития человечества, Р. Бенедикт упрекали в «обидном сравнении» западной и восточной культур¹¹⁸. Сегодня принято считать, что переживание чувства вины свойственно представителям различных обществ.

В современной психологии вина рассматривается как моральная эмоция, которая возникает в результате несоответствия нашего поведения или собственных характеристик нашим моральным стандартам¹¹⁹. Понятие вины тесно связано с такой категорией, как «совесть», можно даже сказать, что в научной литературе эти термины четко не дифференцируются. Несоответствие собственного поведения интернализованным, т.е. осознанно принятым нормам и принципам, вызывает угрызения совести, которая понимается как «внутренняя моральная инстанция». Согласно В. Франклу, даже в эру отсутствия ценно-

¹¹⁷ Макогон И.К., Ениколопов С.Н. Стыд и вина: эмоциональный и поведенческий аспекты // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: мат. участников съезда. Т. III. – М.: Российское психологическое общество, 2012 – С. 176.

¹¹⁸ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 216.

¹¹⁹ Белик И.А. Роль вины в межличностных отношениях: обзор зарубежных научных исследований // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004. – С. 171.

стей совесть является «органом смысла» человека¹²⁰. Таким образом, совесть является механизмом саморегуляции поведения.

Анализируя работы классиков зарубежной психологии, посвященные психологической характеристике феномена совести, С.А. Барсукова выделяет два основных подхода к пониманию механизмов ее проявления: социоцентрический, рассматривающий совесть в контексте адаптации человека к социуму, когда она предстает как «интериоризированный голос значимых Других», формирующийся под влиянием либо страха наказания, либо потребности в идентификации, а также антропоцентрический, связывающий совесть с реализацией своего внутреннего потенциала и рассматривающий ее как «голос истинного «Я», актуализирующийся в процессе индивидуации и обретения человеком своей целостности¹²¹. Л.Ю. Юркина на основе анализа современных источников также выделяет два сходных подхода к рассмотрению совести: понимание совести как «голоса интернализованного внешнего авторитета» (от собственного отца до божества) и как «собственно внутреннего голоса»¹²². Таким образом, независимо от «источника» совести в конечном счете ее все же можно рассматривать как преимущественно внутреннюю характеристику. Соответственно, в качестве внутреннего механизма регуляции поведения можно рассматривать и представление о грехе, представляющем религиозное понимание вины как «вины перед Богом».

Несмотря на многообразие терминов, описывающих моральную регуляцию поведения и различия в оттенках их употребления разными авторами, в целом можно говорить о едином ряде страх – стыд – вина, в котором каждый последующий механизм социального контроля возникает на основе предыдущего и соответствует достигнутому уровню ценностного развития как отдельной личности, так и общества в целом. Очевидно, что данные механизмы, отличающиеся последовательным возрастанием интернальности, имеют в своей основе различные системы ценностей. В нашей типологической модели в зависимости от

¹²⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. — М.: Прогресс, 1990. — С. 38.

¹²¹ Барсукова С.А. К постановке проблемы феноменологии совести в психологии личности // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: мат. участников съезда. Т. I. — М.: Российское психологическое общество, 2012. — С. 267.

¹²² Юркина Л.Ю. Исследование совести как психологического феномена // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. — СПб.: Речь, 2004. — С. 146.

субъективной значимости терминальных ценностей в индивидуальной иерархии, уровня их осознанности и интернализированности, их «внешнего» или «внутреннего» характера выделяется три типа личности, ориентирующиеся соответственно на ценности адаптации, социализации или индивидуализации. Как следует из сказанного выше, этим трем ценностным типам отчетливо соответствуют страх, стыд и вина, являющиеся для них основными механизмами регуляции социального поведения.

Нарушению ценностно-нормативной регуляции соответствует поведение, которое обычно обозначается как девиантное. Девиантное поведение принято рассматривать как следствие своего рода патологии, дефекта ценностной сферы личности. Так, Дж. Причард говорил в этой связи о «моральном помешательстве» как причине антисоциальной деятельности. Э. Дюркгейм, как известно, связывал возникновение девиаций с ценностной дезориентацией, обусловленной ослаблением или распадом системы ценностей общества – состоянием аномии. В известной теории Р. Мертон девиантное поведение объясняется рассогласованием между терминальными ценностями как общими целями и инструментальными ценностями, являющимися средствами их достижения. При этом в его представлении девиантному поведению в большей степени соответствует нарушение инструментальных ценностей¹²³.

Б.С. Братусь, говоря о девиантном поведении, отмечает, что речь в этом случае идет не просто об отрицании человеком социально одобряемых ценностей, а о формировании достаточно очерченной и жесткой системы ценностей «отрицательных», сформировавшейся под влиянием антисоциальной среды¹²⁴. По Д.А. Леонтьеву, психологической основой отклоняющегося развития является «несформированность ценностной регуляции», при этом он также придает особое значение нахождению индивида в референтной для него асоциальной или криминальной группе, в которой формируется соответствующая система «псевдоценностей». По его мнению, «ценности этой группы не только задают подростку правила и нормы поведения, но и опосредуют, фильтруют или блокируют им усвоение иных макросоциальных и общечеловеческих ценностей»¹²⁵.

¹²³ Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. — М.: Гардарика, 1999. — С. 333–334.

¹²⁴ Братусь Б.С. Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — С. 92–93.

¹²⁵ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 1999. — С. 344.

А.А. Горбатков осуществил одновременное ранжирование двух списков ценностей: «положительной» системы ценностей по методике М. Рокича и «отрицательной» системы по альтернативной методике, в которой каждой ценности Рокича соответствовал ее отрицательный полюс; так, например, «исполнительности» противостояла «неисполнительность». Проведенное им исследование показало неоднозначность корреляционных связей между ценностями первого и второго списков, т.е. продемонстрировало, что иерархия «положительных» ценностей не совпадает с иерархией «отрицательных»¹²⁶. Тем самым положительные и отрицательные ценности могут рассматриваться в качестве относительно самостоятельных подструктур системы ценностных ориентаций личности.

Однако большинством авторов само существование «отрицательных» ценностей ставится под сомнение, поскольку девиантное поведение может иметь место и при ориентации на вполне «положительные» ценности. Начиная с американских работ 60-х годов прошлого века многие авторы отмечали наличие серьезных расхождений между выявляемой системой ценностей и наблюдаемым поведением. Например, известное исследование Ф. Зимбардо показало, что под влиянием определенных обстоятельств любой человек может дойти до какого угодно состояния, вопреки всем своим представлениям о нравственности, личной порядочности и всем социальным принципам, ценностям и нормам¹²⁷.

В ряде социологических исследований, в частности в работах В.С. Бакирова, И.Г. Дубова, В.Б. Ольшанского, В.А. Ядова, также было установлено, что степень совпадения ценностных ориентаций и реального поведения может колебаться. Так, В.С. Бакиров, анализируя ряд западных исследований, констатирует факт существенного рассогласования вербально проявляемых ценностных представлений и реальных форм практического поведения. Он сформулировал три возможные причины, объясняющие указанный факт:

- поверхностность уровня ценностных представлений;
- отсутствие условий, необходимых для реализации ценностных предпочтений;

¹²⁶ Горбатков А.А. О соотношении ориентации на положительные и отрицательные качества в структуре ценностных ориентаций личности // Личность и деятельность: Тез. докл. к V Всесоюз. съезду психологов СССР. — М., 1977. — С. 11.

¹²⁷ Зимбардо Ф., Лайппе М. Социальное влияние. — СПб.: Питер, 2000. — 448 с.

– независимость действий людей от усвоенных ими ценностей, подразумевающая, что ценности не детерминируют активность людей, а лишь являются средством рационализирующего обоснования поведенческого выбора, продиктованного той или иной потребностью.

И.Г. Дубов в этой связи замечает, что «сформированные у людей ценности все же чаще детерминируют человеческое поведение, чем наоборот. Если индивиду ничто не мешает, он предпочитает поступать в соответствии со сложившейся у него системой ценностей – хотя бы для того, чтобы потом не испытывать угрызений совести. Однако в ряде случаев конкретная ситуация оказывается достаточно сложной, в ней сталкиваются различные обстоятельства, вызывающие противоречивые моменты, и тогда в действие вступают факторы, описанные В.С. Бакировым». Определяя причины рассогласования между поведением и ценностной структурой, И.Г. Дубов говорит, что «связь ценностей и конкретных актов поведения не может быть прямой и линейной, поскольку между ценностными системами человека и выбором им поведенческой альтернативы «вклинивается» множество более локальных факторов, относящихся к разряду социально-психологических феноменов – таких, как устойчивые жизненные цели, существующие нормы и традиции, распространенные стереотипы сознания и бытующие в обществе мифы, а также великое множество социальных установок, в контексте которых принимается решение о том или ином поступке»¹²⁸.

В.А. Ядов группирует предложенные различными авторами объяснения в связи с выявленными фактами существенных различий между ценностными и поведенческими характеристиками следующим образом:

- существование принципиальной разницы между реакциями на вербальную ситуацию и ситуацию, предполагающую невербальное действие;
- противоречие между идеальными ожиданиями, фиксированными в нравственных и иных формах поведения, и ситуативными условиями реального поведения; жесткость или негибкость системы ценностей личности;
- существование противоречивых влияний нормативных и ценностных предписаний референтной группы и группы членства;

¹²⁸ Дубов И.Г. Ценности и поведение: анализ взаимосвязи // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – С. 182.

– временное «подавление» ценностных ориентаций другими ценностями или мотивами в конкретных условиях при сохранении общей направленности личности¹²⁹.

Однако наиболее убедительно достаточно простое объяснение фактов рассогласования между ценностями и поведением, высказанное В.В. Гриценко и Т.Н. Смотровой. Как отмечают авторы, в большинстве проводимых исследований фактически изучалась взаимосвязь поведения не с реальными, а с декларируемыми ценностями. Они предполагают, что в сознании человека могут одновременно присутствовать декларируемый и скрытый уровни проявления ценностных предпочтений, между которыми возможны существенные различия. При этом под декларируемыми ценностями ими понимаются социально одобряемые основания оценок окружающей действительности и ориентации в ней. Под скрытыми ценностями подразумеваются реально регулирующие поведение и деятельность людей ценности, которые не артикулируются либо преднамеренно – из-за расхождения их с социально одобряемыми эталонами, либо непреднамеренно – из-за низкой степени их осознания¹³⁰. Таким образом, реальные «скрытые» ценности должны являться наиболее действенным регулятором поведения.

Мы предположили, что описываемые нами ценностные типы, имеющие разный удельный вес внешних, социально обусловленных, а также внутренних, осознанно принятых ценностей, имеют и разную эффективность регуляции социального поведения. В этой связи мы проанализировали распространенность нормативности и девиантности поведения в зависимости от ориентации на ценности адаптации, социализации или индивидуализации.

Различные формы девиантного поведения имеют, вероятно, общие причины и закономерности формирования и, соответственно, сходные особенности ценностной системы, определяющие нарушения ее регулятивных функций. В работе А.А. Зеленина предпринята попытка дать социальную характеристику группам молодежи, выделенным по степени общей девиантности поведения. Для интегральной оценки девиантности поведения молодежи им использовался комплексный показатель, составленный на базе трех переменных: субъективной до-

¹²⁹ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе... – С. 35–52.

¹³⁰ Гриценко В.В., Смотров Т.Н. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российском обществе. – Смоленск: Универсум, 2008 – 152 с.

Т а б л и ц а 14

Распространенность ценностных типов в группах с различной степенью отклонений в поведении (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Группы по отклонениям в поведении		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Отклоняющееся ($n = 104$)	35,6	45,2	1,0	18,3
2	Допустимое ($n = 1019$)	26,6	51,3	3,3	18,8
3	Нормальное ($n = 886$)	26,9	48,1	3,0	22,0

пустимости супружеской измены, уклонения от уплаты налогов, а также употребления оскорбительных и нецензурных выражений. По его данным, чуть более 40 % молодежи Кемеровской области попадают в группу ориентирующихся на нормативное поведение, примерно половина – в группу колеблющихся и 5 % – в группу ориентирующихся на девиантное поведение.

Нами проанализирована распространенность основных ценностных типов в описываемых А.А. Зелениным группах молодежи с различной степенью отклонений в поведении (табл. 14). Как следует из приведенных результатов, самый большой процент представителей адаптирующегося типа отмечается среди склонных к девиантному поведению, а представителей социализирующегося и индивидуализирующегося типов – в группах молодежи с допустимым и нормальным поведением. Однако в целом выявленные здесь различия не имеют принципиального характера, что может объясняться спорностью и неоднозначностью выбранных автором критериев девиантности. Кроме того, как отмечает сам автор, специфика проведенного им исследования не позволяет исчерпывающим образом проанализировать собственно девиантное поведение молодежи, поскольку в выборку не входили представители «альтернативного общества» – маргинальные группы, находящиеся в пенитенциарных учреждениях и т.п. Поэтому фактически речь здесь идет о девиациях в поведении «законопослушной» молодежи¹³¹.

В этой связи было проведено исследование частотного распределения описываемых ценностных типов при некоторых конкретных формах девиантного поведения: алкогольной аддикции, бродяжничестве, уголовных правонарушениях, проституции (табл. 15). Тем самым нами были выбраны наиболее яркие, своего рода модельные группы, позволяющие продемонстрировать «ус-

¹³¹ Зеленин А.А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 66.

Т а б л и ц а 15

Распространенность ценностных типов в группах с различными формами отклоняющегося поведения (% от числа исследуемых)

Группы с различными формами отклоняющегося поведения		Ценностный тип			
		А	С	И	П
0	Общая выборка ($n = 954$)	44	29	4	23
1	Больные алкоголизмом ($n = 100$)	44	31	0	25
2	Подростки с алкогольной зависимостью ($n = 24$)	41,6	39,4	0	16
3	Лица без определенного места жительства ($n = 40$)	43	25	5	28
4	Лица, осужденные за преступления против личности и собственности ($n = 50$)	0	100	0	0
5	Несовершеннолетние проститутки ($n = 50$)	19	67	4	12
6	Женщины-проститутки ($n = 40$)	25	28	5	43

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях между общей выборкой и группами с различными формами отклоняющегося поведения: 4 ($\alpha < 0,001$); 5 ($\alpha < 0,01$). Различия в распределениях групп с различными формами отклоняющегося поведения: 1 и 4 ($\alpha < 0,001$); 1 и 5 ($\alpha < 0,05$); 2 и 4 ($\alpha < 0,01$); 3 и 4 ($\alpha < 0,001$); 4 и 6 ($\alpha < 0,001$); 5 и 6 ($\alpha < 0,05$).

тойчивость» основных типов ценностных систем к различным вариантам отклоняющегося поведения.

В качестве наиболее характерного примера отклоняющегося развития личности Б.С. Братусь рассматривает алкоголизм. Для данного заболевания, по-видимому, в наибольшей степени характерна нивелировка личностных особенностей, проявляющаяся прежде всего одинаковым «снижением» ценностно-смысловой сферы. Однако конкретные особенности ценностной системы при алкоголизме исследованы недостаточно.

Ранее нами изучались особенности системы ценностных ориентаций больных алкоголизмом с использованием методики М. Рокича¹³². Полученные результаты позволяют говорить об очевидном ее изменении при алкоголизме. Групповая иерархия ценностей больных алкоголизмом характеризуется явной ориентацией на конкретные жизненные ценности. При этом значимость здоровья, работы, активной деятельной жизни, дружеских взаимоотношений в данном контексте можно считать «дефицитарной». Ценности развития и самореализации, творчества, счастья других людей занимают в их иерархии послед-

¹³² Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система... — 204 с.

ние места. При явном снижении значимости этих высших терминальных ценностей-целей больные алкоголизмом одновременно декларируют значимость ответственности, честности, аккуратности, т.е. социально одобряемых инструментальных ценностей. Анализ представлений о реализованности тех или иных жизненных ценностей свидетельствует о не критичности их самовосприятия и анозогнозии – так, исследуемые склонны считать себя здоровыми, свободными в выборе жизненной стратегии, ответственными, честными, чуткими, аккуратными и честными и т.д. Таким образом, можно говорить о характерном «снижении», т.е. обратном развитии ценностной сферы личности при алкоголизме, проявляющемся в формировании ориентации на низшие уровни ценностной системы. Такое «снижение» аналогично описанному Б.С. Братусем постепенному «сползанию» от вышележащей к нижележащей ступени смысловой сферы, от «просоциального» к «узкогруппоцентрическому» и далее к «узкоэгоцентрическому» уровню системы личностных смыслов¹³³.

В исследовании ценностной иерархии и распространенности выделенных нами ценностных типов в группе из 100 больных алкоголизмом, находящихся на лечении в наркологическом диспансере г. Прокопьевска Кемеровской области, получены схожие результаты¹³⁴. В числе предпочитаемых терминальных ценностей здесь оказались здоровье, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь, любовь, свобода; отвергаемых – творчество, познание, жизненная мудрость, продуктивная жизнь. Наиболее высокий ранг среди инструментальных ценностей занимают аккуратность, воспитанность, независимость и самоконтроль; наиболее низкий – образованность, честность, твердая воля, нетерпимость к недостаткам в себе и других. По модифицированной нами методике Р. Инглхарта 44 % больных алкоголизмом были отнесены к адаптирующемуся типу, ориентирующемуся на защитные, «дефицитарные» ценности; 31 % – к социализирующемуся, направленному на ценности значимых других; 25 % – к промежуточному типу. Индивидуализирующийся тип, поведение которого регулируется собственными, автономными ценностями, в данной группе не был представлен вовсе.

¹³³ Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.

¹³⁴ Яницкий М.С. Нарушение регулятивной функции индивидуальной системы ценностей при девиантном поведении // Проблемы морально-нравственного развития личности и общества: сборник научных трудов. – Кемерово: Фирма Полиграф, 2004. – С. 239–242.

Аналогичная тенденция выявлена и при изучении психологических факторов алкоголизации в подростковой группе¹³⁵. В исследовании 54 школьников обоего пола в возрасте от 14 до 15 лет выявлено 24 подростка с признаками аддиктивного поведения. Критерием аддикции здесь являлось систематическое употребление алкоголя один раз в месяц и чаще при количестве средне- и слабоалкогольных напитков в количестве 500 мл и более. Среди школьников, обнаруживших признаки алкогольной аддикции, 41,6 % ориентируются на ценности адаптации, 39,4 % – на ценности социализации, к промежуточному типу были отнесены 16 %, при этом представителей индивидуализирующегося типа не оказалось. В контрольной группе доля подростков адаптирующегося типа составила 33 %, социализирующегося – 53,3 %, индивидуализирующегося – 10 % и промежуточного – 3,7 % опрошенных. Таким образом, среди подростков с обычным поведением заметно чаще представлены социализирующийся и индивидуализирующийся типы, а среди подростков, демонстрирующих аддиктивное поведение, – адаптирующийся и промежуточный.

В ходе изучения общественного мнения молодежи Кузбасса в 2006–2007 гг. нами анализировалась склонность представителей описываемых ценностных типов к различным формам аддиктивного поведения: курению, употреблению алкоголя, наркотиков. Частота употребления этих веществ, способных вызвать химическую аддикцию, обнаруживает незначительную зависимость от особенностей ценностной регуляции поведения молодежи (табл. 16–18).

Т а б л и ц а 16

Распределение ответов на вопрос «Курите ли Вы?» среди отнесенных к описываемым ценностным типам (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Не курю	51,0	51,4	56,9	58,2	52,8
Иногда, нерегулярно	15,7	15,7	8,6	14,4	15,2
Да, 1–10 сигарет в день	17,9	18,7	17,2	17,0	18,1
Да, 10–20 сигарет в день	11,4	12,5	13,8	8,9	11,5
Да, более пачки в день	3,9	1,6	3,4	1,5	2,3

¹³⁵ Ефимова А.Г. Деформация ценностно-смысловой сферы личности подростков как фактор формирования аддиктивного поведения: дипломная работа. – Кемерово, 2003. – 84 с.

Т а б л и ц а 17

Распределение ответов на вопрос «Употребляете ли Вы алкоголь (включая слабоалкогольные напитки и пиво)?» среди отнесенных к описываемым ценностным типам (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Вообще не употребляю	10,3	11,5	23,3	16,6	12,6
Редко, нерегулярно, только по большим праздникам	50,0	49,9	36,7	53,1	50,2
Регулярно, 1–2 раза в месяц	25,1	25,1	23,8	18,6	23,7
Регулярно, 1–2 раза в неделю	11,3	10,0	11,7	7,4	9,9
Регулярно, чаще чем 1–2 раза в неделю	3,3	3,5	5,0	4,2	3,7

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и П ($\alpha < 0,05$); С и П ($\alpha < 0,05$).

Как следует из приведенных результатов, у большинства молодежи примерно одинаковая частота систематического употребления этих веществ. В неожиданную сторону отличается лишь поведение отнесенных к индивидуализирующемуся типу. Несмотря на то что среди них в два раза больше полных абстинентов, чем среди представителей остальных ценностных типов, ориентирующиеся на ценности индивидуализации чаще других регулярно курят, употребляют алкоголь и наркотики. В последнем случае это проявляется особенно отчетливо – они явно чаще

Т а б л и ц а 18

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам употреблять наркотические вещества?» среди отнесенных к описываемым ценностным типам (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Нет	79,3	82,5	78,3	82,8	81,6
Пробовал 1–2 раза легкие наркотики	19,2	15,6	15,0	14,7	16,4
Пробовал сильнодействующие наркотические вещества	1,3	0,9	3,3	1,0	1,1
Иногда употребляю, но нерегулярно	0,2	0,8	1,7	1,0	0,7
Да, постоянно употребляю	0,0	0,2	1,7	0,5	0,3

демонстрируют как однократное, так и систематическое употребление наркотических веществ, не исключая и сильнодействующие. Нерегулярное употребление для них менее типично. То есть их отношение к психоактивным веществам характеризуется большей определенностью и осознанностью – они либо не употребляют их вовсе, либо употребляют регулярно. Возможно, впрочем, что они более объективны и искренни перед собой и окружающими. Относительно большая склонность к наркотизации позволяет также предположить, что они могут недооценивать опасность наркотиков, особенно легких, в ряде случаев даже считая их менее опасными, чем алкоголь.

Для прояснения характера выявленных закономерностей проведен сравнительный анализ субъективных оценок допустимости курения, употребления алкоголя и наркотических веществ (табл. 19–21). Наиболее терпимо молодежь относится к употреблению алкоголя, наименее – к употреблению наркотиков. Курение вызывает большее неприятие, чем алкоголь, что, вероятно, связано с его негативным воздействием не только на курильщика, но и на окружающих. Самыми «строгими», особенно в отношении курения и алкоголя, оказываются представления индивидуализирующегося ценностного типа.

При сравнении представлений о допустимости употребления сигарет, алкоголя и наркотиков с реальным поведением молодежи выявляется заметное рассогласование между декларируемым и реальным отношением к ним. В отличие от курения, которое приемлют больше молодежи, чем курят сами, касательно алкоголя и наркотиков обнаруживается противоположная зависимость – число считающих употребление алкоголя

Т а б л и ц а 19

Субъективная допустимость курения для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Недопустимо	29,4	33,0	41,7	35,3	32,8
В исключительных случаях допустимо	16,1	14,1	18,3	14,0	14,8
Иногда допустимо	24,3	23,9	15,0	23,5	23,8
В большинстве случаев допустимо	15,5	16,0	10,0	16,8	15,8
Допустимо в любой ситуации	14,2	13,0	15,0	10,5	12,8

Т а б л и ц а 20

Субъективная допустимость употребления алкоголя (включая слабоалкогольные напитки и пиво) для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	($n = 2009$)
Недопустимо	20,6	17,6	30,0	25,4	20,4
В исключительных случаях допустимо	21,5	21,5	21,7	20,6	21,3
Иногда допустимо	29,9	34,2	28,3	27,4	31,5
В большинстве случаев допустимо	15,0	16,2	6,7	15,6	15,5
Допустимо в любой ситуации	13,0	10,4	13,3	11,1	11,3

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: С и П ($\alpha < 0,05$)

и наркотиков допустимым меньше числа их реально употребляющих. Так, например, среди ориентирующихся на ценности индивидуализации наблюдается наибольшее расхождение между представлением о недопустимости употребления наркотиков, которое разделяют 89,9 %, и долей никогда их не употреблявших, которая составляет лишь 78,3 %. Вряд ли здесь негативное отношение к употреблению наркотиков обусловлено собственным опытом, скорее такое рассогласование может быть объяснено «сбоем» слишком жесткой, негибкой системы норм и ценностей.

Т а б л и ц а 21

Субъективная допустимость употребления наркотиков для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	($n = 2009$)
Недопустимо	87,8	90,3	89,8	87,9	89,1
В исключительных случаях допустимо	6,0	4,9	5,1	6,5	5,5
Иногда допустимо	2,5	2,6	5,1	3,0	2,7
В большинстве случаев допустимо	2,3	1,3	0,0	1,3	1,5
Допустимо в любой ситуации	1,4	0,9	0,0	1,3	1,1

И тем не менее жесткие негативные установки представителей индивидуализирующегося типа в отношении употребления веществ, способных вызвать зависимость, в сочетании с их большей критичностью в отношении собственного поведения, по-видимому, могут обеспечить предупреждение формирования явных аддикций – как было показано выше, среди алкоголиков и лиц с алкогольной зависимостью ориентирующихся на ценности индивидуализации нет. Можно надеяться, что это обусловлено не только процессом деформации системы ценностей уже при развитии алкоголизма, но и достаточной эффективностью ценностной регуляции поведения индивидуализирующегося типа.

Еще одной формой девиантного поведения является бродяжничество. Несмотря на то что в ряды бездомных, особенно в период кризиса, могут попадать и вполне обычные граждане, утратившие жилье в связи с разного рода семейными и социальными проблемами, основу контингента лиц без определенного места жительства все же составляют бывшие осужденные, вернувшиеся из мест лишения свободы, а также страдающие алкоголизмом, психически больные и т.п., т.е. лица отчетливо характеризующиеся отклоняющимся поведением. Причем в данном случае часто имеет место сочетание различной социальной патологии.

В исследовании распространенности рассматриваемых ценностных типов, проведенном по нашей методике в группе лиц без определенного места жительства, приняли участие 40 мужчин, средний возраст которых составил 48 лет¹³⁶. Базой проведения исследования являлся центр социальной адаптации, а также отделения милиции г. Кемерово. Для описываемой группы в наибольшей степени характерна ориентация на ценности адаптации (43 %). Отмечается также довольно высокий показатель распространенности промежуточного типа (28 %), несколько меньше доля ориентированных на ценности социализации (25 %). На ценности индивидуализации направлены 5 % принявших участие в исследовании.

Еще более показательными являются результаты, полученные в диссертационном исследовании С.В. Штак, выполненном под нашим руководством¹³⁷. Ею рассматривалась структура

¹³⁶ Худякова И. Исследование ценностной структуры представителей андерслова в условиях трансформации российского общества: дипломная работа. – Кемерово, 2005. – 80 с.

¹³⁷ Штак С.В. Особенности социально-психологической адаптации представителей различных групп социальных аутсайдеров: дис. ... канд. психол. наук. – Кемерово, 2006. – 181 с.

ценностных предпочтений группы социальных аутсайдеров общей численностью 70 человек, к которой были отнесены как лица без определенного места жительства, постоянные обитатели городских свалок, так и лица, занимающиеся попрошайничеством. Дополнительными проявлениями отклоняющегося поведения в данной группе являлись выраженная алкоголизация и общая для всех склонность к воровству. Средний возраст испытуемых составил 42 года, мужчин – 51,4 %, женщин – 48,6 %. В данной группе резко доминировал адаптирующийся ценностный тип (62,9 %). Ориентирующихся на ценности социализации оказалось 22,9 %, направленность на ценности индивидуализации обнаружил лишь один человек (1,4 %). К промежуточному типу было отнесено 12,9 % принявших участие в исследовании.

При разделении исследуемых на подгруппы по характеру и локализации деятельности (попрошайки у церкви, попрошайки в городе, собиратели в городе, собиратели на свалке), обнаруживающие также последовательно снижающийся уровень доходов, закономерно проявляются и различия в частоте описываемых ценностных типов (табл. 22). Так, попрошайки у церкви, представляющие собой своего рода «элику» социального дна, заметно отличаются более высоким уровнем развития ценностной системы. С учетом данных, полученных по другим методикам, автор приходит к выводу, что внутри страты социальных аутсайдеров существует иерархия реальных групп людей, имеющих различный социальный статус и образ жизни, которые опосредуют их ценностные характеристики. По мере снижения социального статуса внутри страты социальных аутсайдеров отмечается понижение уровня развития системы ценностных ориентаций: сначала исчезают глобальные ценности (добро, красота, свобода и т.д.), затем деформируются, а потом и вовсе исчезают ценности, приближенные к обыденной жизни (хорошая семья, благополучие, дети и пр.).

Т а б л и ц а 22

Распространенность ценностных типов в отдельных подгруппах социальных аутсайдеров (% от числа исследуемых, $n = 70$)

Подгруппы социальных аутсайдеров		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Попрошайки у церкви ($n = 7$)	57,14	28,57	14,29	0,00
2	Попрошайки в городе ($n = 19$)	63,16	21,05	0,00	15,79
3	Собиратели в городе ($n = 14$)	64,29	21,43	0,00	14,29
4	Собиратели на свалке ($n = 30$)	63,33	23,33	0,00	13,33
5	Все ($n = 70$)	62,9	22,9	1,4	12,9

Т а б л и ц а 23

Субъективная допустимость бродяжничества для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Недопустимо	84,3	85,6	72,9	82,7	84,3
В исключительных случаях допустимо	10,2	9,1	18,6	8,8	9,6
Иногда допустимо	1,9	2,2	5,1	5,0	2,8
В большинстве случаев до- пустимо	1,9	1,3	3,4	1,5	1,6
Допустимо в любой ситуации	1,7	1,8	0,0	2,0	1,7

В нашем исследовании структуры ценностного сознания молодежи 2006–2007 гг. изучалось также представление о допустимости бродяжничества среди представителей основных ценностных типов (табл. 23). Для абсолютного большинства исследуемых бродяжничество является одинаково неприемлемым. Несколько большей снисходительностью отличаются лишь отнесенные к индивидуализирующемуся типу, пятая часть которых полагает, что бродяжничество допустимо в исключительных случаях. Очевидно однако, что в данном случае это не является склонностью к девиантному поведению или, тем более, установкой на его реализацию. Характеризующиеся большей интернальностью представители индивидуализирующегося типа, вероятно, проецируют проблему бродяжничества на себя и допускают теоретическую возможность бездомности в принципе, как бы «не зарекаясь от тюрьмы и от сумы».

Различные виды отклоняющегося поведения, связанные с одновременным нарушением правовых и нравственных норм, объединяются как делинквентное поведение. Очевидно, что совершение преступлений против личности и собственности, одновременно противоречащее морально-этическим нормам общества и нарушающее установленные государством законы, также предполагает определенную деформацию системы ценностей. Рядом авторов в этом контексте исследовались ценностные ориентации осужденных. Важно подчеркнуть, что в данном случае невозможно исключить влияние на формирование их ценностно-смысловой сферы той антисоциальной среды, в которой они находятся. Поэтому мы исследовали особенности системы ценностных ориентаций прежде всего у лиц, которые были аресто-

ваны впервые и находились в следственном изоляторе до вынесения приговора¹³⁸. Всего в нашем исследовании, которое осуществлялось с использованием методики М. Рокича, приняли участие 56 следственно-заключенных следственного изолятора № 1 г. Кемерово, обвиняемых в совершении таких преступлений, как кражи, грабежи, убийства, изнасилования, нарушения общественного порядка и др.

Система ценностных ориентаций следственно-заключенных характеризуется доминированием «защитных», обусловленных фрустрацией ценностей, – «свободы от», независимости, прежних семейных и дружеских взаимоотношений, а также ценностей материального благополучия. Одновременно декларируется значимость таких социально одобряемых инструментальных ценностей, как аккуратность, воспитанность, ответственность, честность и т.д. При этом для правонарушителей характерно отрицание альтруистических ценностей – счастья других, чуткости, терпимости и широты взглядов, а также ценностей развития, самореализации и творчества. Обращает на себя внимание весьма низкий уровень реализованности основных жизненных ценностей в описываемой группе, что еще раз свидетельствует об адаптационном характере происхождения их ценностной системы.

В группе из 50 заключенных, осужденных за совершение таких преступлений, как кражи, грабежи, убийства, нарушение общественного порядка и др., и отбывающих наказание в исправительной колонии № 5 г. Кемерово, по методике М. Рокича были получены иные результаты¹³⁹. Осужденные декларируют высокую значимость активной деятельной жизни, что может быть объяснено ограничениями, накладываемыми пенитенциарной системой. На втором месте стоит жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл). Эту ценность можно отнести к прошлому периоду жизни заключенных, поскольку они считают, что если бы раньше у них был здравый смысл и сегодняшний опыт, они не совершили бы противоправных действий. На третьей и четвертой позициях разместились общественное признание и здоровье. Понятно, что наличие определенного уважения со стороны других осужденных, занятие определенного статуса являются необходимым условием выживания и приобретают характер актуальных ценностей. Познание и материаль-

¹³⁸ Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система... – 204 с.

¹³⁹ Пискунова К.А. Ценностно-смысловые аспекты формирования и выбора жизненной стратегии в условиях пенитенциарной системы: дипломная работа. – Кемерово, 2003. – 60 с.

но обеспеченная жизнь занимают пятое и шестое места, что можно интерпретировать как своего рода перспективу, цели, соответствующие образу желаемого будущего. К отвергаемым ценностям относятся счастливая семейная жизнь, друзья, творчество, развитие, уверенность в себе и счастье других.

Данной структуре терминальных ценностей соответствуют следующие средства их достижения, имеющие наиболее высокие ранговые места: чуткость (заботливость), умение понять чужую точку зрения, терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки, трудолюбие, воспитанность и аккуратность. Жизнерадостность, исполнительность, независимость, смелость в отстаивании своего мнения, высокие запросы и образованность занимают последние шесть позиций в списке инструментальных ценностей.

Таким образом, в ценностной иерархии осужденных наблюдается определенные противоречия. Терминальные ценности, являясь достаточно конкретными, носят скорее эгоцентрический характер, а средства для достижения этих целей – формально альтруистический. Очевидно однако, что значимость альтруистических ценностей в данном случае определяется неудовлетворенностью в чуткости, терпимости, прощении по отношению к самим осужденным со стороны других людей, и эти инструментальные ценности также являются дефицитными.

По методике Р. Инглхарта все осужденные как за преступления против личности, так и против собственности были отнесены к одному социализирующемуся типу, соответствующему ориентации на внешние социально одобряемые ценности. Эта любопытная особенность может быть объяснена высокой зависимостью поведения в среде заключенных от требований микро-социального окружения, навязываемых посредством специфической системы норм и ценностей – так называемых «понятий», которые жестко поддерживаются данной антисоциальной группой.

Для абсолютного большинства обычных людей, независимо от их ценностной направленности, преступления как против жизни, так и против собственности являются одинаково неприемлемыми (табл. 24, 25). Однако, несмотря на обусловленную этим всеобщим «моральным императивом» умеренную выраженность различий между описываемыми ценностными типами, все же заметна определенная тенденция: с повышением уровня развития ценностной системы (от адаптирующегося к индивидуализирующемуся типу) последовательно возрастает и доля молодежи, считающей как убийство, так и воровство недопустимыми. Тем самым степень принятия личностью обще-

Т а б л и ц а 24

Субъективная допустимость убийства для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	($n = 2009$)
Недопустимо	90,0	91,6	93,3	92,5	91,6
В исключительных случаях допустимо	3,8	4,1	5,0	3,5	3,9
Иногда допустимо	3,4	1,7	0,0	2,0	2,2
В большинстве случаев допустимо	1,9	1,3	0,0	1,0	1,4
Допустимо в любой ситуации	0,9	0,9	1,7	1,0	1,0

человеческих нравственных принципов (в данном случае – «не убий» и «не укради»), ограничивающих поведение и действие человека в целях обеспечения существования и развития общества, прямо зависит от уровня ценностного развития.

К девиантному поведению традиционно относят и проституцию. Однако следует отметить, что в настоящее время в различных обществах отношение к проституции неодинаково – в одних она считается законным видом деятельности (как, например, в Германии), в других – уголовным преступлением (как, например, в России, где за организацию проституции предусмотрена уголовная ответственность). При этом проституция в ряде случаев оказывается одним из примеров несовпадения моральных и правовых норм: несмотря на ее легализацию в некоторых странах у значительной части этих обществ сохраняется осуждение

Т а б л и ц а 25

Субъективная допустимость воровства для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	($n = 2009$)
Недопустимо	85,9	86,8	91,7	87,5	86,9
В исключительных случаях допустимо	8,1	8,0	1,7	7,2	7,7
Иногда допустимо	2,4	2,5	5,0	1,7	2,4
В большинстве случаев допустимо	2,1	1,6	1,7	1,7	1,7
Допустимо в любой ситуации	1,5	1,1	0,0	1,7	1,3

данного вида деятельности, в то же время возможно и вполне терпимое к ней отношение, несмотря на незаконный характер проституции в других обществах. Более-менее выраженный консенсус имеет место лишь в отношении детской проституции, практически повсеместно расцениваемой как неприемлемое с моральной точки зрения и, одновременно, как преступное явление.

В этой связи показательно, что в нашем исследовании распространённости изучаемых ценностных типов в группе несовершеннолетних проституток в г. Прокопьевске Кемеровской области, чья деятельность, вполне очевидно, имела организованный и криминальный характер, была выявлена тенденция резкого преобладания ориентации на ценности микросоциального окружения, подобная описанной выше характеристике ценностей в группе отбывающих наказания за уголовные преступления. В данном исследовании приняли участие 50 девушек в возрасте 14–17 лет¹⁴⁰. К социализирующемуся типу здесь были отнесены 67 % испытуемых, к адаптирующемуся – 19 %, индивидуализирующемуся – 4 %. Остальные 12 % были отнесены к промежуточному типу. Очевидно, такая значимость ценностей группы здесь также может объясняться жесткими методами поддержания корпоративных норм и правил. Ценностное сходство несовершеннолетних проституток с группой лиц, совершивших преступления против личности или собственности, очевидно, неслучайно: общепризнано, что проституция является одним из этапов морально-нравственной деградации, который нередко завершается преступным поведением (рост проституции влечет рост преступности вообще и женской в том числе)¹⁴¹.

В то же время в группе совершеннолетних женщин, занимающихся проституцией, были получены иные результаты¹⁴². В данном исследовании с использованием модифицированной нами методики Р. Инглхарта приняли участие 40 женщин, средний возраст которых составил 26 лет. На ценности социализации здесь ориентировались 28 % женщин, на ценности адаптации – 25 %, на ценности индивидуализации – 5 %. Однако наи-

¹⁴⁰ Яницкий М.С. Нарушение регулятивной функции индивидуальной системы ценностей при девиантном поведении // Проблемы морально-нравственного развития личности и общества: сборник научных трудов. — Кемерово: Фирма Полиграф, 2004. — С. 239–242.

¹⁴¹ Статистический сборник «Женщины России». — М.: Госкомстат, 1995. — С. 19–33.

¹⁴² Худякова И. Исследование ценностной структуры представителей андерслея в условиях трансформации российского общества: дипломная работа. — Кемерово, 2005. — 80 с.

более распространенным в этой группе оказался промежуточный ценностный тип – 43 %. Таким образом, общая «слабость» ценностной регуляции, делающая возможной реализацию данной формы девиантного поведения, почти у половины женщин определялась несформированностью ценностной системы – личности, маргинальные в ценностном отношении, закономерно имеют большую вероятность оказаться в маргинальной группе.

В массовом сознании молодежи, изучавшемся в описанном выше исследовании 2006–2007 гг., отношение к проституции носит отрицательный характер (табл. 26). Наиболее негативно к этому социальному явлению настроены представители промежуточного и социализирующегося типов, т.е. направленные на те же системы ценностей, что и большинство самих проституток. В отличие от этих типов, «несамостоятельных» в своих ценностных представлениях, индивидуализирующийся ценностный тип, имеющий собственную автономную систему ценностей, демонстрирует большую терпимость по отношению к проституции. В два раза большее число отнесенных к этому типу считают проституцию допустимой в исключительных случаях, не рассматривая ее, тем не менее, как нормальное явление.

Выявленные особенности в декларируемом отношении к проституции не связаны с различиями в социальных представлениях о проституции описываемых ценностных типов (табл. 27). Так, распространенность представлений о проституции как об обычном виде работы, средстве решения сексуальных проблем или же организации досуга обратно пропорциональна уровню развития ценностной системы. Мнение о том, что проституция способствует разложению общественной морали, напротив, за-

Т а б л и ц а 26

**Субъективная допустимость проституции для описываемых ценностных типов
(% от числа ответивших, $n = 2009$)**

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Недопустима	70,1	74,9	63,3	75,3	73,3
В исключительных случаях допустима	11,8	12,0	25,0	11,7	12,3
Иногда допустима	7,4	6,9	6,7	7,7	7,2
В большинстве случаев до- пустима	6,1	3,4	1,7	2,2	3,8
Допустима в любой ситуации	4,6	2,7	3,3	3,0	3,3

Т а б л и ц а 27

**Представления о проституции описываемых ценностных типов (% от числа
ответивших, $n = 2009$)**

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Обычный вид работы	21,6	18,4	13,3	16,7	18,8
Помогает в организации досуга населения	8,2	7,4	6,7	7,0	7,5
Помогает отвлечься от повседневных проблем	8,0	7,2	8,3	6,5	7,3
Помогает решить сексуальные проблемы	19,0	19,9	18,3	16,9	19,0
Способствует разложению общественной морали	42,9	41,2	51,7	42,0	42,2
Способствует распространению венерических болезней	60,3	67,9	65,0	67,7	65,7
Способствует сохранению семьи	2,6	2,9	3,3	3,5	2,9

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и П ($\alpha < 0,05$).

метно чаще присуще представителям наиболее высокоорганизованного в ценностном отношении индивидуализирующегося типа. Таким образом, молодые люди, ориентирующиеся на ценности индивидуализации, признавая в ряде случаев реальность существования проституции как социального явления, в наибольшей степени осознают ее общественно опасный характер.

Приведенные нами результаты о распространенности основных ценностных типов в различных маргинальных группах, несмотря на их некоторую противоречивость, связанную с многогранностью и неоднородностью феномена девиантности, в целом свидетельствуют о зависимости нормативности поведения от уровня развития ценностной системы. Очевидно, что «защитные» адаптационные ценности и «заимствованные» ценности социализации отнюдь не всегда регулируют реальное поведение человека, поскольку оба эти типа ценностных систем являются по отношению к нему внешними. Наиболее эффективным регулятором социального поведения является внутренняя, интернализованная система автономных ценностей, соответствующая индивидуализирующемуся ценностному типу, создание условий для формирования которого может стать одним из важных направлений профилактики девиантного поведения.

Глава 5

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Социальное взаимодействие регламентируется сложнейшей многоуровневой системой регуляторов поведения, включающей как нормы и правила, принятые в малой группе, так и нравы, обычаи и традиции, свойственные более широким общностям. Внешняя сторона межличностного взаимодействия подчиняется требованиям этикета, представляющего собой совокупность правил поведения, задающих форму проявления отношения к другим людям в зависимости от их социального статуса и характера конкретной ситуации. Хотя этикет часто понимается как некий условный ритуал, имеющий лишь внешнюю, часто оторванную от внутреннего содержания форму, он все же имеет смысловое наполнение, выражая в конечном счете ценности соответствующего общества. По словам Э. Фромма, ритуал представляет собой символическое выражение мыслей и чувств посредством действия, общего для многих и выражающего общие стремления, основание которых лежит в общих ценностях¹⁴³.

Проблема зависимости внешней стороны социального взаимодействия от его ценностных оснований является частным случаем проблемы соотношения таких базовых категорий, как форма и содержание, и, соответственно, становится предметом анализа с самого зарождения философской мысли. Так, в центре учения Конфуция находится анализ соотношения и взаимодействия внешних социализирующих этико-ритуальных норм поведения, определяемых категорией «ли», и внутренних побуждений и морально-психологических установок человека, охватываемых понятием «жэнь».

Нормативные принципы ли, определяемые как «благопристойность», «этикет», «ритуал», «церемонии» и т.п., представляют собой совокупность детально разработанных правил, об-

¹⁴³ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. — М.: Политиздат, 1989. — С. 143–221.

рядов, жестко регламентированных форм поведения, обязательных для тщательного исполнения. Сам Конфуций сформулировал принцип «правильного» в этическом отношении поведения следующим образом: «не смотри на то, что чуждо ритуалу; не внемли тому, что чуждо ритуалу; не говори того, что чуждо ритуалу; не делай ничего, что чуждо ритуалу»¹⁴⁴. Соблюдение ритуального этикета ли являлось в традиционном Китае основой сохранения стабильности, поддержания моральных устоев и ценностей «правильного» общественного устройства. Конфуцианское воспитание и образование, направленное на усвоение личностью ценностей должного, уделяло первоочередное внимание выработке привычки в механическом исполнении канонических требований, культу внешней формы поведения¹⁴⁵. Постепенное превращение учения Конфуция в официальную догму привело к подмене внутреннего стремления к цельности и благородству потребностью лишь во внешней демонстрации добродетельности. Все это дало обоснованный повод для критики искусственности и нарочитости «благопристойности» конфуцианства со стороны других философских учений, в частности раннего даосизма, где ли расценивалось как результат последовательной деградации высших этических ценностей¹⁴⁶.

По словам И.И. Семененко, в изречениях Конфуция нет ориентации на выработку внутренних критериев человеческого поведения, отличных от принятых норм, однако он переводит традиционные нормы внутрь человека, делая их областью личных, глубоко интимных переживаний¹⁴⁷. Механизмом внутреннего принятия этических ценностей выступает «гуманность» (жэнь), которую сам Конфуций определял, с одной стороны, как «любовь к людям», а с другой – как «преодоление себя и возвращение к ритуальной благопристойности», реализующее «золотое правило» морали: «не навязывать другим того, чего не желаешь себе»¹⁴⁸. Понятие «жэнь», по словам И.И. Семененко, означает интериоризацию нравственных ценностей и правил этикета, превращение их во внутреннюю природу, естественную

¹⁴⁴ Конфуций. Изречения / перевод, предисловие и комментарии И.И. Семененко. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. — С. 57.

¹⁴⁵ Васильев Л.С. История религий Востока. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 300–307.

¹⁴⁶ Китайская философия: Энциклопедический словарь / под ред. М.Л. Титаренко. — М.: Мысль, 1994. — С. 168.

¹⁴⁷ Семененко И.И. Афоризмы Конфуция. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 175.

¹⁴⁸ Конфуций. Изречения... — С. 57–61.

и безотчетную потребность человека. Жэнь интерпретируется им как нечто идентичное человеческой воле, как активность человека вопреки обреченности на неудачу¹⁴⁹. Подчеркивая самоотверженную направленность такой «любви к людям», И.И. Семенов предлагал переводить слово «жэнь» первоначально как «милосердие», а позднее как «человечность». Действие такого механизма, очевидно, направлено не на конформное соблюдение внешних форм поведения, «приближение к состоянию автомата», о котором говорит Л.С. Васильев, а ориентировано на «рост изнутри». Соответственно, изначально конфуцианская доктрина основывалась на внутренней потребности «благородного мужа» в реализации высших ценностей, и следование этическим нормам в поведении являлось внешним проявлением искренней и активной «любви к людям», «человечности».

Принцип «возвращения к ритуалу» Конфуция прямо соответствует «ритуализации» А. Маслоу, выступающей у него в качестве «наиболее существенного» механизма самоактуализации. А. Маслоу писал прежде всего о «деритуализации» – психологическом защитном механизме, который заключается в неверии современной молодежи в ценности и добродетели, привычке рассмотрения поведения человека в его конкретности, а не в свете его «символических ценностей». По словам А. Маслоу, «самоактуализация – отказ от этого механизма защиты – означает обучение и принятие ритуализации», которую он в свою очередь определяет как «желание иметь возможность увидеть святое, вечное, символическое»¹⁵⁰. Обучение «ритуализации» заключается, по его мнению, в «утверждении многих банальных вещей».

Итак, форма социального взаимодействия тесно взаимосвязана с его ценностным содержанием. Внешняя и внутренняя стороны социального взаимодействия могут быть объединены посредством понятия «этос». О.И. Даниленко рассматривает этос как «культурную модель поведения, которая имеет устойчивое ядро, фиксирующее базовую ценность его носителей, и периферию в виде способов поведения, в которых эта базовая ценность может быть реализована в тех или иных конкретно-исторических условиях и ситуациях»¹⁵¹. Автор описывает содержа-

¹⁴⁹ Семенов И.И. Афоризмы Конфуция... – С. 183–187.

¹⁵⁰ Маслоу А. Самоактуализация. // Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 114–115.

¹⁵¹ Даниленко О.И. Интеллигентность как предмет культурно-психологического исследования // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004. – С. 77.

ние феномена этоса с использованием концепции диспозиционной регуляции поведения В.А. Ядова. По ее мнению, этос представляет собой иерархию диспозиций. При этом уровню ценностных ориентаций соответствует ядро этоса, представляющее относительно неизменную его часть. Содержание нижележащих уровней иерархии диспозиций, определяющее форму поведения человека, более вариабельно и зависит от конкретно-исторических условий, сохраняя при этом соответствие содержанию ценностного ядра этоса.

В.И. Кабрин, говоря о коммуникативном этосе, определяющем процесс установления собственно человеческих взаимоотношений, акцентирует внимание на толерантности как его ценностной основе. По его словам, «понятие и феномен толерантности как интегральное качество и метаценность личности образует и соответствующую метапозицию в общении, на основе которой партнеры могут смотреть на миры друг друга не только изнутри собственных миров, но и с точки зрения миров друг друга. Таким образом, толерантность задает диапазон децентрированности в восприятии друг друга, а значит, и диапазон возможных договоренностей, конвенций в области неудобных на первый взгляд различий»¹⁵².

Как отмечает А.Г. Асмолов, проблема толерантности не только не нивелируется в связи с декларируемым прогрессом, но даже обостряется в связи с усложнением и интенсификацией жизни современного социума¹⁵³. На современном этапе развития цивилизации, который характеризуется глобализацией в экономике и культуре, человечество становится все более единым и взаимозависимым. В противоположность прежним эпохам развитие общества определяется не борьбой за существование между большими социальными группами и общностями, а готовностью к компромиссу между ними, сосуществованию, условием чего выступает их взаимная терпимость. Терпимость, толерантность тем самым предстает и как фактор сохранения своеобразия, уникальности тех или иных групп, и как условие выживания человечества в целом. Формирование толерантных установок имеет особое значение и для будущего России как демократического государства. Россия, как страна исключительно

¹⁵² Кабрин В.И. Архетипика и этос коммуникативного мира личности // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. — СПб.: Речь, 2004. — С. 88.

¹⁵³ Асмолов А.Г. XXI век: Психология личности в век психологии // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность — коммуникация — толерантность. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 10–19.

разнообразная по своему национальному, религиозному, социальному составу, просто не сможет существовать как единое государство, если не добьется существенного повышения уровня толерантности в российском обществе.

Согласно общему определению, данному в Декларации принципов толерантности, толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»¹⁵⁴. Такое определение подразумевает терпимое отношение к иным национальностям и расам, языку, религии, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, политическим или иным мнениям, социальному происхождению, собственности и пр.

Конкретной формой выражения толерантного сознания является осознанное использование таких языковых средств, которые направлены на формирование и поддержание объективного и благоприятного образа групп, характеризующихся «инаковостью» по какому-либо признаку. Достаточно очевидно, что сознание и язык взаимодействуют. Согласно известной гипотезе Э. Сепира – Б. Уорфа, язык и языковые конструкции оказывают существенное воздействие на структуру мышления человека, на способ восприятия им мира¹⁵⁵. Субъективный смысл, значение используемых человеком понятий определяют границы его реальности, «системой координат» в которой являются употребляемые им языковые конструкции. В этой связи возможность изменения массового сознания посредством воздействия на язык всегда представлялась весьма заманчивой. В своей известной антиутопии «1984» Дж. Оруэлл описывает специально созданный тоталитарным обществом будущего искусственный язык – «новояз», целью которого было «сделать невозможным все иные способы мышления»¹⁵⁶. Однако такого рода попытки предпринимаются и в действительности для достижения вполне благородных целей.

Так, для того чтобы найти новые подходы к решению проблемы сохраняющегося неравенства полов, западное феминистское движение в середине прошлого века предложило избегать

¹⁵⁴ Цит. по: *Ризердон Б.Э.* Толерантность — дорога к миру. — М.: Бонфи, 2001. — С. 262.

¹⁵⁵ *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. — 655 с.

¹⁵⁶ *Оруэлл Дж.* Принципы новояза // Проза отчаяния и надежды. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 37.

«сексистских» слов, так или иначе принижающих статус женщины (например, «businessman», «chairman», «man-made» и т.п.). Очевидно, что это требование предполагало нечто иное, чем соблюдение норм этикета по отношению к женщине или обычную тактичность. Такая доктрина была обозначена президентом американской Национальной Организации Женщин К. Декроу как «политическая корректность», под которой подразумевалось построение речевого поведения таким образом, чтобы избежать любых форм половой дискриминации¹⁵⁷.

Как отмечает П. Черноморский, само понятие политической корректности имеет «левацкое» происхождение. Оно было занесено в лексикон левыми интеллектуалами «в качестве полешутки, такого маоистского сувенира», как напоминание о кампании Мао Цзэдуна по борьбе с «политически неправильным поведением»¹⁵⁸. Многими авторами справедливо отмечается, что термин «политическая корректность» является весьма неудачным, так как он подчеркивает рациональный выбор именно по политическим (следовательно, не вполне искренним) мотивам в противоположность искренней заботе о других людях. Однако попытки заменить его такими близкими понятиями, как «коммуникативная корректность», «языковой такт», «культурная чуткость» и т.п., не имели особого успеха, поскольку движение политкорректности достигло мирового размаха, термин стал привычным и был заимствован другими языками.

Сегодня под «политкорректностью» понимается особый язык, построенный на запрещении употребления стереотипной, особенно негативно оценочной, лексики в отношении каких бы то ни было групп населения. Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения, взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.¹⁵⁹

Общая цель движения политкорректности может быть обозначена как достижение изменения общественного мнения, преодоление необъективности, негативных социальных стереоти-

¹⁵⁷ Черноморский П. Игрушка для кампуса // Русский журнал // <http://www.russ.ru/politics/20020114-cher.html>

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Political Correctness в теории // Еженедельные путешествия в мир, который говорит по-английски // <http://www.ora.com/people/staff/sierra/flum/>

пов и предрассудков, снобизма и невежества в отношении групп, которые обладают каким-либо признаком, по которому их можно отнести к меньшинству и/или считающихся «угнетаемыми». В качестве объектов политкорректности сегодня выступают самые различные группы: женщины; расовые, национальные и конфессиональные меньшинства; сексуальные меньшинства; умственно отсталые и психически больные, имеющие физические недостатки (инвалиды); имеющие «особую» внешность (некрасивые, толстые, лысые и т.п.); «крайние» возрастные группы (старики, дети); бедные; антисоциальные и асоциальные элементы (правонарушители, проститутки, наркоманы, бродяги и т.п.); «непрестижные» профессиональные группы (уборщицы, посудомойки и т.п.); и, наконец, даже животные и растения.

Реальная практика политкорректности, однако, вызвала огромное количество негативных откликов и протестов. В отечественных публикациях, почти исключительно критических, политкорректность в большинстве случаев подается как некий забавный казус из американской жизни, в виде анекдотов вроде того, что лучшим кандидатом на пост президента США теперь является пожилая испаноязычная афроамериканка нетрадиционной сексуальной ориентации, больная СПИДом. Такие публикации явно дискредитируют саму идею, описывая лишь внешнюю сторону явления и вовсе игнорируя гуманистические цели идеологов политкорректности. По словам П. Черноморского, «конечно, эти люди смогли добиться очень многого. Смешки над ними выглядят бессмысленно и позорят не принцип терпимости, а самого смеющегося»¹⁶⁰.

Однако проблема серьезнее – негативно воспринимается не только форма выражения политкорректности, зачастую действительно нелепая или уродливая, но и сами принципы, лежащие в ее основе. Так, Д.А. Леонтьев, отстаивая приоритет личности и ее прав перед обществом и государством, утверждает, что идеология политкорректности, напротив, «подразумевает полное игнорирование личности», никак, впрочем, не аргументируя это категоричное заявление¹⁶¹. В общем, как пишет А. Тимофеев-

¹⁶⁰ Черноморский П. Игрушка для кампуса // Русский журнал // <http://www.russ.ru/politics/20020114-cher.html>

¹⁶¹ Леонтьев Д.А. Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнотворчества. – Кемерово: Графика, 2002. – С. 11.

ский, «матерые остроумцы ... патетически восклицают, что культ меньшинств, воцарившийся на Западе, привел к унижению большинства, что попорчено само понятие нормы, что изгоем сделался здоровый белый гетеросексуальный мужчина с университетским дипломом и что все это – фашизм. Те, кто поумнее, признают в политической корректности, так сказать, содержание, но сетуют на форму: все, конечно, правильно, говорят они, но уж очень лицемерно и к тому же громко, навязчиво, истерично, в общем – безвкусно. Наконец, редкие и самые умные замечают, что политическая корректность игнорирует промысел Божий, подменяя откровение механическими правилами добра, заведомо безблагодатными»¹⁶².

Таким образом, «претензии» к политкорректности (ПК) касаются и целей, и средств, и результатов этого явления. По нашему мнению, высказываемые разными авторами критические аргументы могут быть сгруппированы следующим образом:

1. «Комичность». ПК обвиняется в «насилии над языком», противоестественности, нелепости, доходящей до смешного. Внимание фокусируется на таких «перлах» политкорректности, как «меланинодефицитный» (т.е. негр), «вагинальное лицо» (женщина), «переработанный скелет дерева» (книга) и т.п.¹⁶³

2. «Лицемерность». Акцент делается на том, что ПК – это лишь внешняя корректность, никак не связанная с изменением действительного отношения. Как пишет А. Тимофеевский, «это только правила поведения – как и положено, насквозь фальшивые и лицемерные... Можно все что угодно думать про черных, на то есть ваша добрая воля, но называть их негативами, шоколадками или угольками не надо»¹⁶⁴.

3. «Средство сохранения неравенства». Утверждается, что ПК на самом деле нацелена на «утаивание», сокрытие неравенства¹⁶⁵. Если назвать бедного «экономически неподготовленным», это может лишь замаскировать реальную проблему. По словам Г. Маркузе, такие «добродетели дискурса» на самом деле лишь помогают сохранению статус-кво.

¹⁶² Тимофеевский А. Милость к падшим и суд Линча // Русский журнал // <http://www.russ.ru/politics/20020116-tim.html>

¹⁶³ Белаи В. Уроки культурно-чуткого // Коммерсант-Власть. – 2002. – № 13. – С. 60–64.

¹⁶⁴ Тимофеевский А. Милость к падшим и суд Линча // Русский журнал // <http://www.russ.ru/politics/20020116-tim.html>

¹⁶⁵ Бренер А. Искусство ведения войны против одной институции // Художественный журнал. – 1999. – № 23. – С. 7–10.

4. «Контрпродуктивность». Отмечается, что ПК фактически порождает неравноправие. Из-за преференций представителям меньшинств, спекулирующих на своей «особости», относящиеся к большинству оказываются ущемленными в праве на получение работы, образования и т.п. Так, чтобы предотвратить обвинения в дискриминации, черным студентам завышаются оценки, предприятия не могут отказать относящимся к меньшинствам при конкурсном отборе и т.д.

5. «Большевизм». Подчеркивается, что идея политической корректности предполагает чрезвычайно нормативный тип социальной практики. При этом такая жесткая социальная практика агрессивно навязывается другим посредством диктата, принуждения. Показательно, что американские правые говорят о «марксистском» происхождении ПК¹⁶⁶.

Обширность критической библиографии свидетельствует о признании того, что движение политкорректности достигло определенных (пусть и негативно воспринимаемых) результатов: как минимум, изменилась на уважительную форма взаимодействия с меньшинствами. Политкорректность добилась утверждения новых норм коммуникации, одновременно и языковых, и этических. В итоге политкорректность способствовала реальному уменьшению повседневной дискриминации ранее подверженных ей групп и, одновременно, преодолению «комплекса вины» доминировавшего на протяжении длительного времени большинства. Как отмечают Е.И. Холостова и Т.В. Шеляг, сегодня «политкорректность, ставшая признаком хорошего тона в социальной и политической жизни, подчеркивает равные права всех индивидов, независимо от индивидуальных или групповых различий, не только на уважение их человеческого достоинства, но также и на доступ к социальным ресурсам – образованию, информации, власти», и «нормы политкорректности поддерживаются не только групповым мнением политической и деловой элиты, но также и правовыми нормами, защищающими права меньшинств на доступ к власти, образованию и т.д.»¹⁶⁷.

Можно сказать, что роль политкорректности, подобно религии, парадоксальна: она уничтожает неравенство и предрассудки и одновременно создает их. Г. Оллпорт, говоря о религии, объясняет подобный парадокс (декларируемую терпимость

¹⁶⁶ Черноморский П. Игрушка для кампуса // Русский журнал // <http://www.russ.ru/politics/20020114-cher.html>

¹⁶⁷ Холостова Е.И. Незыблемая предпосылка социальной работы // Толерантность / общ. ред. М.П. Мchedлова. — М.: Республика, 2004. — С. 269–270.

и реальную нетерпимость) неоднородностью верующих, характеризующихся внутренней («духовной») или же, напротив, внешней («социальной») религиозностью, сопряженной со склонностью к предрассудкам¹⁶⁸. Очевидно, что политкорректность, как и любое другое «единственно верное и всепобеждающее учение», также не является однородным в психологическом смысле явлением. У одних она представляет интернализированную систему убеждений и ценностей, ставшую действенным внутренним регулятором социального поведения, для других она служит лишь социокультурной нормой поведения, определяющей только его внешнюю форму.

Мы предположили, что частота и характер проявления политической корректности определяются уровнем развития индивидуальной ценностной системы. В этой связи нами исследовались особенности проявления политической корректности по отношению к различным группам в зависимости от типа индивидуальной ценностной иерархии¹⁶⁹. В данном исследовании приняли участие 96 студентов старших курсов Кемеровского государственного университета, обучающихся по специальности «социальная работа», объектом будущей профессиональной деятельности которых должны стать категории людей, требующие к себе толерантного отношения. Эта группа исследуемых представляла для нас наибольший интерес, поскольку специалисты по социальной работе являются представителями профессии, для которой этико-деонтологические нормы взаимодействия имеют особую значимость.

Исследование политической корректности в индивидуальном смысловом и языковом пространстве осуществлялось нами с использованием теста репертуарных решеток Дж. Келли. Репертуарная решетка в качестве элементов включала в себя 12 объектов (шесть к шести – полярные) политической корректности:

1. Женщина – Мужчина;
2. Лица пожилого возраста – Молодые;
3. Лица с ограниченными возможностями – Лица, не имеющие ограничений в возможностях;
4. Правонарушители – Законопослушные;
5. Национальные меньшинства – Национальное большинство;

¹⁶⁸ Олпорт Г. Личность в психологии... – 345 с.

¹⁶⁹ Яницкий М.С. Политическая корректность: ценностно-смысловой аспект // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2006. – № 1 (9). – С. 45–50.

6. Лица, страдающие психическими заболеваниями – Лица, не страдающие психическими заболеваниями.

Испытуемым предлагалось записать понятия, характеризующие различия полярных элементов в каждой паре. В результате получился список значимых операциональных понятий (конструктов), имплицитно используемых каждым испытуемым. Как политически корректные расценивались положительные или же нейтральные дифференцирующие характеристики (например, «потребность в посторонней помощи»), как политически некорректные – негативно оценочные и/или дискриминирующие (например, «неполноценность»).

В результате исследования общее количество конструктов по всей экспериментальной группе, интерпретированных нами как политически корректные, составило 40 % (в том числе у юношей 36 %, у девушек – 41 %). При этом «уровень политкорректности» оказался существенно различным как в отношении конкретных объектов (категорий), так и в сознании ее субъектов (отдельных ценностных типов) (табл. 28).

«Женщины» в нашем исследовании являются категорией, для характеристики которой политически корректные конструкты используются наиболее часто (67 % от общего числа конструктов, в том числе у женщин – 71 %, у мужчин – 54 %). Тем не менее треть выявленных конструктов представляют собой субъективно значимые негативные отличительные признаки данной

Т а б л и ц а 28

Частота употребления политически корректных конструктов в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы (% , $n = 96$)

Объект политкорректности	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 32$)	($n = 42$)	($n = 6$)	($n = 16$)	
Женщины	75	67	67	50	А–П
Лица пожилого возраста	50	29	33	50	А–С
Лица с ограниченными возможностями	31	33	0	38	С–И; И–П
Правонарушители	44	38	0	38	А–И; С–И; И–П
Национальные меньшинства	38	57	100	13	А–С; А–И; А–П; С–И; С–П; И–П
Лица, страдающие психическими заболеваниями	13	24	0	25	
Все категории	42	41	33	36	

категории, такие как «отсутствие логики», «тупость», «стервозность». Рядом исследуемых женщины характеризуются как «вредные», «капризные» и даже как «дуры».

«Лица пожилого возраста», как и все другие последующие рассматриваемые категории, в отличие от женщин дифференцируются преимущественно с использованием негативно оценочной лексики – только 40 % употребляемых в отношении них конструкторов являются политкорректными. Эту категорию, в представлении исследуемых, от молодежи отличает «консерватизм», «упрямство», «ворчливость». Наиболее часто лица пожилого возраста характеризуются как «злые», «слабые», «скучные», «суеверные», «дементные», «тугодумы».

«Лица с ограниченными возможностями» только менее чем в трети случаев определяются нейтральными отличительными качествами (31 % конструкторов). Наиболее значимыми отличиями этой категории в сознании исследуемых являются «озлобленность», «обида на общество, на весь мир», «неполноценность», «недееспособность», «беспомощность», «иждивенчество», «манипулирование своими увечьями».

«Правонарушители» (38 % политкорректных конструкторов) также наделяются в основном негативными оценочными характеристиками, в том числе такими, как «жестокость», «безнравственность», «дерзость». В отличие от «законопослушных» они воспринимаются исследуемыми как «обиженные жизнью», «злые», «отходы общества», «моральные уроды». При этом мужчины отличаются большей корректностью в отношении данной категории (46 % против 34 % у женщин).

«Национальные меньшинства» несколько чаще определяются корректными отличительными характеристиками (44 % конструкторов). Однако чаще используемая при их дифференцировке неpolitкорректная лексика является и наиболее оскорбительной и ущемляющей достоинство: «уроды», «чурки», «чужаки», «наглые», «нахальные», «навязчивые», «грубые».

«Лица, страдающие психическими заболеваниями», являются категорией, в отношении которой негативные стереотипы доминируют наиболее отчетливо – только 19 % выявленных конструкторов могут быть отнесены к политически корректным. Наиболее же часто они характеризуются как «непригодные для жизни», «неполноценные», «опасные для себя и других», «приносящие вред окружающей среде и людям», «изгои», «странные», «малопригодные для общения».

Приведенные общие результаты свидетельствуют о том, что представленные в сознании исследуемых языковые средства,

используемые для обозначения рассматриваемых категорий, в большинстве случаев основаны на негативных социальных стереотипах.

На основании результатов, полученных по модифицированной нами методики Р. Инглхарта, испытуемые были отнесены к одному из трех основных ценностных типов: адаптирующиеся – 33 %, социализирующиеся – 44 %, индивидуализирующиеся – 6 %. Остальные 17 % исследуемых были отнесены к промежуточному типу.

Адаптирующийся тип, ценностная система которого формируется преимущественно психологическими защитными механизмами, характеризовался наиболее частым использованием политкорректной лексики (42 % конструкторов). Политкорректность, таким образом, выступает здесь одним из средств и условий успешного приспособления к требованиям общества. При этом наиболее корректно определяются женщины, пожилые и правонарушители, наименее – психически больные, лица с ограниченными возможностями и национальные меньшинства (38 % политкорректных конструкторов в отношении последней категории).

Социализирующийся тип, в наибольшей степени ориентирующийся на принятые в обществе нормы и ценности, употребляет корректные характеристики практически с той же частотой, что и адаптирующийся тип (41 % конструкторов, интерпретированных как политкорректные). Однако в данном случае наиболее толерантно обозначаются женщины и национальные меньшинства (последние – в 57 % случаев), наименее – лица пожилого возраста («непонимание современной ситуации», «стремление учить, как надо жить»), что может определяться тем, что референтной группой для исследуемых являются сверстники.

Индивидуализирующийся тип, отличающийся независимостью оценок и суждений, наличием «автономной» морали, существенно реже, чем остальные исследуемые, использует политкорректные конструкторы (29 %). Особенно это проявляется при характеристике лиц с ограниченными возможностями, психически больных и правонарушителей – в отношении всех этих категорий не выявлено ни одного конструктора, который можно было бы интерпретировать как политически корректный. Характеристики, которые употребляются при дифференцировании данных групп, отличаются прямолинейной «бестактностью» формулировок: «иждивенцы», «непригодные для жизни», «мо-

ральные уроды» и т.п. В то же время по сравнению с исследуемыми, отнесенными к другим типам, они наиболее часто употребляют корректные конструкты при характеристике национальных меньшинств (100 %).

Промежуточный тип (36 % политкорректных конструктов) в отличие от индивидуализирующегося характеризуется наименьшей терпимостью по отношению к национальным меньшинствам (только 13 % конструктов), используя откровенно расистские определения («чурки», «уроды» и т.п.). То есть не определившиеся, «маргинальные» в ценностном отношении испытуемые обретают позитивную самоидентичность через противопоставление себя уничижительно характеризуемым национальным меньшинствам.

Полученные в ходе нашего исследования результаты, требующие уточнения и дальнейшей более глубокой интерпретации, в целом свидетельствуют о том, что чем выше уровень развития ценностной системы исследуемых, тем реже они употребляют политически корректные конструкты для характеристики большинства рассматриваемых категорий. Явным исключением является отношение к национальным меньшинствам: чем выше уровень развития индивидуальной системы ценностей, тем чаще по отношению к национальным меньшинствам используются политкорректные конструкты. При этом отношение к национальным меньшинствам является более откровенным и независимым – или открытая неприязнь и враждебность, или искреннее уважение. Проще говоря, отношение исследуемых к большинству изучаемых категорий определяется скорее социальными стереотипами (как позитивными, так и негативными), а отношение к национальным меньшинствам может быть интернализованным, являясь индикатором уровня развития ценностной системы личности.

Последнее позволяет надеяться, что явно доминирующая сегодня «внешняя политкорректность» все же может стать «внутренней» в процессе личностного роста и развития. Средством достижения такого изменения может стать современное образование, ставящее своей целью формирование внутренне свободной и гуманистически ориентированной личности. При этом образование, наряду со СМИ и другими институтами формирования массового сознания, должно стать эффективным инструментом осознания и внутреннего принятия установок на политкорректное поведение не только в отношении различных этнических групп, но и других проявлений «инаковости».

Т а б л и ц а 29

Субъективная допустимость употребления оскорбительных и нецензурных выражений для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Недопустимо	38,6	36,6	45,8	40,4	38,2
В исключительных случаях допустимо	31,5	33,9	32,2	30,3	32,4
Иногда допустимо	19,7	20,2	15,3	20,6	20,0
В большинстве случаев допустимо	5,6	5,3	5,1	5,5	5,4
Допустимо в любой ситуации	4,6	4,0	1,7	3,3	3,9

Как указывает А.К. Байбурин, языковой такт и этикет тесно связаны между собой¹⁷⁰. К существенным характеристикам так называемого «вербального этикета» автор относит, наряду с использованием эвфемизмов, и отношение к использованию запретной лексики. В этой связи в нашем исследовании 2006–2007 гг. было также проанализировано отношение представителей описываемых ценностных типов к употреблению оскорбительных и нецензурных выражений (табл. 29). Как видно из приведенных результатов, распространенность представлений о допустимости использования ненормативной лексики в любой ситуации последовательно снижается по мере развития системы ценностей. Отнесенные к индивидуализирующемуся типу чаще других считают использование оскорбительных и нецензурных слов неприемлемым в принципе. Очевидно, что нецензурная лексика не является для них табуированной в том смысле, в котором о табу писал З. Фрейд. Для психоаналитической традиции речевое табу, проявляющееся в избегании сексуально окрашенных слов, свойственно объяснять гипертрофированным интересом к сексуальной проблематике. Однако можно предложить и другое, тоже вполне психоаналитическое объяснение – употребление сексуально окрашенной лексики носит компенсаторный характер. Г. Гибш и М. Форверг высказывают по этому поводу интересную мысль, что язык, хоть и является только системой знаков реальности, но вследствие тесной связи с дей-

¹⁷⁰ Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. – М.: Наука, 1988. – С. 12–37.

ствительностью он начинает приобретать для человека характер квазиреальности, т.е. слово начинает восприниматься не как знак вещи, а как сама реальность¹⁷¹. Такое объяснение кажется нам более убедительным: система ценностей адаптирующегося типа, наиболее склонного к употреблению нецензурной лексики, определяется фрустрацией базовых потребностей, в том числе, как это будет показано в следующей главе, и потребностей сексуальных.

Очевидно, что выбор вербальных средств коммуникации определяется уровнем толерантности личности. По мнению П. Стросона, толерантность проявляется сдержанной ответной реакцией на неправильные и оскорбительные формы поведения¹⁷². Степень толерантности, в свою очередь, связана с уровнем ценностного развития. Так, в своем диссертационном исследовании Е.В. Кривцова приходит к выводу, что толерантность личности обуславливает процесс ценностного самоопределения, выполняя функцию интеграции его структурно-содержательных характеристик¹⁷³. В качестве компонентов толерантности личности автор выделяет коммуникативную толерантность, эмпатию и толерантную установку. По ее мнению, степень сформированности этих компонентов в структуре толерантности личности влияет на уровень организацию ценностного самоопределения.

В ее исследовании приняли участие 540 студентов и специалистов помогающих профессий. Уровень сформированности названных компонентов толерантности личности оценивался при помощи методики диагностики коммуникативной толерантности В.В. Бойко, методики исследования уровня эмпатийных тенденций И.М. Юсупова и теста на выявление уровня толерантной установки П.Ф. Комогорова.

В ходе вторичного анализа данных, полученных в ее исследовании, нами были проанализированы результаты по данным методикам в группах ориентирующихся на ценности адаптации (25 % в описываемой группе), социализации (39 %), индивидуализации (4 %) и среди отнесенных к промежуточному ценностному типу (32 %). Установлено, что усредненные показатели

¹⁷¹ Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. — М.: Прогресс, 1972. — 295 с.

¹⁷² Цит. по: Оконешникова Н.Л. Проблема толерантности личности в современной зарубежной психологии // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. — СПб.: Речь, 2004. — С. 109.

¹⁷³ Кривцова Е.В. Толерантность личности в системе структурно-содержательных характеристик ценностного самоопределения: дис. ... канд. психол. наук. — Кемерово, 2010. — 190 с.

Т а б л и ц а 30

Уровень сформированности толерантной установки у представителей основных ценностных типов (% от числа исследуемых, $n = 540$)

Уровень толерантности	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 135$)	($n = 210$)	($n = 22$)	($n = 173$)
Высокий уровень толерантности	2,4	1,6	5,3	3,9
Достаточный уровень толерантности	42,1	48,1	42,1	44,5
Низкий уровень толерантности	52,4	47,0	42,1	47,7
Уровень индифферентности	3,2	3,2	10,5	3,2

сформированности таких компонентов толерантности личности, как коммуникативная толерантность и эмпатийные тенденции, не обнаруживают существенных различий между основными ценностными типами. В то же время степень сформированности толерантной установки личности в определенной степени зависит от уровня развития ценностной системы (табл. 30). Так, индивидуализирующийся тип, не отличаясь высоким уровнем внешних проявлений толерантности, чаще остальных характеризуется наличием внутренней толерантной установки. Однако вследствие малой численности данной подгруппы указанные отличия не являются достаточно значимыми.

Итак, приведенные нами результаты в целом свидетельствуют о том, что особенности системы ценностных ориентаций определяют различия проявления толерантности в социальном взаимодействии. Если использовать терминологию Г. Оллпорта, ориентация на ценности адаптации и социализации сопряжена с так называемой «конформной толерантностью», а ориентация на ценности индивидуализации – с «толерантностью как системой установок»¹⁷⁴. Индивидуализирующийся тип, отличающийся ориентацией на внутренние ценности, не склонен к внешним формальным проявлениям толерантности в социальном взаимодействии. С другой стороны, ему в большей мере свойственна действительная, внутренняя толерантность, особенно в отношении этнических и культурных различий. Можно сказать, что ориентирующиеся на ценности индивидуализации характеризуются большей искренностью в проявлении толерантного отношения, т.е. толерантность у них носит более интернализированный характер, становясь личностной ценностью.

¹⁷⁴ Оллпорт Г. Природа предубеждения // Век толерантности. – Вып. 5. – М., 2003. – С. 43.

Г л а в а 6

ЦЕННОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

С точки зрения социологии сексуальное поведение представляет собой лишь определенный аспект социального поведения человека¹⁷⁵. Очевидно, однако, что сексуальное поведение – это сложное образование, которое включает в себя различные детерминанты и составляющие – от биологических до социокультурных. В психологии сексуальное поведение человека понимается как форма взаимодействия, мотивированная половой потребностью; как совокупность физиологических, психических и социальных процессов, которыми движет и которыми удовлетворяется половое влечение. Таким образом, сексуальное поведение человека можно рассматривать как социально обусловленную форму удовлетворения сексуальных потребностей.

Как уже отмечалось, система ценностных ориентаций является регулятором активности человека, позволяя соотносить индивидуальные потребности с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума. Очевидно, что это в полной мере может быть отнесено и к регуляции сексуального поведения, являющегося, наряду с деятельностью, одной из важнейших сфер самореализации личности. Еще З. Фрейд рассматривал сексуальность не как частный аспект человеческой жизни, а как ее основу и стержень. В его представлении половое влечение, либидо, составляет источник активности человека.

Как известно, классический психоанализ в основу поведения человека ставит неосознаваемые инстинктивные влечения Ид, которые служат импульсом к удовлетворению биологических потребностей в соответствии с принципом удовольствия. По словам З. Фрейда, «естественно, Ид не знает ценностей, добра и зла, морали»¹⁷⁶. Однако теория З. Фрейда все-таки подра-

¹⁷⁵ Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1988. – С. 94.

¹⁷⁶ Цит. по: Гобл Ф. Третья сила // Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – С. 336.

зумевают определенную ценностно-нормативную регуляцию поведения человека. Так, «Суперэго» З. Фрейда представляет собой по существу хранилище как бессознательных, так и социально обусловленных моральных установлений, этических ценностей и норм поведения, которые служат своего рода судьей или цензором деятельности и мыслей Эго, устанавливая для него определенные границы. В своих работах он указывает на три функции Суперэго: совесть, самонаблюдение и формирование идеалов. По его мнению, задачей совести является ограничение, запрещение сознательной деятельности; задачей самонаблюдения – оценка деятельности независимо от побуждений и потребностей Ид и Эго. Формирование идеалов связано с развитием самого Суперэго, обусловленного социальными факторами¹⁷⁷.

И.С. Кон в аналогичном ключе пишет о видовой «социокультурной матрице», регулирующей сексуальное поведение, которая в человеческом обществе превращается в «сексуальную культуру», имеющую нормативный характер. При этом, по его словам, «культура не просто запрещает или разрешает те или иные проявления сексуальности, она определяет их социальную, этическую и эстетическую ценность»¹⁷⁸. Социальные детерминанты сексуального поведения объединены в теории «сексуального сценария», который принято рассматривать в социокультурном контексте с учетом норм и ценностей конкретной общности, выступающих механизмами социальной регуляции активности личности. Как справедливо пишут А. Фернхем и П. Хейвен, культурные ценности, касающиеся сексуальности, существенно варьируют, что определяет необходимость исследования кросс-культурных различий в сексуальных установках. Однако, по словам авторов, «исследования на эту тему небогаты результатами»¹⁷⁹.

Среди немногих серьезных социологических исследований, затрагивающих проблему влияния социокультурных различий ценностных систем на сексуальное поведение, можно указать уже цитировавшуюся работу Р. Инглхарта «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества». Автор показывает, что описываемые им контрастирующие ценностные системы охватывают в том числе и сферу сексуально-семейной нор-

¹⁷⁷ Фейдимен Дж., Фрейгер Р. Теория и практика личностно-ориентированной психологии. В 2-х т. – Т. 2. – М., 1996. – С. 22.

¹⁷⁸ Кон И.С. Введение в сексологию... – С. 111.

¹⁷⁹ Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. – СПб.: Питер, 2001. – С. 170.

мативности: материалистические ценности «выживания» на первый план выводят максимизацию репродуктивности в рамках полной гетеросексуальной семьи, а постматериалистические ценности «благополучия» делают приоритетными сексуальное удовлетворение в соответствии с индивидуальным выбором и индивидуальное самовыражение в сексе. Соответственно, «постматериалисты» гораздо снисходительнее к абортам, разводам, внебрачным отношениям, проституции, гомосексуализму, чем «материалисты», поскольку последние являются приверженцами традиционных норм, поощряющих деторождение в рамках полной семьи и резко осуждающих всякую сексуальную активность вне этих рамок¹⁸⁰.

Психологические исследования ценностных аспектов сексуального поведения также остаются достаточно редкими. Так, в критическом обзоре опросных исследований подростковой и юношеской сексуальности констатируется в частности, что наряду с другими серьезными методологическими недостатками характерным для большинства работ остается то, что сексуальное поведение изучается в них в отрыве от социальных ценностей¹⁸¹. Таким образом, если общим культурологическим аспектам сексуальности посвящено весьма значительное число исследований, то ценностному компоненту сексуального поведения явно не уделяется достаточного внимания.

Ранее нами было проведено собственное исследование субъективной приемлемости, реального опыта, а также особенностей реализации в настоящее время различных форм сексуального поведения в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы¹⁸². В данной работе применен опросный метод, поскольку, несмотря на серьезные методологические трудности его применения в сексологических исследованиях (фактическая недостижимость репрезентативности выборки; сложность формулирования вопросов, одинаково понятных исследуемым; недостоверность ответов на ретроспективные вопросы), он все же дает столь же надежные результаты, как и глубинные интервью¹⁸³.

¹⁸⁰ Инелхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... — С. 6–32.

¹⁸¹ Кон И.С. Введение в сексологию... — С. 33.

¹⁸² Яницкий М.С., Павленко П.Ю. Ценностная регуляция сексуального поведения // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. — Вып. 2. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. — С. 234–247.

¹⁸³ Кон И.С. Введение в сексологию... — С. 31–32.

Для изучения особенностей сексуального поведения разработана специальная анкета, которая представляет собой набор из 22 закрытых вопросов интимного характера. В нашем исследовании предполагалось выяснить степень расхождения между допустимыми и реализуемыми (реализованными) формами сексуального поведения. В связи с этим анкета была разделена на три блока: первый блок рассчитан на выявление субъективно допустимых (возможных) форм сексуального поведения; второй блок направлен на диагностику практикуемых в настоящее время форм сексуального поведения и частоты их реализации; третий блок диагностировал наличие опыта различных форм сексуального поведения.

В исследовании приняли участие 139 студентов дневного отделения Кемеровского государственного университета (всего было роздано 230 анкет, т.е. возвратность составила 60 %). Выборка включила в себя 16 юношей (11,6 %) и 123 девушки (88,4 %). Средний возраст исследуемых составил 19,6 года. Почти половина студентов (45,3 %) была отнесена к социализирующемуся типу ценностных ориентаций. 25,9 % ориентируются на ценности адаптации. У стольких же не сформировалась система ценностных ориентаций – этот относительно большой процент исследуемых был отнесен нами к промежуточному типу. Индивидуализирующийся тип составил 2,9 % от общей выборки. При описании особенностей ценностной регуляции сексуального поведения мы будем опираться прежде всего на данное исследование, в ряде случаев предваряя или дополняя его результатами других наших опросов на более широкой выборке.

Одним из маркеров трансформации установок в сфере семейно-сексуальных отношений является растущая терпимость к добрачным половым связям и их широкое распространение. В исследовании И.С. Кона, которое проводилось в 1993 г., только 21 % опрошенных указали, что добрачный секс противоречит их убеждениям. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ этого же года добрачные связи осудили 18 % среди тех, кто младше 25 лет¹⁸⁴. В нашем исследовании 2006–2007 гг., выполненном на репрезентативной молодежной выборке, при вопросе о допустимости добрачных и внебрачных отношений были получены практически идентичные результаты (табл. 31). При этом различия между описываемыми ценностными типами оказались несущественными.

¹⁸⁴ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. — М.: ОГИ, 1997. — 464 с.

Т а б л и ц а 31

Допустимость добрачных и внебрачных половых связей в представлении описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, *n* = 2009)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все (<i>n</i> = 2009)
	А	С	И	П	
	(<i>n</i> = 552)	(<i>n</i> = 982)	(<i>n</i> = 63)	(<i>n</i> = 412)	
Недопустимы	18,5	20,0	20,3	27,0	21,1
В исключительных случаях допустимы	18,7	16,2	25,4	16,6	17,3
Иногда допустимы	27,5	26,6	22,0	23,4	26,1
В большинстве случаев допустимы	20,1	21,2	20,3	17,6	20,1
Допустимы в любой ситуации	15,1	15,9	11,9	15,4	15,5

Как пишет Е.М. Черняк, в последние десятилетия добрачное поведение молодежи существенно изменилось: традиционные установки на добрачное целомудрие перестали действовать. По ее данным, сегодня почти 94 % московских студентов обоего пола допускают добрачный сексуальный опыт¹⁸⁵. В нашем собственном сексологическом исследовании, также выполненном на студенческой выборке, получен близкий результат: почти 96 % студентов не видят ничего предосудительного в добрачных половых связях и лишь 4 % сомневаются в правильности такого поведения или настроены к нему отрицательно (табл. 32). Таким образом, в относительно либеральной студенческой среде налицо и более широкий диапазон терпимости в отношении добрачных связей.

Т а б л и ц а 32

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимыми добрачные половые связи?» (% от числа исследуемых, *n* = 139)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все (<i>n</i> = 139)
	А	С	И	П	
	(<i>n</i> = 36)	(<i>n</i> = 63)	(<i>n</i> = 4)	(<i>n</i> = 36)	
Да	88,9	76,2	75,0	75,0	79,1
Скорее да	5,5	22,2	25,0	16,6	16,5
Скорее нет	5,5	0	0	8,3	3,6
Нет	0	1,6	0	0	0,7

¹⁸⁵ Черняк Е.М. Добрачное поведение молодежи как фактор стабильности семьи // Демографические исследования. — 2010. — № 10 // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1573

Очевидно, что данные результаты отражают прежде всего особенности социально-нравственных установок современной молодежи: так, в уже упомянутой работе Е.М. Черняк указано, что среди «взрослых» респондентов четвертая часть настроена решительно против добрачного секса. По словам И.С. Кона, также демонстрирующего подобную тенденцию на примере ряда зарубежных публикаций, «за возрастными градациями стоят различия сексуального стиля и ценностных ориентаций разных поколений»¹⁸⁶.

Гендерные особенности, несмотря на постепенный отход от традиционного «двойного стандарта», допускающего добрачные половые связи мужчин при меньшей терпимости в отношении такого же поведения женщин, здесь также оказываются достаточно значимыми. Как отмечают Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, мужчины в постсовременном обществе считают добрачные сексуальные связи само собой разумеющимися и даже желательными, так как они, по их мнению, «полезны для здоровья» и «необходимы для приобретения опыта»¹⁸⁷. Из работы Е.М. Черняк следует, что среди 6 % респондентов, принципиально не допускающих добрачную сексуальную связь, мужчин в четыре раза меньше, чем женщин. В нашем исследовании все юноши и 95 % девушек допускают для себя добрачный секс.

При анализе ценностных различий в отношении к добрачным половым связям видно, что по мере усложнения ценностной организации процент отрицательно относящихся к добрачному сексу последовательно снижается – наиболее негативно к нему настроены отнесенные к промежуточному типу, т.е. не определившиеся в ценностном отношении, в то время как все отнесенные к индивидуализирующемуся типу положительно оценивают их возможность для себя.

Закономерно, что параллельно сдвигам в отношении к добрачным связям меняется и реальное сексуальное поведение молодежи. По американским данным 1996 г., средний возраст первого полового контакта составлял 16,6 года для юношей и 17,4 года для девушек. По данным российского опроса ВЦИОМ 1993 г., средний возраст начала половой жизни составил 19,5 лет¹⁸⁸. Сегодня средний возраст начала сексуальной жизни у московских

¹⁸⁶ Кон И.С. Введение в сексологию... — С. 160.

¹⁸⁷ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире. — Новосибирск: НГПУ, 2011. — С. 135–137.

¹⁸⁸ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке... — С. 267.

студентов составляет немногим более 17 лет¹⁸⁹. В нашей выборке средний возраст первого опыта составил 16,9 лет, отдельно юноши – 16,2 и девушки – 17,1 года. Как показывают результаты нашего исследования, явные сдвиги в сторону снижения возраста сексуальной инициации затрагивает оба пола, причем гендерные различия в этом контексте постепенно стираются.

Среди принявших участие в нашем исследовании 78,4 % уже имели сексуальный опыт, при том что в браке состояло только 7,3 % от числа респондентов. Все юноши на момент исследования уже начали половую жизнь. Наибольший процент «девственников» отмечается среди респондентов, отнесенных к промежуточному типу ценностных ориентаций, наименьший – среди представителей социализирующегося типа, в наибольшей степени ориентированного на нормы поведения сверстников (табл. 33).

Как следует из результатов всероссийского опроса 1993 г., ни одного сексуального партнера в течение жизни не имели 3 % мужчин и 4 % женщин; одного партнера имели соответственно 14 и 30 %; от двух до пяти – 36 и 18 %; от шести до десяти – 7 и 1 %; свыше десяти партнеров – 12 и 2 %. По данным О.К. Лосевой, в среднем мужчина в течение жизни имел 12,3, а женщина – 4,1 сексуального партнера¹⁹⁰. Среднее число сексуальных партнеров в нашей выборке составило 3,8, если учитывать только

Т а б л и ц а 33

Распределение ответов на вопрос «Каково общее число партнеров, с которыми Вы имели сексуальные отношения на протяжении жизни?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Количество партнеров	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
0	20,0	16,9	25,0	30,3	21,4
1–5	62,8	64,4	75,0	54,5	61,8
6–10	8,5	11,9	0,0	9,1	9,9
11–15	5,7	3,4	0,0	0,0	3,1
16–20	0	1,7	0,0	3,0	1,5
Свыше 20	2,8	1,7	0,0	3,0	2,3

¹⁸⁹ Черняк Е.М. Добрачное поведение молодежи как фактор стабильности семьи // Демографические исследования. – 2010. – № 10 // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1573

¹⁹⁰ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке.... – С. 273.

имевших опыт, – 4,8. Среднее число партнеров юношей составляет 8,8, девушек – 3,9. Напомним, что средний возраст респондентов 19,6 года. Как видно из представленных данных, пропорционально уровню развития ценностной системы последовательно снижается доля студентов, характеризующихся определенной неразборчивостью в сексуальных связях (имеющих более 20 партнеров), и также последовательно возрастает процент студентов, имевших умеренное количество партнеров (от 1 до 5).

По результатам опроса ВЦИОМ 1993 г., на момент исследования не имели сексуальных отношений 9 % мужчин и 10 % женщин; ежедневно имели секс соответственно 5 и 3 %, несколько раз в неделю – 21 и 17 %, несколько раз в месяц – 19 и 14 %, один раз в месяц и реже – 6 и 3 %. Наибольшей сексуальной активностью характеризовалась группа от 25 до 40 лет¹⁹¹. В рамках нашего исследования также ставился вопрос о частоте сексуальных отношений (табл. 34).

Процент не имеющих интимных контактов в настоящее время в нашем случае оказался значительно большим (30,2 %), что, вероятно, определяется возрастом, а также особенностями социального и брачного статуса исследуемой группы. Чаше других нереализованностью сексуальных потребностей характеризуются отнесенные к промежуточному и адаптирующемуся типам.

Еще одним маркером происходящей смены установок в сфере семейно-сексуальных отношений можно считать сокра-

Т а б л и ц а 34

Распределение ответов на вопрос «Практикуете ли Вы в настоящее время сексуальные отношения с противоположным полом?» (% от числа исследуемых, n = 139)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	(n = 36)	(n = 63)	(n = 4)	(n = 36)	(n = 139)
Да, чаще одного раза в неделю	25,0	28,6	25,0	36,1	29,5
Да, примерно 1 раз в неделю	19,4	15,9	25,0	11,1	15,8
Да, примерно 1 раз в 2 недели	0,0	6,3	0,0	5,5	4,3
Да, примерно 1 раз в месяц	2,8	3,2	0,0	0,0	2,2
Да, реже одного раза в месяц	19,4	20,6	25,0	11,1	18,0
Нет	33,3	25,4	25,0	36,1	30,2

¹⁹¹ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке.... – С. 273.

Т а б л и ц а 35

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым регулярную смену полового партнера?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	5,7	3,2	0	2,8	3,6
Скорее да	5,7	11,1	0	22,2	12,3
Скорее нет	42,8	42,8	75,0	33,3	41,3
Нет	45,7	42,8	25,0	41,7	42,8

шение продолжительности брачных или сексуальных союзов. Феномен непостоянства, применительно к семейным отношениям называемый «серийной моногамией», распространяется параллельно со снижением времени начала и увеличением интенсивности половой жизни. Очевидно, что трансформации этих проявлений сексуального поведения взаимосвязаны. По словам И.С. Кона, «главная тенденция, лежащая в основе всех этих процессов, – изменение ценностных ориентаций, в центре которых ныне стоит не семейная группа, а индивид»¹⁹². В этой связи интересным выглядит распределение ответов представителей описываемых ценностных типов на вопрос относительно допустимости регулярной смены полового партнера (табл. 35).

Если в российском опросе ВЦИОМ 1993 г., «людей, которые часто меняют своих сексуальных партнеров», осудили 42 % мужчин и 57 % женщин¹⁹³, то в нашем исследовании только 15,9 % респондентов не видят в этом ничего предосудительного, а 84,1 % в той или иной степени придерживаются мнения о том, что необходимо постоянство в сексуальных отношениях. При этом 46,6 % юношей допускают регулярную смену полового партнера и только 12,2 % девушек разделяют эту точку зрения. Ценностные различия в сексуальных установках здесь также оказались достаточно существенными, при этом наименьшую склонность к постоянству демонстрирует промежуточный ценностный тип, наибольшую – индивидуализирующий, все представители которого относятся к регулярной смене полового партнера негативно.

¹⁹² Кон И.С. Введение в сексологию... – С. 152.

¹⁹³ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке... – 464 с.

Т а б л и ц а 36

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым наличие одновременно двух и более половых партнеров?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	($n = 139$)
Да	16,7	7,9	0	8,3	10,1
Скорее да	5,5	7,9	0	11,1	7,9
Скорее нет	25	28,6	75,0	22,2	27,3
Нет	52,8	55,5	25,0	58,3	54,6

Наряду с серийной моногамией в постмодернистском обществе получает распространение и своеобразная полигамия – феномен полиамори, под которым понимается практика любовных отношений с более чем одним человеком в одно и то же время, т.е. поддержание параллельных отношений с множеством партнеров одновременно при взаимном согласии участников. В ряде случаев это приводит к образованию неформальных брачных союзов, представляющих собой полиаморные семьи. Как пишут Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, «постсовременный феномен полиамори потрясает систему ценностей многих людей»¹⁹⁴. В нашем исследовании мы также проанализировали распределение ответов на вопрос о допустимости для себя наличия одновременно отношений с двумя и более партнерами в зависимости от типа ценностной системы (табл. 36).

Как видно из приведенных результатов, отношение к наличию одновременно двух и более половых партнеров примерно такое же, как и к регулярной смене полового партнера: 54,6 % исследуемых категорически осудили подобную форму поведения, 27,3 % считают ее скорее неприемлемой. Соответственно 18 % респондентов не осуждают и даже допускают для себя реализацию такой формы поведения. Достаточно существенны различия в ответах на этот вопрос по гендерному признаку: юноши допускают отношения одновременно с несколькими партнерами в 62,5 % случаях, тогда как девушки – только в 12,5 %. Ценностные различия здесь также вполне очевидны: по мере развития ценностной системы растет процент считающих на-

¹⁹⁴ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – С. 16.

Т а б л и ц а 37

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимой измену своему партнеру?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	16,6	14,3	0	8,3	12,9
Скорее да	16,6	23,8	0	22,2	20,9
Скорее нет	47,2	34,9	75,0	41,7	41,0
Нет	19,4	27,0	25,0	27,8	25,2

личие отношений с двумя и более партнерами недопустимым – среди отнесенных к индивидуализирующемуся типу число таковых достигает 100 %.

Если полиамори имеет скорее открытый характер и подразумевает взаимное согласие, то понятие «измена» обозначает скрываемые или «несогласованные» постоянные или разовые отношения «на стороне». Тем не менее очевидно, что данные феномены имеют общие механизмы, что проявляется и в особенностях ценностной регуляции (табл. 37).

По данным нашего исследования, только 25,2 % респондентов настроены категорически против измены близкому человеку, 41 % считают, что измена своему партнеру скорее нежелательна. 33,8 % в той или иной степени допускают для себя измену. Различия в ответах между юношами и девушками здесь несущественны. Анализ ценностных различий в отношении субъективной допустимости измены демонстрирует ту же закономерность, что и в отношении допустимости регулярной сменны партнеров или же наличия двух и более партнеров одновременно – для всех представителей индивидуализирующегося типа они оказываются одинаково неприемлемыми.

Данные о фактической частоте измен в литературе встречаются крайне редко. Очевидно, диагностика подобной практики влечет за собой ряд существенных трудностей. Приведем распределение ответов на вопрос о частоте измен своему партнеру в нашем исследовании (табл. 38).

Согласно полученным ответам, 13,9 % опрошенных изменяют своему партнеру, т.е. почти половина респондентов, допускающих для себя измену близкому человеку, воплотила в жизнь эту форму поведения. Для сравнения, в опросе, проведенном О.К. Лосевой, наличие внебрачных связей признали

Т а б л и ц а 38

Распределение ответов на вопрос «Изменяете ли Вы своему партнеру?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да, примерно 1 раз в 2 недели	0,0	3,1	0,0	0,0	1,5
Да, примерно 1 раз в месяц	2,8	6,3	0,0	2,8	4,4
Да, реже одного раза в месяц	11,4	7,9	0,0	5,7	8,0
Нет	85,7	82,5	100,0	91,4	86,1

55,5 % мужчин и 25,5 % женщин¹⁹⁵. Существенные расхождения с результатами нашего исследования явно объясняются тем, что средний возраст исследуемой нами группы составляет 19,6 года и состоят в браке только 7,3 %. Чаще остальных изменяют партнеру отнесенные к социализирующемуся типу, которые и допускают для себя измену чаще других. Индивидуализирующийся тип демонстрирует в поведении полное соответствие имеющейся у него установке на верность.

В рассматриваемом контексте интересно выглядят и представления о допустимости, а также данные о наличии реального опыта полового акта с двумя и более партнерами одновременно. Привлечение третьего партнера или других пар в сексуальные отношения часто рассматривается как возможность дополнительной сексуальной стимуляции. Так называемый «сексуальный плюрализм», подразумевающий участие в сексуальной игре как минимум трех партнеров, имеет сегодня относительно широкое распространение в молодежной среде. Такое явление, как свингерство, наряду с обменом партнерами также часто предполагает участие в сексуальном акте нескольких партнеров или пар одновременно. В нашем исследовании 75 % юношей и 14,8 % девушек в той или иной степени приемлют групповой секс; категорически против возможности полового акта с двумя и более партнерами настроены только 6,2 % юношей и 60 % девушек. Закономерно, что реальный опыт группового секса юноши имеют в четыре раза чаще: 25 % среди юношей против 6,7 % среди девушек. Ценностные различия здесь проявляются почти также ярко, как и гендерные: по мере усложнения ценностной системы, т.е. от промежуточного к индивидуализиру-

¹⁹⁵ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке... — 464 с.

Т а б л и ц а 39

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым половой акт с двумя и более партнерами?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	13,9	9,5	0	8,6	10,1
Скорее да	8,3	7,9	0	22,8	11,5
Скорее нет	22,2	25,4	50,0	20,0	23,7
Нет	55,5	57,1	50,0	48,6	54,0

ющемуся типу, последовательно снижается процент как допускающих для себя, так и реально практикующих половой акт одновременно с двумя и более партнерами (табл. 39, 40).

Еще одним значимым аспектом изменения сексуального поведения в постмодернистском обществе является распространение садомазохистских практик: по словам Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой, «сексуальный либерализм постсовременной культуры объективно связывает сексуальное удовольствие с болью, агрессивностью и унижением»¹⁹⁶. В контексте ценностных различий нами также анализировался вопрос о субъективной допустимости и реальной практике садомазохистских форм сексуальных отношений (табл. 41, 42).

Садомазохистские фантазии и реальный опыт садомазохистских отношений в нашем исследовании имеют только девушки, что в целом согласуется с работами других авторов: так, по данным Миллера и Саймона, мазохистские фантазии в два раза чаще встречается у женщин, чем у мужчин – у 21 и 11 % соответ-

Т а б л и ц а 40

Распределение ответов на вопрос «Был ли у Вас опыт полового акта одновременно с двумя и более партнерами?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	5,6	9,7	0,0	11,4	8,8
Нет	94,4	90,3	100,0	88,6	91,2

¹⁹⁶ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире... – С. 16.

Т а б л и ц а 41

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым садомазохистские формы сексуальных отношений?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	($n = 139$)
Да	0	3,2	0	0	1,4
Скорее да	8,3	4,8	0	8,3	6,5
Скорее нет	16,7	17,5	0	27,8	19,4
Нет	75	74,6	100,0	63,9	72,7

ственно¹⁹⁷. При анализе ценностных различий в данном вопросе видно, что приемлемость и опыт садомазохистских проявлений сексуальности обнаруживают обратную зависимость от уровня развития ценностной системы: чаще остальных их допускают для себя и реализуют на практике отнесенные к промежуточному типу, для всех ориентирующихся на ценности индивидуализации они, напротив, оказываются абсолютно неприемлемыми.

Наряду с общим сдвигом в сторону большей гибкости при индивидуальном выборе в сфере сексуального поведения изменение ценностей в постмодернистском обществе, по мнению Р. Инглхарта, проявляется и в гораздо большей терпимости в восприятии гомосексуализма. Он считает, что именно сдвиг к ценностям постмодерна привел к тому, что «геи перестали прятаться в туалетах»¹⁹⁸. Исследование, проведенное нами

Т а б л и ц а 42

Распределение ответов на вопрос «Был ли у Вас опыт садомазохистских форм сексуальных отношений?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	($n = 139$)
Да	0,0	4,8	0,0	5,7	3,6
Нет	100,0	95,2	100,0	94,3	96,4

¹⁹⁷ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке...— 464 с.

¹⁹⁸ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... — С. 6—32.

Т а б л и ц а 43

Субъективная допустимость нетрадиционных сексуальных ориентаций для описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Недопустимы	70,2	72,8	51,7	64,5	69,7
В исключительных случаях допустимы	12,5	10,7	25,0	13,6	12,2
Иногда допустимы	8,1	8,1	8,3	10,8	8,7
В большинстве случаев допустимы	4,8	3,5	5,0	5,3	4,3
Допустимы в любой ситуации	4,4	4,8	10,0	5,8	5,1

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и И ($\alpha < 0,05$); С и И ($\alpha < 0,05$); С и П ($\alpha < 0,05$).

в 2006–2007 гг., в целом продемонстрировало сохраняющуюся нетерпимость к гомосексуальности более чем у двух третей молодежи (табл. 43). Однако ценностные различия здесь оказываются достаточно заметными: самый «прогрессивный» индивидуализирующийся ценностный тип демонстрирует гораздо большую толерантность в отношении нетрадиционной сексуальной ориентации.

Данные, полученные нами на общей молодежной выборке, и характеризующие отношение к гомосексуальности «вообще», не совпадают с показателями допустимости однополости секса для себя лично в нашем сексологическом исследовании (табл. 44). Индивидуализирующийся тип здесь, напротив, выглядит наиболее консервативно: все ориентирующиеся на цен-

Т а б л и ц а 44

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым сексуальные отношения с партнером вашего пола?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	0	7,9	0	16,7	7,9
Скорее да	11,1	4,7	0	11,1	7,9
Скорее нет	11,1	28,6	25,0	13,9	20,1
Нет	77,8	58,7	75,0	58,3	64,0

ности индивидуализации считают сексуальные отношения с партнером своего пола для себя недопустимыми. Таким образом, имеет место интересный факт: высокий уровень ценностного развития проявляется в сочетании снисходительности по отношению к проявлениям гомосексуальности со стороны других людей и недопустимости подобных экспериментов для себя самого.

В нашем случае все допускающие для себя возможность сексуальных отношения с партнером своего пола – девушки. Юноши настроены гораздо более консервативно: категорически против возможности для себя гомосексуальных связей выступают 100 %. В этой связи можно вспомнить известное высказывание З. Фрейда, который в свое время отмечал, что «для женщины уровень того, что является этически нормальным, отличается от мужского»¹⁹⁹. Опыт реальных сексуальных отношений с партнером своего пола в нашем исследовании также имеют только девушки. Однако только одна девушка из тех, которые имели секс с партнером своего пола, никогда не имела сексуальной связи с мужчиной. Остальные на момент опроса вели достаточно регулярную половую жизнь и гетеросексуальной направленности. Таким образом, у большинства девушек речь идет скорее о сексуальном экспериментировании или же транзиторной гомосексуальности. Современная исследовательница Л. Даймонд, анализирующая подобную тенденцию, пишет о так называемой «гендерной флюидности» – непостоянстве, изменчивости сексуальной идентичности, которая, по ее мнению, является одной из фундаментальных характеристик женской сексуальной ориентации. По ее данным, женщины по своей природе более сексуально флюидны, чем мужчины, и, в отличие от последних, склонны менять свою сексуальную идентичность на протяжении жизни²⁰⁰.

Когда вопрос об «однополый любви» касается жизненных реалий, наряду с гендерными значимыми оказываются также и ценностные различия (табл. 45). Так, чаще остальных признают наличие гомосексуального опыта отнесенные к промежуточному типу. Очевидно, что промежуточный тип ценностных ориентаций, к которому относятся, по сути, люди «неопределившиеся», имеет явные затруднения и в определении своей поло-ролевой идентичности. На втором месте по наличию гомосек-

¹⁹⁹ Цит. по: Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире... – С. 77.

²⁰⁰ Diamond L.M. Sexual Fluidity: Understanding Women's Love and Desire. – Cambridge; MA: Harvard University Press, 2008. – 352 p.

Т а б л и ц а 45

Распределение ответов на вопрос «Были ли у Вас опыт сексуальных отношений с партнером вашего пола?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	0,0	4,8	0,0	8,6	4,4
Нет	100,0	95,2	100,0	91,4	95,6

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов между типами А и П ($p < 0,05$).

суального опыта находится социализирующий тип. Среди исследуемых, отнесенных к адаптирующемуся и индивидуализирующемуся типам, не было выявлено ни одного гомосексуального контакта.

В целом, одна треть респондентов, в принципе допускающих для себя секс с партнером своего пола, реализовала эту форму поведения на практике. В настоящее время 3,6 % опрошенных с той или иной частотой продолжают практиковать однополый секс, т.е. лишь менее процента от общего числа испытуемых отказались от сексуальных отношений с партнером своего пола после имевшегося опыта (табл. 46). Наиболее часто ведут половую жизнь с партнером своего пола респонденты, ориентированные на ценности социализации.

Характерный для гомосексуальных отношений анальный и оральный секс получает распространение и в интимной практике обычных пар, что отражает общую тенденцию отделения сексуальных отношений от репродуктивной функции, особенно заметную в молодых возрастных когортах. В нашем исследо-

Т а б л и ц а 46

Распределение ответов на вопрос «Практикуете ли Вы в настоящее время сексуальные отношения с партнером вашего пола?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да, чаще одного раза в неделю	0,0	1,6	0,0	0,0	0,7
Да, примерно 1 раз в неделю	0,0	0,0	0,0	2,8	0,7
Да, реже одного раза в месяц	2,8	3,2	0,0	0,0	2,2
Нет	97,2	95,2	100,0	97,2	96,4

Т а б л и ц а 47

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым анальный секс?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	8,3	7,9	25,0	0	6,5
Скорее да	8,3	12,7	0	25,0	14,4
Скорее нет	36,1	23,8	50,0	25,0	28,1
Нет	47,2	55,5	25,0	50,0	51,1

вании реализовать анальный секс в своем сексуальном поведении оказалась согласна пятая часть опрошенных, чуть более половины категорически против. Реальный опыт анальной интронисии в рамках гетеросексуального контакта имеют около 12 % опрошенных (табл. 47, 48). Эти данные несколько ниже полученных в исследовании Д.Н. Исаева в 1993 г., согласно которому опыт анального секса имели 20 % мужчин и 14 % женщин²⁰¹, что может объясняться еще достаточно молодым возрастом нашей выборки. При сравнении приемлемости и опыта реализации такой эротической техники у представителей описываемых ценностных типов заметно последовательное возрастание ее распространенности от адаптирующегося к индивидуализирующемуся типу, который оказывается значительно более склонным к подобному экспериментированию.

К оральному сексу молодежь относится еще более лояльно, чем к анальному. Как показывает обзор западных публикаций, проведенный Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой, ораль-

Т а б л и ц а 48

Распределение ответов на вопрос «Был ли у Вас опыт анального секса?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	8,3	11,5	25,0	14,3	11,8
Нет	91,7	88,5	75,0	85,7	88,2

²⁰¹ Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке... — С. 174.

Т а б л и ц а 49

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимым оральный секс?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	41,7	43,3	50,0	38,9	41,0
Скорее да	30,5	23,8	25,0	19,4	24,5
Скорее нет	11,1	7,9	0	13,9	10,1
Нет	16,7	27,0	25,0	27,8	24,5

ные сексуальные контакты в молодежной среде имеют весьма широкое распространение, часто рассматриваясь вне контекста интимных отношений. Так, они воспринимаются как менее интимные, чем, например, поцелуи²⁰². В нашем исследовании две трети опрошенных согласны на воплощение в жизнь этой формы сексуальной близости. Количество имеющих и не имеющих опыта орального секса разделилось примерно пополам (табл. 49, 50). При этом обнаруживаются существенные гендерные различия: опыт орального секса имеют 80 % юношей и только 46,2 % девушек. При рассмотрении допустимости этой формы сексуальности в ценностном ракурсе оказалось, что наиболее «продвинутым» вновь оказывается индивидуализирующий тип. Однако реальный опыт куннилингуса или фелляции в данной подгруппе наблюдается реже, чем у остальных. Возможно, эти данные связаны с малой численностью ориентирующихся на ценности индивидуализации в нашей выборке и носят случайный характер.

Большинство подростков начинают свою сексуальную жизнь с мастурбации. Тем не менее в массовом сознании, как прави-

Т а б л и ц а 50

Распределение ответов на вопрос «Был ли у Вас опыт орального секса?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	50,0	53,2	25,0	45,7	49,6
Нет	50,0	46,8	75,0	54,3	50,4

²⁰² Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире.. – С. 47.

Т а б л и ц а 51

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы для себя в принципе допустимой мастурбацию?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	19,4	20,6	50,0	34,3	24,6
Скорее да	36,1	23,8	0	31,4	28,3
Скорее нет	19,4	28,6	50,0	14,3	23,2
Нет	25,0	27,0	0	20,0	23,9

ло, эта форма сексуальной практики оценивается негативно. В национальном опросе ВЦИОМ 1993 г. «поведение людей, которые занимаются мастурбацией», встретило более жесткое осуждение, чем «половые связи до брака». Такое поведение категорически осудили 47 % мужчин и 49 % женщин. «Ничего предосудительного» не видели в этом только 20 % опрошенных²⁰³. В нашем анонимном опросе, проведенном на десять лет позже, категорически осудили мастурбацию только 12,5 % юношей и 24,8 % девушек. Более половины молодых людей считают ее допустимой для себя (табл. 51). Принято считать, что мастурбация – статистически самое массовое явление; по данным разных исследователей, ей «отдают дань» 70–90 % мужчин и 30–60 % женщин. В нашем исследовании опыт мастурбации признали 56,3 % юношей и 46 % девушек (табл. 52). Для сравнения, в классическом исследовании Кинзи подобный опыт признавали 93 % муж-

Т а б л и ц а 52

Распределение ответов на вопрос «Был ли у Вас опыт мастурбации?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да	57,0	38,0	75,0	50,0	47,0
Нет	43,0	62,0	25,0	50,0	53,0

Пр и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов между типами: А и С ($p < 0,05$); С и П ($p < 0,05$).

²⁰³ Кон И.С. Подростки и секс в России на грани тысячелетий // Семья и школа. – 2001. – № 5. – С. 20–23.

Т а б л и ц а 53

Распределение ответов на вопрос «Практикуете ли Вы в настоящее время мастурбацию?» (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 139$)
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Да, чаще одного раза в неделю	8,3	6,3	0,0	11,1	7,9
Да, примерно 1 раз в неделю	8,3	4,8	25,0	2,8	5,8
Да, примерно 1 раз в 2 недели	5,5	7,9	25,0	8,3	7,9
Да, примерно 1 раз в месяц	13,9	3,2	0,0	2,8	5,8
Да, реже одного раза в месяц	5,5	6,3	0,0	13,9	7,9
Нет	58,3	71,4	50,0	61,1	64,7

чин и 62 % женщин. Однако следует отметить, что в его выборке к 20 годам опыт мастурбации имели только 33 % девушек. В среднем женщины достигают максимальной частоты мастурбаций лишь к 30 годам²⁰⁴. В нашем случае на момент проведения исследования почти две трети опрошенных не занимались мастурбацией, треть с той или иной частотой практиковала такую форму сексуального поведения (табл. 53).

Распределение ответов на вопросы о допустимости реализации в собственном поведении мастурбации и наличии ее реальной практики продемонстрировало заметные различия в зависимости от ценностных предпочтений. Менее всего самоудовлетворение свойственно отнесенным к социализирующемуся типу, для которого вообще характерна ориентация на других людей. Наиболее часто склонность к мастурбации обнаруживают ориентирующиеся на ценности индивидуализации, чаще остальных считающие ее нормальным проявлением сексуальности и, соответственно, более откровенные в ее признании.

Вся совокупность полученных нами данных отражает личностный сексуальный сценарий описываемых ценностных типов. Для его характеристики мы определяли процентное распределение положительных ответов на вопросы первого блока анкеты в зависимости от типа ценностных ориентаций личности. Как видно из табл. 54, сексуальные сценарии рассматриваемых ценностных типов личности показывают существенные различия. Социализирующий тип, ориентирующийся на мнение окружающих, оказывается самым либеральным в отношении допустимости различных форм сексуального поведения только в

²⁰⁴ Кле М. Психология подростка: (Психосексуальное развитие) / пер. с франц. — М.: Педагогика, 1991. — С. 124.

Т а б л и ц а 54

Распределение положительных ответов на вопросы первого блока анкеты (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Считают для себя в принципе допустимыми	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)	
Добрачные половые связи	94,4	98,4	100,0	91,6	С–П
Регулярную смену полового партнера	11,4	14,3	0	25,0	
Наличие отношений с двумя и более партнерами	22,2	15,8	0	19,4	
Измену своему партнеру	33,2	38,1	0	30,5	
Половой акт одновременно с двумя и более партнерами	22,2	17,4	0	31,4	
Садомазохистские формы сексуальных отношений	8,3	8,0	0	8,3	А–П; С–П
Сексуальные отношения с партнером своего пола	11,1	12,6	0	27,8	
Анальный секс	16,6	20,6	25,0	25,0	С–П
Оральный секс	72,2	67,1	75,0	59,3	
Мастурбацию	55,5	44,4	50,0	65,7	

10 % случаев, адаптирующийся – в 20 %, индивидуализирующийся – в 30 %. Промежуточный тип оказывается таковым в 60 % случаев. Таким образом, личность с несформированной системой ценностей имеет самый раскрепощенный сексуальный сценарий. Очевидно, что это не сопряжено с большим диапазоном терпимости, скорее это связанная с несформированностью сексуальной идентичности попытка эксперимента, поиск себя в сексуальном поведении.

В отличие от промежуточного типа, увеличивающего разнообразие своей сексуальной жизни экстенсивным путем, за счет увеличения числа партнеров, представители индивидуализирующегося типа достигают разнообразия посредством расширения сексуально-эротического репертуара в рамках постоянных отношений. Таким образом, представители индивидуализирующегося типа, не допуская для себя разнообразие в выборе сексуального объекта, в отношении выбора формы удовлетворения сексуального влечения, напротив, проявляют наибольшую гибкость. В пользу такого вывода говорят также данные, получен-

ные Г.М. Авиловым и Е.О. Самодумовой по нашей методике в группах женщин с различным отношением к сексуально-ролевым играм. Согласно авторам, частота реализации этой формы поведения и ее осознанность увеличиваются по мере развития ценностной организации, и наибольший процент отнесенных к индивидуализирующемуся типу обнаруживается в группе осознанно практикующих сексуально-ролевые игры²⁰⁵. В целом, приведенные нами результаты подтверждают известную формулу, повторяющуюся от одного психологического словаря к другому: «чем выше уровень развития личности, тем разнообразнее индивидуальные проявления сексуального поведения»²⁰⁶.

Далее мы проанализировали особенности фрустрации сексуального поведения в зависимости от типа ценностных ориентаций личности. Как известно, серьезное расхождение представлений о сексуальной близости и реального сексуального поведения может свидетельствовать о конфликте между эротическими предпочтениями личности и социокультурными нормами и ценностями²⁰⁷.

Для определения степени расхождений желаемых (приемлемых) и реализуемых (реализованных) форм сексуального поведения нами были введены специальные коэффициенты фрустрации. Количество нереализованных желаемых форм сексуального поведения мы обозначили K_1 , а количество реализованных, но не желаемых, – K_2 . Средние коэффициенты фрустрации в зависимости от типа ценностных ориентаций приведены в табл. 55.

Т а б л и ц а 55

Средние показатели фрустрации сексуального поведения по типам ценностных ориентаций ($n = 139$)

Показатель фрустрации	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 36$)	($n = 63$)	($n = 4$)	($n = 36$)
K_1	1,3	1,1	0,7	1,4
K_2	0,18	0,16	0	0,19

²⁰⁵ Авилов Г.М., Самодумова Е.О. Особенности ценностно-смысловой сферы женщин в связи с их отношением к сексуально-ролевым играм // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2010. – № 3 (43). – С. 10–20.

²⁰⁶ Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – С. 356.

²⁰⁷ Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – С. 56.

Анализ результатов выявил явную тенденцию: чем выше уровень организации системы ценностных ориентаций личности, тем меньше уровень фрустрации. Как мы видим, промежуточный (неопределившийся) тип в наибольшей степени неудовлетворен своим сексуальным поведением. Далее последовательно идут адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся ценностные типы.

Учитывая введенные нами коэффициенты, можно выделить следующие варианты фрустрации сексуального поведения:

$K_1 = 0; K_2 = 0$ (отсутствие фрустрации);

$K_1 > 0; K_2 = 0$ (желаемое больше действительного);

$K_2 > 0; K_1 = 0$ (действительное больше желаемого);

$K_1 > 0; K_2 > 0$ (желаемое больше действительного и действительное больше желаемого).

Распределение ценностных типов в зависимости от варианта фрустрации сексуального поведения представлено в табл. 56. Процентное соотношение типов ценностных ориентаций при различных вариантах фрустрации примерно одинаковое. У индивидуализирующегося типа проявляется только один вариант фрустрации, когда желаемое больше действительного.

Итак, особенности реализации сексуальных потребностей различны для каждого ценностного типа. Личности с несформированной системой ценностных ориентаций имеют наиболее раскрепощенный сексуальный сценарий. При этом, чем выше уровень организации индивидуальной системы ценностных ориентаций, тем выше удовлетворенность личности своим сексуальным поведением. Полученные нами данные позволяют дать общую характеристику сексуального поведения каждого отдельного ценностного типа.

Адаптирующийся тип в целом характеризуется наибольшей категоричностью в выборе ответов. Это означает наибольшую ригидность в отношении сексуального поведения. Он в наименьшей степени склонен к переменам в своем сексуальном поведе-

Т а б л и ц а 56

Распределение ценностных типов в зависимости от типа фрустрации сексуального поведения (% от числа исследуемых, $n = 139$)

Вариант фрустрации	Ценностный тип			
	А	С	И	П
$K_1 = 0; K_2 = 0$	29,7	40,5	2,7	27,0
$K_1 > 0; K_2 = 0$	23,5	46,9	3,7	25,9
$K_1 = 0; K_2 > 0$	28,6	42,9	0,0	28,6
$K_1 > 0; K_2 > 0$	28,6	50,0	0,0	21,4

нии и наиболее негативно относится к изменам. В целом, данный ценностный тип отличается наибольшей консервативностью взглядов. Сексуальные потребности отнесенных к данному типу в значительной степени фрустрированы, они достаточно часто реализуют замещающие формы высвобождения сексуальной энергии.

Социализирующийся тип склонен к сомнениям в оценке своего сексуального поведения (относительное большинство выбирает «Скорее Да» и «Скорее Нет»). Соответственно, его система взглядов на сексуальное поведение подвержена значительной изменчивости. Наибольший процент (по сравнению с другими типами) на момент опроса уже имели опыт сексуальных отношений с противоположным полом. Соответственно и наибольший процент имеют достаточно регулярные сексуальные отношения. При этом большинство респондентов, отнесенных к социализирующемуся типу, изменяют своему партнеру. Данный тип в целом характеризуется одновременно достаточно либеральными взглядами в отношении «нетрадиционных» форм сексуального поведения и относительно высоким уровнем их реализации.

Индивидуализирующийся тип характеризуется наибольшей гармоничностью и удовлетворенностью своим сексуальным поведением. Модель сексуального поведения данного ценностного типа в максимальной степени соответствует социокультурным нормам, принятым в нашем обществе. В абсолютном большинстве отнесенные к данному типу не допускают для себя регулярную смену полового партнера, наличие отношений одновременно с двумя и более партнерами, измену своему партнеру, сексуальные отношения с партнером своего пола, садомазохистские формы сексуальности, половой акт с двумя и более партнерами. При этом у данного ценностного типа отмечаются наименьшие показатели фрустрации сексуальных потребностей – реализуются почти все желаемые формы поведения, т.е. их сексуальный сценарий является наиболее реалистичным.

Промежуточный тип, характеризующийся несформированностью системы ценностных ориентаций, имеет самый раскрепощенный сексуальный сценарий. Он в наибольшей степени, чем остальные ценностные типы, допускает для себя гомосексуальное поведение, половой акт с двумя и более партнерами, регулярную смену полового партнера, садомазохистские формы сексуального поведения, мастурбацию. При этом наибольший процент относительно остальных типов ценностных ориентаций имеют опыт всех этих форм сексуального поведения. С дру-

гой стороны, данный тип отличается наибольшим процентом не имеющих опыта сексуальных отношений с противоположным полом. В целом, «не определившиеся» в ценностном отношении респонденты наиболее склонны к экспериментам и в сексуальной сфере.

Приведенные нами результаты касаются ценностной регуляции поведения лиц с обычной, традиционной ориентацией. Отдельной и сложной проблемой является анализ ценностных предпочтений сексуальных меньшинств. Как отмечают Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, «Феномен гомосексуальности в психологической науке является недостаточно изученным. Исследования, посвященные данному вопросу, встречаются в научно-психологической литературе крайне редко»²⁰⁸. Авторы связывают это с закрытостью и труднодоступностью данной группы лиц, особенно характерной для нашей страны.

На наш взгляд, здесь имеются также и серьезные методологические затруднения. Фактически происходит определенная подмена предмета исследования: очевидно, что в поле зрения исследователя попадают прежде всего добровольцы или члены организаций сексуальных меньшинств, т.е. скорее «открытые» геи и лесбиянки, имеющие отчетливые отличия от основной массы лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Разумеется, подобная выборка не может быть признана репрезентативной. Таким образом, в большинстве работ изучаются психологические особенности не гомосексуалистов как таковых, а активных членов гей-сообщества. Подобные исследования, как правило, свидетельствуют об их большей восприимчивости, ранимости, мягкости, эмоциональности, повышенной чувствительности к стрессам и творческой направленности по сравнению с гетеросексуалами²⁰⁹.

Среди еще более редких публикаций, посвященных изучению системы ценностных ориентаций лиц с гомосексуальной идентичностью, можно назвать работу Д.А. Андропова²¹⁰. Ав-

²⁰⁸ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире... — С. 361.

²⁰⁹ Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви. — М.: Олимп, АСТ, 2003. — 576 с.

²¹⁰ Андронов Д.А. Особенности ценностных ориентаций представителей гей-субкультуры (мужчин с гомосексуальной идентичностью) // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы: сборник научных трудов. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. — С. 104–109.

тор, изучавший при помощи методики Л.Н. Силантьевой ценностные ориентации представителей гей-субкультуры, посещающих тематические информационные, профилактические и психологические мероприятия, приходит к выводу, что в отношении таких терминальных ценностей, как здоровье, любовь, интересная работа, профессиональная успешность, группы гомо- и гетеросексуалов существенно не различаются. В то же время исследуемые с гомосексуальной идентичностью чаще отдавали предпочтение ценностям, имеющим отношение к эмоциональным связям (например, «не быть одиноким»), а также возможности творческой деятельности. Лица с гетеросексуальной идентичностью характеризовались большей значимостью ценностей, связанных с когнитивной сферой личности и профессиональной деятельностью.

При изучении особенностей ценностных представлений лиц с гомосексуальной идентичностью с использованием теста М. Рокча и нашей модификации методики Р. Инглхарта были получены похожие результаты²¹¹. В данном исследовании приняло участие 80 человек в возрасте 23–34 лет – 59 % мужчин и 41 % женщин. По методике Ф. Клайна исключительная и преимущественная гомосексуальная идентичность диагностирована у 47,5 % исследуемых, гетеросексуальная идентичность – у 45 %, бисексуальная идентичность – у 7,5 %.

Групповая иерархия терминальных ценностей по тесту М. Рокча в группе лиц с гомосексуальной идентичностью отличалась приоритетом таких ценностей, как любовь, счастливая семейная жизнь и уверенность в себе, что, очевидно, сопряжено с неудовлетворенностью их реализацией. Среди исследуемых с гетеросексуальной идентичностью первые места в ценностной иерархии заняли здоровье, интересная работа и материальное благополучие. Из инструментальных ценностей в группе гомосексуалов наиболее значимыми оказались независимость, твердая воля и жизнерадостность, что, вероятно, также носит компенсаторный характер. Гетеросексуалы самый высокий ранг ставят таким ценностям, как ответственность, исполнительность и образованность. Соответственно, системы ценностей групп с различной сексуальной идентичностью оказываются весьма различными.

Распределение описываемых нами ценностных типов в данных группах также оказалось во многом полярным (табл. 57).

²¹¹ Черныш Я.И. Особенности ценностно-смысловой сферы лиц с гомосексуальной идентичностью: дипломная работа. — Кемерово, 2008. — 93 с.

Т а б л и ц а 57

Распределение ценностных типов в группах с различной сексуальной идентичностью (% от числа исследуемых, $n = 74$)

Сексуальная идентичность	Ценностный тип			
	А	С	И	П
Гомосексуальная идентичность ($n = 38$)	50	23,5	7,5	20
Гетеросексуальная идентичность ($n = 36$)	20	50	7	23

П р и м е ч а н и е. Различия между долями типов в группах с различной сексуальной идентичностью: А ($p < 0,01$); С ($p < 0,05$).

При практически одинаковой частоте представителей промежуточного и индивидуализирующегося типов процент отнесенных к адаптирующемуся и социализирующемуся типам характеризуются четкой инверсией в зависимости от сексуальной идентичности.

Большая направленность гомосексуалов на ценности адаптации вполне предсказуема и косвенно подтверждается данными исследований, ранее проведенных другими авторами. Так, анализ результатов, полученных Н.В. Дмитриевой и Д.А. Андроновым, показывает, что средние показатели частоты использования большинства копинг-стратегий в группе мужчин с гомосексуальной идентичностью превышает аналогичные показатели у гетеросексуалов. По словам Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой, «многие геи сталкиваются с теми или иными проявлениями гомофобии и стигматизации, что, как правило, вызывает возникновение длительного стресса и тревоги. Чтобы противостоять этим, а также многим другим жизненным трудностям, с которыми сталкиваются и гетеросексуалы, мужчины с гомосексуальной идентичностью вырабатывают разнообразные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями»²¹². Очевидно, что негативное отношение общества к гомосексуальности, сохраняющаяся дискриминация, трудности в поиске партнера и поддержании постоянных отношений, а также другие специфические стрессовые факторы требуют большей напряженности механизмов совладания и интрапсихической адаптации, эффективность которых обеспечивается такой трансформацией системы ценностей, при которой на первый план выходят так называемые «защитные», гомеостатические ценности, т.е. ценности адаптации.

²¹² Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Сексуальность в постсовременном мире... — С. 369.

Таким образом, если многие проявления сексуального поведения, такие как количество и частота смены сексуального партнеров, предпочитаемая форма удовлетворения сексуального влечения и даже транзиторная гомосексуальность, связанная с гендерной флюидностью, в определенной степени детерминируются особенностями системы ценностных ориентаций, то собственно гомосексуальность, как более ядерная характеристика, не зависит от ценностных предпочтений, а выявленные особенности лиц с гомосексуальной идентичностью в этой сфере являются вторичными, отражая реакцию на отношение к ним социального окружения.

Глава 7

ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Материальное положение различных общностей традиционно рассматривается как «экономический базис», определяющий особенности «духовной надстройки», в том числе и системы ценностных предпочтений. В концепции Р. Инглхарта, несмотря на все делаемые им оговорки, экономический детерминизм ценностных предпочтений также является одним из основополагающих принципов. Таким образом, ценности человека могут пониматься как производные от его материального положения. Описанные выше наши собственные исследования показывают, что с ростом материального благосостояния наблюдается изменение ценностных ориентаций, заключающееся в снижении направленности на ценности адаптации и росте доли ориентирующихся на ценности социализации и индивидуализации.

Закономерно, что кризисные явления в экономической сфере России в конце XX – начале XXI в. привели к трансформации системы ценностных предпочтений. Современные российские исследования демонстрируют отчетливое влияние новых социально-экономических условий на изменение ценностных ориентаций различных социальных групп. Так, В.А. Хащенко отмечает сдвиг в системе ценностных ориентаций, обусловленный возрастанием значимости материальных ценностей. По мнению автора, полученные им данные свидетельствуют о формировании нового типа направленности личности, характеризующегося ориентацией на экономические ценности, такие как материальная обеспеченность, предприимчивость, собственность и богатство²¹³. С.И. Ерина и А.В. Суптеля также констатируют повышение значимости материальных ценностей в сознании современной российской молодежи. Согласно авторам, «деньги» потеснили такие ценности, как «честность, порядочность», «мир

²¹³ Хащенко В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности // Социальная психология экономического поведения. — М.: Наука, 1999. — С. 56–67.

в обществе», «уважение окружающих», при этом наблюдается дальнейшее усиление данной тенденции²¹⁴. В то же время М.В. Шульгин, основываясь на своих более поздних исследованиях, описывает противоположную тенденцию: согласно его результатам, на протяжении последнего десятилетия значимость материальных ценностей у современной молодежи снижается, а ценности индивидуализации – независимости, ответственности, свободы – растут²¹⁵. Возможно, такое изменение вектора ценностного сознания российской молодежи обусловлено определенным улучшением материального положения России в «нулевые» годы нашего века.

Относительно благополучное в материальном плане современное западное общество, как показывают исследования Р. Инглхарта и его единомышленников, характеризуется последовательным сдвигом в сторону «постматериалистических» ценностей. В массовом сознании это проявляется переориентацией с приоритетности экономических достижений на качество жизни и субъективное благополучие, с максимизации получаемого дохода на интересную и осмысленную работу.

При этом, как замечает Р. Инглхарт, по мере роста благосостояния детерминирующее влияние экономических факторов ослабевает. По его мнению, воздействие экономического развития оказывается значимым до достижения некоего пункта, с которого наступает уменьшение отдачи. Р. Инглхарт связывает уменьшение пользы от экономического роста с увеличением доли постматериалистов, которым «экономические достижения не добавляют субъективного благополучия». Соответственно, все более важными факторами улучшения человеческой жизни становятся ее неэкономические аспекты. По его словам, «сдвиг от модернизации к постмодернизации отражает сокращение приращиваемой полезности экономического детерминизма: экономическим факторам выпадает играть решающую роль в условиях скудости экономики, но с уменьшением нехватки облик общества в возрастающей степени определяют другие факторы». Как заключает Р. Инглхарт, изменения в социально-экономической среде постепенно переформировали культуру и ценности, а эти изменения, в свою очередь, начали

²¹⁴ Ерина С.И., Суптеля А.В. Исследование особенностей морального сознания современной молодежи (на примере отношения к деньгам) // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004. – С. 190.

²¹⁵ Шульгин М.В. Устойчивость и изменчивость ценностных предпочтений в рыночных условиях // Сиб. психол. журн. (Томск). – 2011. – № 39. – С. 60–70.

оказывать обратное воздействие, способствующее переформированию экономической жизни²¹⁶. Таким образом, двусторонняя взаимосвязь экономических и ценностных аспектов социального поведения в постмодернистском обществе характеризуется смещением акцента на ценности, которые все чаще становятся не следствием экономических изменений, а их причиной.

Вопросы выделения психологических детерминант экономического поведения человека и психологическое содержание экономического сознания находятся сегодня в центре внимания формирующейся отрасли знания – экономической психологии. Среди рассматриваемых в этой связи психологических характеристик неслучайно занимает важное место и система ценностных ориентаций личности. Так, по определению А.Д. Карнышева, Т.Д. Бурменко, Е.А. Ивановой, «экономическое сознание индивида представляет собой совокупность взглядов, позиций, установок на основополагающие индивидуальные и социальные экономические ценности, свое место и роль в экономических структурах»²¹⁷.

По мнению А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, «наиболее универсальным регулятором экономической активности субъекта выступает ценностно-смысловая рациональность. Суть этого вида рациональности заключается в том, что субъект считает целесообразным, разумным относиться к экономическим объектам, принимать решения и поступать в экономической среде сообразно наиболее значимым для него жизненным принципам и смыслам, ценностям и идеалам, целям и притязаниям»²¹⁸. Однако, как отмечают авторы, это положение, являясь основным постулатом во многих исследованиях экономического поведения, не нашло эмпирического подтверждения в ходе многолетнего изучения экономического сознания и экономической активности представителей различных социальных групп в России. В обзоре аналогичных западных исследований, осуществленном А. Фернхемом и П. Хейвенем, детерминирующая роль ценностей упоминается лишь в контексте потребительского

²¹⁶ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... – С. 6–32.

²¹⁷ Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д., Иванова Е.А. Человек и собственность. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – С. 27.

²¹⁸ Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения населения современной России // Психология в экономике и управлении. – 2010. – № 2 (4). – С. 16.

Т а б л и ц а 58

Материальные ценности, имеющиеся в собственности рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных, $n = 2009$)

Материальная ценность	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Собственная квартира, дом	33,5	30,2	18,6	30,0	А–И; С–И; И–П
Собственный автомобиль	24,9	22,7	20,3	26,0	
Предметы роскоши	20,2	26,3	13,6	18,9	
Ценные бумаги	2,9	3,7	1,8	3,4	А–И; С–И; С–П
Собственное предприятие	1,0	1,6	0,0	1,3	
Недвижимость за рубежом	0,2	1,1	0,0	0,8	

потребления и не анализируется во взаимоотношении с иными проявлениями экономической активности²¹⁹. В этой связи нами проведено собственное исследование ценностных детерминант экономического поведения и социально-экономических характеристик основных типов ценностных систем.

В 2006–2007 гг. в ходе опроса общественного мнения изучались особенности материального положения и экономического поведения молодежи Кемеровской области²²⁰. В данном исследовании материальное положение молодежи оценивалось по наличию собственности, являющейся, по словам А.Д. Карнышева, Т.Д. Бурменко, Е.А. Ивановой, «продолжением личности во внешнем мире»²²¹. Как видно из табл. 58, рассматриваемые ценностные типы обнаруживают существенные различия в числе имеющих в собственности различных материальных ценностей, и прежде всего – предметов роскоши (украшения, антиквариат и т.п.). Меньше всего предметов роскоши имеют представители индивидуализирующегося типа, которые характеризуются независимой самооценкой, а больше всего – представители социализирующегося типа, в наибольшей степени ориентирующиеся на одобрение референтной группы.

²¹⁹ Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. – СПб.: Питер, 2001. – С. 274–275.

²²⁰ Яницкий М.С., Бельчик Т.А. Взаимосвязь ценностных предпочтений и особенностей экономического поведения молодежи // Психология в экономике и управлении. – 2011. – № 1 (5). – С. 62–74.

²²¹ Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д., Иванова Е.А. Человек и собственность... – С. 16.

В целом, наиболее материально обеспеченным оказывается адаптирующийся тип, наименее обеспеченным – индивидуализирующийся тип. Такая закономерность явно противоречит приведенным ранее результатам наших предыдущих исследований, которые вполне согласовались с концепцией Р. Инглхарта. Очевидно, это связано с тем, что настоящее исследование выполнено на молодежной выборке. Молодые люди во многих случаях оказываются собственниками благодаря помощи родителей или же наследству. Кроме того, наличие собственности у молодежи в ряде случаев определяется не возможностью приобретения, а приоритетностью. Так, отнесенные к индивидуализирующемуся типу чаще остальных указывают, что недвижимость, автомобиль или ценные бумаги являются для них доступными, но сейчас они имеют другие приоритеты, например образование. Следует отметить также, что период формирования ценностных ориентаций приходится преимущественно на годы пребывания в родительской семье, поэтому ценности молодежи являются, скорее, отражением материального положения их родителей, чем уровня ее нынешнего благосостояния.

Таким образом, в силу указанных причин материальное положение молодежи нельзя однозначно рассматривать в качестве базового фактора формирования ее ценностных предпочтений. В данном случае взаимосвязь между экономическими и ценностными характеристиками носит скорее обратный характер – ценности молодежи выступают в качестве детерминант ее экономического поведения. Одной из таких характеристик экономического поведения является способ получения дохода, обнаруживший в нашем исследовании зависимость от принадлежности к тому или иному ценностному типу (табл. 59).

Наиболее экономически самостоятельным среди молодежи оказывается адаптирующийся тип. Индивидуализирующийся тип, напротив, чаще остальных опирается на внешнюю поддержку. Однако в данном случае это связано с тем, что среди респондентов, отнесенных к индивидуализирующемуся типу, отмечается наибольший процент обучающихся в вузе (30,4 % против 19,2 % среди адаптирующегося и 23,7 % среди социализирующегося типов). Несмотря на связанную с обучением «отсрочку» в принятии роли взрослого, отнесенные к индивидуализирующемуся типу чаще остальных подрабатывают помимо своей основной деятельности – 45,8 % против 36,9 и 32,1 % у адаптирующегося и социализирующегося типов. Закономерно, что они же чаще других указывают в качестве источника дохода предпринимательскую деятельность. Эти результаты подтверж-

Т а б л и ц а 59

Основной источник дохода рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных, $n = 2009$)

Основной источник дохода	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Зарботная плата	68,3	53,5	44,8	52,1	А–С; А–И; А–П
Помощь родителей, родственников	15,1	25,8	29,3	28,1	А–С; А–И; А–П
Стипендия и другие социальные выплаты	6,2	11,0	13,8	12,5	А–С; А–И; А–П
Заработки мужа/жены, друга/подруги	5,3	4,3	1,7	2,3	А–П; С–П
Неофициальная предпринимательская деятельность	1,7	1,6	3,4	2,5	
Официальная предпринимательская деятельность	0,9	1,1	5,2	1,5	А–И; С–И
Не разрешенная законом деятельность	1,1	1,7	0,0	0,3	
Другой	1,3	0,9	1,7	0,8	

даются данными, полученными С.Б. Дагбаевой и Р.Д. Санжаевой на студенческой выборке²²². При сравнении распределения ценностных типов в группах студентов, совмещающих учебу с работой и неработающих, ими было установлено, что доля ориентирующихся на ценности индивидуализации и социализации заметно выше среди работающих, а процент отнесенных к адаптирующемуся и промежуточному типам – среди неработающих студентов (табл. 60). Авторы связывают это с позитивным влиянием начала трудовой деятельности на становление системы ценностных ориентаций личности.

Заметим, что здесь возможна и обратная причинно-следственная связь – при определенном уровне ценностного развития работа вполне может становиться средством удовлетворения потребности в самореализации. Соответственно, значимость работы для рассматриваемых ценностных типов может быть различной и повышаться по мере развития ценностной системы. Это косвенно подтверждается результатами изучения мотива-

²²² Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект... – С. 98.

Т а б л и ц а 60

Распространенность ценностных типов в группах работающих и неработающих студентов (% от числа исследуемых, $n = 200$)

Студенты	Ценностный тип			
	А	С	И	П
Работающие ($n = 52$)	25	50	12,5	12,5
Неработающие ($n = 148$)	30	40,5	3,5	26

П р и м е ч а н и е. Различия между долями типов: И ($p < 0,05$); П ($p < 0,05$).

ции поиска работы выпускниками вузов по методике А. Мехрабиана²²³. В рамках исследования было опрошено 117 выпускников вуза, в том числе 46 человек мужчин (39,32 %) и 71 женщина (60,68 %). По нашей методике 28,21 % выпускников отнесены к адаптирующемуся типу, 45,29 % – к социализирующемуся, 4,27 % – к индивидуализирующемуся, 22,23 % – к промежуточному ценностному типу. Здесь также были выявлены определенные различия между описываемыми нами ценностными типами, причем наиболее высокую мотивацию достижения при поиске работы обнаружили ориентирующиеся на ценности индивидуализации (табл. 61). Однако малая выборка испытуемых не позволяет считать отмеченную тенденцию статистически достоверной.

В этом контексте интересно проанализировать трансформацию системы ценностных ориентаций в ситуации потери работы. С использованием предложенной нами методики было проведено исследование ценностей безработных, которые лишились работы вынужденным образом, т.е. увольнение произошло по инициативе руководства либо было следствием ликвидации или банкротства предприятия²²⁴. В данном исследовании

Т а б л и ц а 61

Мотивация поиска работы рассматриваемых ценностных типов по тесту А. Мехрабиана (% от числа исследуемых, $n = 117$)

Мотивационная тенденция	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 33$)	($n = 53$)	($n = 5$)	($n = 26$)
Достижение успеха	56,4	54,8	60,6	57,1

²²³ *Беснятова Е.В.* Особенности мотивации достижения поиска работы выпускников вузов: дипломная работа. – Кемерово, 2004. – 81 с.

²²⁴ *Семенова М.Б.* Особенности ценностно-смысловой сферы личности в ситуации потери работы: дипломная работа. – Кемерово, 2010. – 88 с.

Т а б л и ц а 62

**Распространенность ценностных типов до и после вынужденной потери работы
(% от числа исследуемых, $n = 40$)**

Исследуемые	Ценностный тип			
	А	С	И	П
До увольнения ($n = 40$)	22,5	32,5	0	45
После увольнения ($n = 40$)	32,5	32,5	0	35

приняли участие 40 человек, жителей г. Кемерово в возрасте от 21 до 31 года – 30 % мужчин и 70 % женщин. Испытуемым после проведения методики дополнительно предлагалось выполнить ее так, как они бы сделали это в прошлом, до потери работы. Полученные результаты представлены в табл. 62.

Как видно, при вынужденной потере работы увеличивается доля ориентирующихся на ценности адаптации (здоровье, материальный достаток, стабильность), т.е. на ценности дефицитарного характера, связанные с фрустрацией потребности в экономической и физической безопасности. При этом рост числа отнесенных к адаптирующемуся типу обусловлен уменьшением доли промежуточного ценностного типа, т.е. доли «не определившихся» в ценностном отношении. Таким образом, вынужденная потеря работы сопряжена с определенной переориентацией на «выживание», на сохранение достигнутого, а не на развитие. Сказанное подтверждается и результатами по методике М. Рокича, в соответствии с которыми наибольшие изменения при вынужденной потере работы происходят в уровне реализованности значимых ценностей, отражая последовательную трансформацию их характера от бытийного к дефицитарному.

Как уже говорилось, система ценностных ориентаций личности определяет социально приемлемые формы реализации активности человека, в том числе и в сфере экономического поведения. А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко в этом контексте указывают, что «перспективной научно-исследовательской и одновременно практической задачей является определение приоритетных, престижных или, напротив, недопустимых видов материального самообеспечения для представителей различных социальных групп»²²⁵. В уже упоминавшейся работе С.И. Ериной и А.В. Суптеля, рисующих на основании результатов опроса

²²⁵ Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения населения современной России... – С. 19.

120 ярославцев прямо-таки зловещий портрет всей российской молодежи, делается вывод, что современным молодым людям свойственна установка на беспринципное обогащение, достижение желаемого любым способом, в том числе и незаконным – по их данным, «практически все респонденты не исключают возможность использования нелегальных путей зарабатывания денег»²²⁶. В то же время, согласно данным С.Т. Джанерьян, отношение молодежи к незаконным способам материального обогащения, в частности – к получению взятки, определяется выраженностью и реализованностью ведущих терминальных и инструментальных ценностей²²⁷.

В этой связи нами также была проанализирована субъективная допустимость различных форм ненормативного экономического поведения молодежи и ее зависимость от направленности на ту или иную систему ценностей (табл. 63). Принципиальная допустимость тех или иных форм ненормативного поведения в данном случае рассчитывалась как сумма частот ответов «допустимы в любой ситуации», «допустимы в большинстве случаев», «иногда допустимы», «допустимы в исключительных случаях».

Т а б л и ц а 63

Допустимость различных форм ненормативного поведения для рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных, $n = 2009$)

Ненормативная форма экономического поведения	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Уклонение от уплаты налогов	49,6	48,6	41,7	44,2	А–И; А–П; С–И; С–П
Дача и получение взятки	38,5	41,0	25,0	30,7	
Мошенничество	20,2	18,6	13,3	18,0	
Воровство	14,1	13,2	8,3	12,5	А–И; С–И
Вымогательство	12,2	11,7	5,0	10,3	

²²⁶ Ерина С.И., Суптеля А.В. Исследование особенностей морального сознания современной молодежи (на примере отношения к деньгам) // Психология и мораль / сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб.: Речь, 2004. – С. 188.

²²⁷ Джанерьян С.Т. Содержание когнитивного компонента ценностно-смысловых отношений студентов к взятке // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество: мат. участников съезда. Т. II. – М.: Российское психологическое общество, 2012. – С. 184.

В нашем случае все незаконные способы обогащения большинством респондентов отвергаются в принципе. Наиболее допустимой в сознании молодежи ненормативной формой экономического поведения является уклонение от налогов. Как указывают А.Д. Карнышев, Т.Д. Бурменко, Е.А. Иванова, «значимым направлением психологического анализа налогообложения является выяснение причин и факторов, обуславливающих уклонение от налогов. То, что такая ситуация нередко детерминирована установившейся конфискационной налоговой системой – это признаваемый многими факт. Но какую роль в этом процессе играет психологический фактор ... – ответ на такой вопрос может быть получен только в серьезном психологическом исследовании»²²⁸. Как следует из приведенных нами результатов, одним из таких факторов могут являться особенности индивидуальной ценностной системы. Несмотря на умеренность различий между ценностными типами, полученные данные отражают устойчивую тенденцию: самым нормативно обусловленным является экономическое поведение индивидуализирующегося типа, соответствующего наиболее высокому уровню морального развития, самым свободным от нормативных ограничений – экономическое поведение адаптирующегося типа.

Рассмотренные способы материального самообеспечения являются индивидуальными средствами реализации жизненных целей молодежи, которые, являясь в наибольшей степени ценностно детерминированными, закономерно обнаружили в нашем исследовании наиболее яркие различия между описываемыми ценностными типами (табл. 64).

Как видно из приведенных результатов, молодежь в целом имеет весьма прагматические, «приземленные» жизненные цели. В то же время описываемые ценностные типы демонстрируют по существу различные жизненные и экономические стратегии: адаптирующийся тип ориентирован на высокий доход, карьеру и создание семьи; социализирующийся – на высокий доход, карьеру и образование; индивидуализирующийся – на образование, самосовершенствование и творчество, при этом высокий доход, являющийся наиболее значимым для остальных, занимает среди их приоритетов лишь пятое место. Таким образом, жизненные и экономические стратегии молодежи связаны с особенностями системы ценностных ориентаций. Конкретные особенности этой взаимосвязи анализировались, в частности, в дис-

²²⁸ Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д., Иванова Е.А. Человек и собственность. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – С. 309.

Т а б л и ц а 64

**Жизненные цели рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных,
n = 2009)**

Жизненная цель	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	(n = 552)	(n = 982)	(n = 63)	(n = 412)	
Высокий доход	36,4	30,6	18,6	27,8	А–С; А–И; А–П; С–И А–И; С–И; И–П
Карьерный рост	28,8	30,5	16,9	28,5	
Образование	19,3	29,9	30,5	28,0	
Личная жизнь	22,9	26,7	20,0	19,9	
Семья, дети	25,8	19,9	15,3	19,4	А–С; А–И; А–П А–С; С–П А–С; А–И; А–П
Квартира, машина	18,6	17,5	11,9	15,9	
Профессиональные на- выки	9,1	9,9	8,5	9,9	
Самосовершенствование	7,6	9,0	22,0	12,2	
Личная независимость	8,0	7,2	11,9	10,9	А–И; А–П; С–И; С–П; И–П А–С; А–И; С–И; С–П; П–И
Улучшение здоровья	7,8	3,7	0,0	5,7	
Отдых	4,8	3,9	11,9	7,2	
Творчество	1,5	1,4	20,3	5,5	

сертационном исследовании М.А. Ляховой. Согласно ее результатам, основные жизненные стратегии студентов вуза различаются содержанием их ценностных компонентов: фаталистический тип характеризуется дефицитарными ценностями; конформистский тип – ценностями социализации; целеустремленный тип – ценностями самореализации²²⁹. Закономерно, что подобные различия в жизненных стратегиях проявляются в описанных выше формах и результатах экономического поведения молодежи.

Очевидно, что отношение к деньгам является значимым проявлением ценностных различий – из таблицы видно, что чем

²²⁹ Ляхова М.А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Кемерово, 2011. – 22 с.

выше уровень развития системы ценностей, тем ниже значимость высоких доходов как самостоятельной жизненной цели. Однако деньги могут выступать и инструментальной ценностью, средством осуществления иных целей. Вообще, понятие «деньги» имеет для человека многозначную смысловую нагрузку.

Как показывает Т. Тэнг, установки по отношению к деньгам представляют собой сложную систему и включают аффективный (ассоциирование с добром либо со злом), когнитивный (связь денег с достижениями, уважением, свободой) и поведенческий компоненты. Он обнаружил, что установки по отношению к деньгам зависят от ценностей человека: так, люди с положительным отношением к деньгам оказывали сильное предпочтение экономическим и политическим ценностям по сравнению с религиозными²³⁰.

В зависимости от того, насколько люди удовлетворены тем, как они поддерживают свое финансовое положение, насколько оно беспокоит их, ассоциируются ли у них деньги со страхами и тревогами, В.Д. Рубинштейн выделяет тех, кому «хватает денег» (весьма или умеренно довольных своим финансовым положением), неопределенных и тех, кому «не хватает денег» (недовольных или сильно недовольных своим финансовым положением)²³¹. Те, кому «хватает денег», сами управляют деньгами, а не позволяют им управлять собой. Напротив, те, кому «не хватает денег», склонны совершать покупки в долг, такие люди также чаще характеризуются наличием невротических расстройств.

Н. Форман на основании различий в отношении денег выделяет пять невротических типов: «скряга», «расточитель», «магнат», «охотник за скидками», «азартный игрок». Все эти типы характеризуются как патологические, а их отношение к деньгам рассматривается как обусловленное неразрешимым конфликтом, связанным со страхом и тревогой. В дальнейшем им был создан специальный диагностический опросник с аналогичными шкалами. А. Фернхем осуществил эмпирическую проверку типологии Н. Формана, в рамках которой были обнаружены корреляции оценок по всем пяти шкалам с некоторыми ценностными предпочтениями. Несмотря на эти и другие отдельные выявленные факты, сам А. Фернхем констатирует немногочислен-

²³⁰ Tang T. The development of a short money ethic scale // *Personality and Individual Differences*. — 1995. — N 19. — P. 809–816.

²³¹ Фенько А.Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // *Психол. журн.* — 2000. — Т. 21, № 1. — С. 50–62.

ность данных, касающихся влияния индивидуальных различий на убеждения и поведение, имеющие отношение к деньгам²³².

В работе С.И. Ериной и А.В. Суптеля предпринята попытка построения типологии отношения к деньгам на основе факторизации значимости ценностных ориентаций, а также предпочтения тех или иных способов достижения жизненного успеха. Авторами получено семь факторов, представляющих соответствующие психологические типы: «признание власти денег», «деньги как источник благосостояния и удовольствий», «скудость», «признание ценности денег в обществе при личном неуважении к ним», «прагматизм, расчетливость», «рассудочная финансовая политика», «принятие честных денег как единственно возможного источника доходов». Выделенные группы продемонстрировали различное отношение к деньгам и способам их получения²³³.

Н.А. Журавлева, выделяющая на основании кластерного анализа пять типов ценностной направленности личности (ориентирующихся, соответственно, на межличностные отношения, на ближайшее социальное окружение, на самоутверждение, на достижение материального благополучия семьи, на достижение высокого уровня собственного материального благосостояния), также обнаружила различия между ними по ценностному, мотивационному и эмоциональному компонентам отношения к деньгам, а также по социальным представлениям о роли и функции денег в жизни²³⁴.

Отношение к деньгам рассматривалось также в зависимости от уровня личностного развития. Так, М.Ю. Семенов в своей работе изучал особенности отношения к деньгам у лично-стно зрелых людей. Он определяет зрелую личность как «тип личности, образующийся в результате личностного роста и имеющий сформированное устойчивое единство личностных черт и ценностных ориентаций, развитое нравственное сознание, сложившуюся мотивационно-потребностную сферу, где доминируют

²³² Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. — СПб.: Питер, 2001. — С. 297–303.

²³³ Ерина С.И., Суптеля А.В. Исследование особенностей морального сознания современной молодежи (на примере отношения к деньгам)... — С. 187–190.

²³⁴ Журавлева Н.А. Отношение к деньгам личности с разным типом ценностных ориентаций // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: мат. участников съезда. Т. II. — М.: Российское психологическое общество, 2012. — С. 187.

высшие духовные потребности»²³⁵. Специфика отношения к деньгам у таких личностно зрелых людей проявляется в социальных установках, мотивах использования денег, денежных потребностях и степени их удовлетворения. У них существенно ниже ценность денег, деньги воспринимаются, скорее, инструментально, наряду с такими средствами, как время, знания, опыт и т.п. Отсутствие денег воспринимается ими как неприятность, которая побуждает к действиям, но не вызывает сильные негативные эмоции. Личностно зрелые люди ведут контроль над своими финансами, у них преобладают установки на рациональное потребительское поведение и они более склонны помогать другим. Мотивами расходования денег у таких людей в большей степени служат самореализация, творчество, познание, саморазвитие.

При изучении монетарных установок описываемых нами ценностных типов выявлены существенные различия как в эмоциональном, так и в когнитивном отношении²³⁶. В этом исследовании с использованием опросника «Эмоциональные различия в реакциях на деньги» В.Д. Рубинштейн и «Шкалы денежной этики» Т. Тэнга приняли участие 60 человек. К адаптируемому типу отнесены 48 % респондентов, к социализирующемуся – 30 %, к индивидуализирующемуся – 9 % и к промежуточному – 13,3 %. Отношение к деньгам промежуточного типа в этом исследовании не анализировалось.

По методике В.Д. Рубинштейн были получены данные, свидетельствующие о различиях между описываемыми ценностными типами в эмоциональных реакциях на деньги (табл. 65). Наиболее часто деньги ассоциируются с тревогой, причем резкое преобладание такой эмоциональной реакции носит инвариантный характер. Психоаналитическая традиция связывает подобную тревогу с потерей ощущения контроля, с поведением, которое перестает контролироваться наличием денег при резком улучшении материального положения²³⁷. Очевидно однако, что в нашей ситуации тревога с большей вероятностью может быть обусловлена не избытком, а нехваткой денег, проявляющейся озабоченностью за элементарное выживание. Это косвенно под-

²³⁵ Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: автореф. дис... канд. психол. наук. — Ярославль, 2004. — 20 с.

²³⁶ Семенова С.В. Особенности отношения к деньгам людей разных ценностных типов: дипломная работа. — Кемерово, 2006. — 60 с.

²³⁷ Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение... — С. 300.

Т а б л и ц а 65

Эмоциональные реакции на деньги рассматриваемых ценностных типов по методике В.Д. Рубинштейн (% от числа опрошенных, $n = 60$)

Эмоциональная ассоциация	Ценностный тип		
	А	С	И
	($n = 29$)	($n = 18$)	($n = 5$)
Тревога	65,5	61,1	100
Депрессия	3,4	0	0
Безнадежность	6,9	5,6	0
Счастье	10,3	16,7	40
Возбуждение	34,5	11,1	20
Зависть	6,9	5,6	0
Негодование	6,9	0	0
Вина	13,8	5,6	0
Паника	3,4	22,2	0
Сомнения	41,4	27,8	0
Печаль	3,4	16,7	40
Уважение	17,2	11,1	0
Безразличие	13,8	0	40
Стыд	10,3	11,1	0
Любовь	20,7	11,1	20
Ненависть	6,9	11,1	0
Злоба	0	5,6	40
Почтение	17,2	27,8	0

тверждается полным отсутствием ассоциирования денег с такими эмоциями, как гнев и страх, тесно связанными с тревогой в западных исследованиях. Другими общими для всех ценностных типов являются такие эмоциональные реакции, как счастье, возбуждение, любовь, печаль. Однако их частота весьма неодинакова.

У представителей адаптирующегося типа наиболее частыми ассоциациями, связанными с деньгами, являются сомнение и возбуждение. Доминирующими эмоциональными реакциями социализирующегося ценностного типа является почтение и паника. Эмоциональные реакции индивидуализирующегося типа также характеризуются определенной амбивалентностью: от счастья до печали и безразличия.

Наряду с различиями эмоциональных реакций обнаружены и особенности когнитивного отношения к деньгам по шкале Т. Тэнга (табл. 66). Как и эмоциональные реакции, монетарные аттитуды адаптирующегося и социализирующегося типов практически совпадают. Специфичной для респондентов этих типов оказывается тенденция ассоциировать деньги с понятием

Т а б л и ц а 66

Особенности когнитивного отношения к деньгам рассматриваемых ценностных типов по шкале Т. Тэнга (% от числа опрошенных, $n = 60$)

Когнитивный фактор	Ценностный тип		
	А	С	И
	($n = 29$)	($n = 18$)	($n = 5$)
Добро (благо)	36,2	32,9	39,0
Зло	6,9	8,3	9,0
Достижения	10,3	10,0	20,0
Уважение (самооценка)	4,3	2,8	25,0
Бюджет	29,6	26,2	0,0
Свобода (власть)	40,5	32,8	61,6

добра и бюджетом. Отличительной особенностью респондентов индивидуализирующегося типа является, напротив, отсутствие озабоченности бюджетом. Максимальное число ассоциаций с деньгами у ориентирующихся на ценности индивидуализации связано со свободой. В отличие от представителей адаптирующегося и социализирующегося типов, отнесенные к индивидуализирующемуся типу чаще проводят параллель между деньгами и достижениями, а также самоуважением. Выявленные особенности отношения к деньгам вполне согласуются с общей характеристикой индивидуализирующегося типа, отличающегося ориентацией на такие ценности, как свобода и самореализация.

Итак, приведенные социально-психологические характеристики еще раз подтверждают уровневый характер ценностной структуры массового сознания молодежи, где наиболее низкому уровню развития соответствует система ценностей адаптирующегося типа, а наиболее высокому – индивидуализирующегося типа. Характеризуемые ценностные типы обнаружили различия на уровне жизненных целей и экономических стратегий, способов и результатах их реализации. Соответственно, особенности системы ценностных ориентаций выступают психологической детерминантой экономического поведения. Достигнутый в итоге того или иного экономического поведения уровень материального благополучия, вероятно, также определяет дальнейшее формирование индивидуальной ценностной системы в период взрослости и тем самым создает предпосылки для усвоения соответствующих ценностей в процессе экономической социализации следующего поколения.

Г л а в а 8

ЦЕННОСТНЫЕ И МАССОВО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Средства массовой коммуникации (СМК) традиционно рассматриваются в качестве одного из основных «трансляторов социального опыта», важнейшего (наряду с семьей и школой) института социализации, посредством которого ценности того или иного общества передаются личности. В последние десятилетия влияние социокультурной среды на формирование системы ценностей индивида опосредуется средствами массовой информации все в большей степени. В работах К. Ховланда, А. Маслоу, Г. Оллпорта, Ю.А. Шерковина, А.В. Шарикова и Э.А. Барановой рассматриваются вопросы, связанные с влиянием на формирование системы ценностей личности электронных СМИ – телевидения, радио и интернета. Особый акцент при этом делается на пассивности и некритичности принятия личностью ценностей так называемой «массовой культуры». Так, в необиористской модели «убеждающей коммуникации» К. Ховланда ценности и социальные установки аудитории являются производными от СМК, «приобретенной реакцией» на воздействие «убеждающего сообщения», выступающего в качестве внешнего стимула.

Во многих современных отечественных публикациях акцент делается на целенаправленности воздействия СМК на массовое сознание, осуществляемого в интересах правящих кругов США, финансовой олигархии, «медиократии», «мировой закулисы» и тому подобных акторов²³⁸. Так, например, Р.Р. Тотров, которого вполне можно отнести к сторонникам теории заговора, пишет о «информационно-финансовом тоталитаризме», «информационном терроре», имеющих целью умышленное разрушение традиционных ценностей и насаждение бездуховности «в

²³⁸ См., например: *Немировский В.Г.* Тайные общества и заговорщики. Куда они ведут Россию? – СПб.: ПИТЕР, 2007. – 256 с.; *Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Научный эксперт, 2009. – 424 с.

колонизируемой постсоветской России». По его словам, «социально-политической проекцией усиленно пропагандируемых и у нас, и в США неототалитарных ценностных ориентиров являются голый материализм, бездуховность, индивидуализм и эгоизм, блокирующие формирование коллективных форм сознания»²³⁹. Согласно другому аналогичному высказыванию, «запущены стратегии “социальной вирусологии”, направленные на подмену базовых ценностей русского народа и России как общинной, евразийской цивилизации – ценности коллективизма, общинности, соборности, любви, всечеловечности, патриотизма, примата духовности над материальным, социальной справедливости, правды, семьи, дружбы народов и т.п. – на “фальшивые ценности” Запада – на эгоизм, индивидуализм, себялюбие, личную наживу, “монетарные ценности”»²⁴⁰.

Однако эти и подобные безапелляционные утверждения по крайней мере отчасти опровергаются широко известными и многочисленными социологическими исследованиями, которые регулярно проводятся Р. Инглхартом и его последователями на протяжении нескольких десятилетий. Согласно их данным, западные общества, в отличие от России, все более отчетливо ориентируются на «постматериалистические» ценности, т.е. на социальные ценности и ценности самоактуализации. Распространенное, но не слишком соответствующее действительности противопоставление «материалистичности» Запада и «духовности» России носит, вероятно, защитный, компенсаторный характер.

В серьезных научных исследованиях, в частности, в работах Т.В. Науменко, ценностные предпочтения массового сознания также рассматриваются в контексте их сформированности СМК, направленность воздействия которых, в свою очередь, определяется как интересами тех или иных социальных групп, так и ценностями их владельцев. Как пишет автор, «массовая коммуникация выступает основным орудием, посредством которого группы, партии и различные объединения как субъекты социальных интересов имеют возможность внедрять собственные оценки актуальных событий, явлений и процессов в массовое сознание, пытаясь сформировать таким образом общественное мнение и направить активность масс в необходимом для субъектов направлении. Оценки субъектов социальных интере-

²³⁹ *Тотров Р.Р.* Масс-медиа и массовое сознание // Дарьял: журнал // http://www.darial-online.ru/2001_5/totrov.shtml

²⁴⁰ *Субетто А.И.* Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?). – СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 148 с.

сов, существующие как выражение систем ценностей последних, являются основными в определении содержания деятельности массовой коммуникации, в которую, тем не менее, включены и оказывают определенное воздействие на формирование конечного результата оценки субъектов других деятельностных рядов. Таковыми выступают, во-первых, владельцы тех или иных средств массовой коммуникации. Ценности владельцев, детерминирующие их цели, реализующиеся в процессе деятельности СМК, во многих случаях определяются коммерческими интересами²⁴¹. Таким образом, формирование ценностей массовой аудитории оказывается подчиненным интересам получения прибыли.

В качестве конкретных технологий формирования ценностных ориентаций посредством СМК используются различные приемы и методы воздействия на аудиторию, в частности – манипуляция, определяемая как «вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий»²⁴². Манипулятивное психологическое воздействие на личность, на ее ценностные представления, а также на групповое и массовое сознание принято определять как «инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения индивидуальных и социальных субъектов к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих эти воздействия»²⁴³.

Д.В. Ольшанский выделяет следующие приемы такого психологического давления: многократное повторение одного и того же логического тезиса, ссылки на авторитеты в сочетании с различными спекуляциями (начиная от искажения цитат и кончая ссылками на несуществующие источники); манипуляция («игра») цифрами и фактами для создания видимости объективности и точности; тенденциозный подбор иллюстративного материала с упором на эффект «драматизирующего воздействия»; устрашающие «наглядные иллюстрации» пропагандистских взглядов и

²⁴¹ Науменко Т.В. Ценности и их роль в деятельности массовой коммуникации // Интелрос: журнальный клуб // http://www.intelros.ru/2007/08/20/tv_naumenko_cennosti_i_ikh_rol_v_deyatelnosti_massovoj_kommunikacii.html

²⁴² Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия // Психол. журн. – 1993. – № 4. – С. 137.

²⁴³ Проблемы информационно-психологической безопасности / под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – 100 с.

позиций и другие аналогичные приемы, рассчитанные на создание эмоционального дискомфорта и нейтрализацию способности человека рационально оценивать предоставляемую информацию²⁴⁴.

В социальной психологии информацию, передаваемую от человека к человеку, классифицируют с точки зрения меры активности позиции коммуникатора, различая в ней сообщение, убеждение и внушение. Собственно сообщение подразумевает простое информирование, при котором возможное воздействие и его направленность ограничиваются выбором коммуникатором той или иной информации, ее акцентированием либо замалчиванием.

Внушение (суггестия) представляет собой целенаправленное, неаргументированное воздействие одного человека на другого или на группу. При внушении осуществляется процесс передачи информации, основанный на ее некритическом восприятии. Предполагается, что человек, принимающий информацию, в случае внушения не способен на ее критическую оценку²⁴⁵. Соответственно, внушение в психологии определяется как «процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта»²⁴⁶. Тем самым условием внушения выступает снижение способности субъекта к сознательному волевому контролю своих действий и осознанию их последствий.

Под убеждением понимают «метод воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению». Основу метода убеждения составляет отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче²⁴⁷. Г.М. Андреева, обобщая имеющиеся психологические подходы, четко делит понятия внушения и убеждения. Внушение, по ее определению, отличается от убеждения тем, что непосредственно вызывает определенное

²⁴⁴ *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 496 с.

²⁴⁵ *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. — М.: Аспект Пресс, 1997. — С. 178.

²⁴⁶ Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. — М.: Политиздат, 1990. — С. 57.

²⁴⁷ Там же. — С. 413.

психическое состояние, не нуждаясь в доказательствах и логике. Убеждение, напротив, построено на том, чтобы с помощью логического обоснования добиться согласия от человека, принимающего информацию. При внушении же достигается не согласие, а просто принятие информации, основанное на готовом выводе, в то время как в случае убеждения вывод должен быть сделан принимающим информацию самостоятельно. Поэтому убеждение представляет собой преимущественно интеллектуальное, а внушение – преимущественно эмоционально-волевое воздействие²⁴⁸.

Как известно в психологии массовых коммуникаций, люди воспринимают одно и то же сообщение по-разному и реагируют на него различным образом. При этом, по данным В.Н. Куницыной, усваивается лишь та информация, которая соответствует мнению индивидуума. Всего лишь около 4 % людей (из тех, кто имел до этого противоположный взгляд) под влиянием пропаганды могут изменить свое мировоззрение и около 14 % из тех, кто занимал нейтральную позицию²⁴⁹. Тем не менее тот факт, что эффекты от воздействия масс-медиа могут оказаться неединообразными, не снижает их принципиального значения – СМК могут выступать средством изменения ценностных предпочтений массового сознания. Однако, как показано в исследовании М.О. Мдивани и Э.В. Лидской²⁵⁰, информационная среда все же воздействует скорее на более лабильные внешние стереотипы поведения, чем на ценностные ориентации, являющиеся более ригидными образованиями.

Очевидно, что рассматривать причинно-следственные отношения между ценностями, транслируемыми СМК, и ценностными ориентациями потребителя информации как односторонние, где последний выступает исключительно в качестве пассивного реципиента, правомерно только применительно к тоталитарному обществу, при отсутствии свободы СМК. Как пишет Г.М. Андреева, сегодня и в нашей стране «для рядового потребителя информации открылась возможность совершать выбор предпочитаемой картины мира: либо принять то, что предлагают СМИ (зачастую по-разному в разных программах!), либо

²⁴⁸ Андреева Г.М. Социальная психология... – С. 179.

²⁴⁹ Куницына В.Н. Человек в мире информации // Социальная психология личности. – Л.: Знание, 1974. – С. 150–163.

²⁵⁰ Мдивани М.О., Лидская Э.В. Влияние информационной среды на социализацию // Психология и практика. Ежегодник РПО. – Т. 4, вып. 1. – Ярославль, 1998. – С. 117–120.

отвергнуть предложенные представления. При всех условиях возникает необходимость совершить выбор»²⁵¹.

Сказанное определяет активную роль аудитории во взаимодействии ценностными предпочтениями со СМК. Согласно представителям концепции «использования и удовлетворения» (Дж. Блумер, Э. Кац, А.М. Рубин), человек сам выбирает СМК, отвечающее его ценностям и потребностям, создавая спрос, который удовлетворяется подстраивающимся под потребителя рынком информационных услуг. Сторонники этой концепции полагают, что «скорее люди приспосабливают средства массовой коммуникации к своим потребностям, чем средства массовой коммуникации подчиняют себе людей»²⁵².

По нашему мнению, современные СМК не столько формируют, сколько лишь закрепляют ценностные предпочтения, поскольку неограниченный сегодня выбор канала получения, формы и содержания информации обусловлен уже имеющимися ценностями. Тем не менее такое «закрепление» может способствовать фиксации на определенном уровне развития ценностной системы. В этом смысле можно говорить о двусторонней взаимосвязи ценностных и массово-коммуникационных ориентаций.

Очевидно, что особенности индивидуальной ценностной иерархии определяют специфику удовлетворения информационных, культурных, развлекательных потребностей, посредством выбора СМК, наиболее отвечающих собственным ценностным ориентациям. В этой связи нами исследовались особенности массово-коммуникационных предпочтений в зависимости от типа системы ценностных ориентаций личности.

В исследовании 2006–2007 гг. анализировались общие массово-коммуникационные предпочтения рассматриваемых ценностных типов, которые оценивались по регулярности обращения к печатным изданиям, телевидению и интернету (табл. 67–69). Как видно из приведенных результатов, наиболее популярным СМК остается телевидение, затем идут печатные издания и только после них – Интернет. Указанная тенденция оказыва-

²⁵¹ Андреева Г.М. Трудности социального познания: «образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире: учебное пособие для вузов / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 194.

²⁵² Цит. по: Богомолова Н.Н. Эффективность массовой коммуникации: смена подходов // Социальная психология в современном мире: учебное пособие для вузов / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 225.

Т а б л и ц а 67

**Регулярность чтения печатных изданий рассматриваемыми ценностными типами
(% от числа опрошенных, $n = 2009$)**

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Регулярно	19,6	15,8	21,4	23,3	18,6
Достаточно часто	17,9	20,4	30,4	26,2	21,2
Иногда	31,0	32,8	33,9	28,2	31,4
Достаточно редко	15,8	14,4	8,9	10,8	13,9
Практически никогда	15,8	16,5	5,4	11,5	14,9

Пр и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и П ($\alpha < 0,005$); С и П ($\alpha < 0,001$).

ется общей для ориентирующихся на ценности адаптации и социализации, а также для «не определившихся» в ценностном отношении, предпочитающих «визуальный» канал получения информации. Однако представители индивидуализирующегося типа демонстрируют явные отличия массово-коммуникационных предпочтений: они заметно чаще всех остальных читают и пользуются Интернетом, т.е. используют «текстовые» технологии получения информации, и, напротив, существенно реже отнесенные к остальным типам смотрят телевизионные передачи. Таким образом, для них чаще свойственно предпочтение СМК, дающих возможность большей самостоятельности в выборе направленности и характера потребляемой информации.

Анализ конкретных массово-коммуникационных предпочтений осуществлялся нами на основе результатов опроса обще-

Т а б л и ц а 68

**Регулярность просмотра телепередач рассматриваемыми ценностными типами
(% от числа опрошенных, $n = 2009$)**

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Регулярно	34,8	32,9	20,7	31,6	32,8
Достаточно часто	33,3	34,6	32,8	35,1	34,3
Иногда	20,7	19,7	27,6	19,1	20,1
Достаточно редко	6,8	8,8	6,9	9,7	8,4
Практически никогда	4,4	3,9	12,1	4,6	4,4

Т а б л и ц а 69

**Регулярность пользования Интернетом рассматриваемыми ценностными типами
(% от числа опрошенных, $n = 2009$)**

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 2009$)
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	
Регулярно	13,8	11,9	15,8	19,3	14,1
Достаточно часто	15,4	18,7	31,6	17,8	18,0
Иногда	27,3	28,3	21,1	28,7	27,9
Достаточно редко	11,7	14,6	15,8	15,0	14,0
Практически никогда	31,7	26,4	15,8	19,3	26,1

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и И ($\alpha < 0,05$); А и П ($\alpha < 0,005$).

ственного мнения взрослого населения г. Кемерово 2001 г. Данный опрос проводился методом уличного интервью по представительной квотной выборке. В исследовании приняло участие 954 респондента, что позволяет считать результаты репрезентативными с ошибкой не более 4 % при доверительной вероятности 96 %²⁵³. Для выявления предпочтений конкретных СМК нами разработана специальная анкета, которая включала открытые вопросы о печатных изданиях, радиопрограммах и телепередачах, которые соответственно читают, слушают и смотрят респонденты. В каждом случае можно было указывать неограниченное количество названий.

Конкретные СМК и отдельные программы, названные респондентами, были объединены в крупные блоки (информационные, развлекательные и т.п.). Зависимость частоты упоминаний СМК, отнесенных к тем или иным блокам, от типа системы ценностных ориентаций приведена в табл. 70. Поскольку респонденты могли называть одновременно несколько СМК, частота упоминания может превышать 100 %.

К аналитическим печатным СМИ мы условно отнесли такие издания, как «Коммерсант», «Аргументы и факты», «Деньги» и т.п.; к информационным – «Комсомольскую правду», «МК», «Российскую газету», «Труд», а также периодические местные издания: «Кузбасс», «Кузнецкий Край», «Наша газета» и др.; к развлекательным – «Спид-Инфо», «Космополитен», «Лиза»,

²⁵³ Яницкий М.С. Особенности массово-коммуникационных предпочтений в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы // Вестн. Кемеровского государственного университета. – 2005. – № 2 (22). – С. 195–198.

Т а б л и ц а 70

Предпочтения печатных изданий, радиопрограмм и телепередач рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных, $n = 954$)

Названное издание, программа и передача	Ценностный тип			Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	
	($n = 420$)	($n = 277$)	($n = 38$)	
<i>Печатные издания</i>				
Аналитические	13,9	12,7	20,0	А–И; С–И А–С; С–И А–С; А–И; С–И А–С
Информационные	66,5	63,2	105,8	
Развлекательные	37,6	108,8	34,4	
Объявления и ТВ-программы	41,1	28,8	14,4	
Не читают никаких газет	21,7	12,7	11,4	
<i>Радиопрограммы</i>				
Информационные	40,9	23,2	41,7	А–С; С–И А–С; А–И; С–И А–С; А–И
Музыкальные	67,2	121,7	83,3	
Не слушают никаких радио- программ	26,9	16,0	13,9	
<i>Телепередачи</i>				
Новости	132,5	111,6	116,8	А–И; С–И
Художественные фильмы	20,6	21,7	33,3	
Сериалы	13,6	10,1	5,6	А–И; С–И
Ток-шоу	54,3	48,5	30,6	
Спорт	3,2	5,2	2,8	
Не смотрят никаких телепередач	6,8	6,0	5,6	

«С тобой» и т.п. Отдельно рассматривались периодические рекламные издания, газеты частных объявлений и ТВ-программ.

Как следует из результатов исследования, информационно-аналитические издания в наибольшей степени востребованы представителями индивидуализирующегося типа, развлекательные – социализирующегося, а объявления и ТВ-программы – адаптирующегося. При этом направленность издания является более важным фактором выбора, чем стиль или уровень изложения. Так, «Московский комсомолец», часто рассматриваемый в качестве типичного представителя «желтой» прессы, читают 34,3 % респондентов, отнесенных к индивидуализирующемуся типу, и только 13,1 и 8,3 % – отнесенных соответственно к социализирующемуся и адаптирующемуся типам. Тем самым различия в значимости ценностей (например, развлечений или информации) в индивидуальной иерархии определяют выбор предпочитаемой направленности печатного СМИ, при этом

форма удовлетворения потребности в развлечениях или информации оказывается не столь важной.

При предложении назвать передачи, которые респондент слушает по радио, чаще всего указывались просто названия радиостанций. Такие станции, как «Эхо Москвы», «Маяк», «Радио России», были обозначены нами как преимущественно информационные, а «Европа плюс», «Русское радио», «Радио Шансон» и т.п. – как преимущественно музыкальные. Аудитория музыкальных радиостанций в большей степени ориентируется на ценности социализации. Информационные станции чаще слушают респонденты, ориентирующиеся на ценности адаптации или индивидуализации. При этом респонденты, отнесенные к адаптирующемуся типу, самому «бедному» и самому «пожилому» по социально-демографическим характеристикам, получают информацию преимущественно посредством «проводного» радио; а респонденты, отнесенные к индивидуализирующемуся типу, полярные по уровню дохода и возрасту, – посредством таких FM-станций, как «Эхо Москвы». Вкусовые предпочтения здесь опять же не определяются типом ценностных ориентаций – так, «Радио Шансон» имеет практически одинаковую аудиторию среди представителей всех ценностных типов (5–6 %). Некоторым исключением здесь является «Русское радио», которое слушает 41,8 % представителей социализирующегося, 23,5 % адаптирующегося и только 11,1 % индивидуализирующегося типа.

Среди более чем 150-ти названных телевизионных передач мы выделили такие блоки, как новости, художественные фильмы, сериалы, ток-шоу и спортивные программы. Опрос показал, что новости чаще смотрят отнесенные к адаптирующемуся типу, при этом индивидуализирующийся и адаптирующийся типы отдают предпочтение разным новостным передачам: первые чаще смотрят центральные новости, вторые – местные. Ток-шоу и сериалы также в наибольшей степени востребованы представителями адаптирующегося типа, художественные фильмы, напротив, чаще упоминают отнесенные к индивидуализирующему типу. Таким образом, аудитории телесериалов и художественных фильмов имеют прямо противоположную ценностную структуру. Спортивным передачам несколько чаще отдают предпочтение ориентирующиеся на ценности социализации. Следует отметить неожиданно низкий общий процент назвавших спортивные передачи. Можно предположить, что их аудитория не является постоянной и может существенно возрастать за счет телевизионных болельщиков во время значимых матчей и чемпионатов.

Анализируя массово-коммуникационные предпочтения рассматриваемых ценностных типов в целом, следует особо отметить существенные различия в доле «отказывающихся» от услуг СМК, имеющей обратную зависимость от уровня развития ценностных ориентаций – наибольший процент ничего не читающих, не слушающих и не смотрящих обнаруживается среди адаптирующегося типа. Такого рода «бойкот» принято рассматривать как защитную реакцию, возникающую под влиянием интенсивной манипулирующей информации. Однако подобный защитный механизм является неэффективным и может приводить к обратному результату. Как совершенно справедливо отмечает А.В. Шубин, «попытка просто отгородиться от телеинформации приводит к той же дезориентации в современности, нехватке полезной информации и в конечном итоге превращению в жертву манипуляции “по незнанию”. Человек может освободиться от манипулирования только в поиске информации, только будучи исследователем»²⁵⁴. В нашем случае наиболее «исследовательским» оказывается индивидуализирующийся тип.

Особого рассмотрения в данном контексте заслуживает возможность использования стремительно распространяющегося в постмодернистском обществе двустороннего СМК – сети Интернет. Как отмечает О.А. Васильева, «социально-информационное неравенство, которое характеризует современное российское общество, одновременно является и причиной, и следствием ценностно-нормативного раскола в массовом сознании россиян. Люди, имеющие доступ к различным источникам информации и обладающие навыками ее адекватного использования: умеющие сопоставлять, сравнивать, делать выводы об истоках и предпосылках трактовок окружающей действительности разными субъектами информационного пространства, входят в так называемую информационную элиту. Основными ценностями информационной элиты являются знания и умения по использованию информации, полученной благодаря образованию и новым технологиям»²⁵⁵.

Однако Интернет выступает не только источником информации, но и важным средством общения, т.е. выполняет одно-

²⁵⁴ Шубин А.В. Средства массовой информации: информирование и манипулирование // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 165–202.

²⁵⁵ Васильева О.А. Факторы развития информационного общества в России, определяющие ценностную структуру массового сознания // Смыслография: аналитическое агентство // <http://lfr.s-graph.ru/web/ru/publications/-/view-content/12483>

временно и информационную, и коммуникационную функции. Так, в исследовании Н.Г. Беляевой преобладающая часть опрошенных (89 %) ответили, что рассматривают Интернет прежде всего как источник информации, вторая по численности часть респондентов (31,5 %) используют его для общения²⁵⁶. В исследовании особенностей деятельности в сети Интернет, выполненном с использованием нашей методики, выявлены аналогичные закономерности²⁵⁷. В описываемом исследовании приняло участие 82 человека в возрасте от 18 до 60 лет – 36 % мужчин и 64 % женщин. По типу ценностной системы выборка разделилась следующим образом: адаптирующийся тип – 19,5 %, социализирующийся – 29,3 %, индивидуализирующийся – 12,3 %, промежуточный – 39,0 %.

В данном случае получение информации и общение также оказались основными видами деятельности, осуществляемыми в сети Интернет, однако основные ценностные типы обнаружили здесь определенные различия в их приоритетности (табл. 71). Если для представителей промежуточного и адаптирующегося типов эти два вида деятельности имеют одинаковую важность, то по мере развития ценностной системы значимость Интернета как средства получения информации увеличивается, а как средства общения – уменьшается. Отмеченная тенденция может определяться предпочтением «живого», не опосредованного информационными технологиями общения, и его большей удовлетворенностью у ориентирующихся на ценности индиви-

Т а б л и ц а 71

Основные виды деятельности рассматриваемых ценностных типов в Интернете
(% от числа опрошенных, $n = 82$)

Вид деятельности	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 16$)	($n = 24$)	($n = 10$)	($n = 32$)
Познание нового (поиск информации, ответов на свои вопросы)	68,8	70,8	90,0	78,1
Дружеское общение (социальные сети, форумы, чаты, сетевые игры и т.д.)	68,8	62,5	60,0	78,1

²⁵⁶ Беляева Н.Г. Молодежь в информационном пространстве: чтение и цифровая среда (на примере студенчества Орловской области) // Библиотековедение. – 2009. – № 4. – С. 43–44.

²⁵⁷ Аппязова В.Б. Взаимосвязь ценностных ориентаций личности и коммуникативных предпочтений пользователей сети Интернет: дипломная работа. – Кемерово, 2011. – 81 с.

Т а б л и ц а 72

Предпочтения Интернет-ресурсов рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных, $n = 82$)

Вид Интернет-ресурса	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 16$)	($n = 24$)	($n = 10$)	($n = 32$)
Развлечения (игры, юмор, гороскопы и др.)	50,0	37,5	30,0	37,5
СМИ (новости, газеты, ТВ и др.)	62,5	50,0	70,0	53,1
Дом (семья, здоровье, красота, квартира и др.)	18,8	33,3	20,0	31,3
Hi-Tech (компьютеры, интернет, мобильники и др.)	31,3	20,8	20,0	18,8
Отдых (афиша, туризм, хобби и др.)	31,3	29,2	40,0	31,3
Справки (адреса, транспорт, карты, словари и др.)	18,8	62,5	30,0	40,6
Работа (вакансии, трудоустройство и др.)	6,3	29,2	20,0	18,8
Производство (машиностроение, агропром, оборудование и др.)	12,5	4,2	0,0	6,3
Спорт (футбол, хоккей, спортивная пресса и др.)	12,5	12,5	10,0	6,3
Общество (власть, законы, религия и др.)	18,8	20,8	20,0	18,8
Учеба (вузы, школа, рефераты, науки и др.)	6,3	29,2	50,0	37,5
Авто (продажа, запчасти, автолюбители и др.)	6,3	8,3	0,0	6,3
Флеш-игры (логика, стрелялки, аркады, стратегии и др.)	12,5	0,0	10,0	0,0
Порталы (региональные, городские и районные и др.)	31,3	16,7	0,0	21,9
Культура (музыка, кино, фото, литература и др.)	56,3	45,8	50,0	56,3
Бизнес (финансы, недвижимость, реклама и др.)	0,0	12,5	10,0	9,4

дуализации, что несколько дезактуализирует значимость «замещающих» форм межличностной коммуникации.

Характеризуемые нами ценностные типы продемонстрировали также особенности предпочтений в использовании ресурсов, предоставляющих различную информацию в сети Интернет (табл. 72). Так, ориентирующиеся на ценности адаптации чаще других выбирают развлекательные ресурсы и местные информационные порталы. Представители социализирующегося типа предпочитают справочные ресурсы, объявления, а также сайты, размещающую информацию о семье, доме, здоровье и красоте и т.п. Отнесенные к индивидуализирующемуся типу, наиболее интегрированные в сетевое пространство, чаще осталь-

Т а б л и ц а 73

Предпочтения видов новостей, узнаваемых через Интернет, рассматриваемых ценностных типов (% от числа опрошенных, $n = 82$)

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 16$)	($n = 24$)	($n = 10$)	($n = 32$)
Происшествия	56,3	58,3	20,0	21,9
Спорт	25,0	12,5	20,0	9,4
Культура	18,8	33,3	50,0	21,9
Экономика	18,8	29,2	10,0	31,3
Политика	25,0	29,2	20,0	21,9
Общество	43,8	37,5	40,0	43,8
Здоровье	25,0	29,2	0,0	28,1
Наука	18,8	8,3	30,0	21,9
Ni-Tech	25,0	20,8	30,0	18,8
Туризм	12,5	8,3	0,0	6,3
Интернет	6,3	4,2	10,0	15,6

ных обращаются к новостным и образовательным ресурсам, сайтам, специализирующимся на культурном и активном отдыхе, путешествиях и др. Промежуточный тип не обнаружил каких-либо специфических предпочтений в выборе информационных ресурсов.

Различия в структуре потребляемой информации были обнаружены и в предпочтениях видов новостей, узнаваемых через Интернет (табл. 73). Ориентирующихся на ценности адаптации и социализации больше всего интересуют различные происшествия, способы сохранения здоровья и общественно-политические новости. Для направленных на ценности индивидуализации, напротив, наиболее востребованными оказываются новости культуры, науки и высоких технологий.

Таким образом, описываемые ценностные типы имеют различные массово-коммуникационные предпочтения, особенности стратегии поиска информации и противостояния манипуляции. Различия в способах получения и в структуре потребления информации в совокупности определяют особенности формируемой картины мира, которые проявляются как в специфике ее содержания, так и в степени ее самостоятельности либо сформированности. В целом, более высокий уровень развития ценностной системы сопряжен с большей ориентацией на поиск и получение информации из разных источников с предпочтением таких СМК, которые дают возможность быть самостоятельным субъектом массовой коммуникации.

Г л а в а 9

ЦЕННОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Одной из форм массового сознания является политическое сознание – социально-психологические феномены, связанные с отношением человека к общественным институтам и к институтам власти. Эти отношения определяются тем, насколько власть соответствует ожиданиям, основанным на соответствующих социальных представлениях, под которыми, начиная с С. Московичи, понимаются обыденные представления какой-либо группы о различных социальных явлениях, способ интерпретации и осмысления повседневной реальности. Социальные представления тесно взаимосвязаны с оценкой тех или иных явлений на предмет их соответствия некоему идеальному образу, представлениям о должном. В качестве высших критериев для таких оценок выступают так называемые «ценности-представления». По словам А.Л. Андреева, «ценности в сочетании с определенными представлениями о свойствах окружающей действительности и связанными с этими свойствами ожиданиями <...> задают как бы общую модель ориентации человека в мире»²⁵⁸.

Очевидно, что существующие в массовом сознании социально-политические представления, в частности представления о власти и основанное на них отношение к власти, ценностно детерминированы. Так, Р. Инглхарт дает описание конкретных зависимостей между направленностью на ту или иную систему ценностей и особенностей отношения к власти. По его мнению, ориентации на «материалистические» ценности соответствуют потребность в сильных лидерах, приоритетность порядка, ксенофобия и фундаментализм, в то время как «постматериалистические» ценности предполагают меньшую значимость политического авторитета, падение уважения к власти, приоритетность личного политического участия и самовыражения. Соответственно, «сдвиг постмодерна привел к явственному умень-

²⁵⁸ Андреев А.Л. Политическая психология. — М.: Весь Мир, 2002. — С. 59–60.

шению значения, придаваемого любым формам власти и авторитета»²⁵⁹.

Помимо отношения к власти, содержанием политического сознания являются также предпочтения типа общественного устройства, социальных систем, распределения ответственности и т.д. К числу наиболее важных дифференцирующих характеристик политического сознания можно отнести ориентацию на авторитаризм либо демократию, а также на консерватизм либо радикализм, лежащие в основе двухмерной модели Г. Айзенка, в которой пересечение этих «психологической» и «политической» осей задает четыре типа «политического темперамента». Несомненно, что эти и другие характеристики, например приоритетность общественной либо частной собственности, общего рынка либо протекционизма, также определяются значимостью соответствующих политических ценностей, таких как свобода, равенство, справедливость, порядок, патриотизм, терпимость и т.п.

Как указывает Г.Г. Дилигенский, те или иные ценностные представления символизируют определенные типы политических ориентаций: например, «свобода» подразумевает экономический, моральный и культурный либерализм, минимальное вмешательство государства в жизнь граждан, ограничение запретов, а «равенство» – ограничение социального расслоения, активную регулирующую роль государства в экономике²⁶⁰. М. Рокич, говоря о ценностных основах идеологических убеждений, придавал месту свободы и равенства в системе ценностей личности наибольшее значение. При этом он основывался на традиционных представлениях, что коммунисты выступают за равенство без свободы, капиталисты – за свободу без равенства, социалисты – и за свободу, и за равенство, а фашисты не одобряют ни того, ни другого²⁶¹. В. Брейтвейт предложил изменить модель М. Рокича, заменив свободу и равенство такими «стержневыми» ценностями, как «национальная мощь и порядок» и «межнациональная гармония и равенство», направленность на которые, по его мнению, соответствует потребности в безопасности либо в гармонии. Исследования автора и его последова-

²⁵⁹ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества... – С. 6–32.

²⁶⁰ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – С. 186–187.

²⁶¹ Rokeach M. The nature of human values. – N.Y.: Free Press, 1973. – 138 p.

телей показали зависимость ряда частных политических предпочтений от ориентации на данные ценности²⁶².

Таким образом, основные характеристики политического сознания личности и социальных общностей заданы их ценностными предпочтениями. Процесс ценностного самоопределения по описанным характеристикам политического сознания принято обозначать как политическую социализацию, итогом которой является формирование политического самосознания.

В зависимости от базовых особенностей политического самосознания можно выделить те или иные политико-психологические типы, также различающиеся ориентацией на различные системы ценностей. Построение первых политико-психологических типологий личности, во многом связанное с осмыслением трагических событий второй мировой войны, осуществлялось представителями психоаналитической традиции, в частности В. Райхом, Э. Фроммом, Т. Адорно, М. Хоркхаймером и др. Так, Т. Адорно противопоставляет авторитарный и демократический типы личности, Э. Фромм – такие базовые ориентации, как «некрофилия» и «биофилия». Интегрируя эти две типологические модели, Г.Г. Дилигенский выделяет три типа личности, соответствующие различным политическим ориентациям:

- «конформно-пассивный авторитарист» (компенсация слабости собственной индивидуальности через принадлежность к иерархически организованной общности, через агрессивность отношению «чужих»);
- «активный агрессивный авторитарист» (индивидуальное выделение из общности и поддержание с ней на основе стремления к доминированию, власти, лидерству, манипулированию);
- демократическая личность (интеграция в общность при сохранении собственной психологической автономии)²⁶³.

Описываемые автором типы, характеризующиеся, по его словам, особенностями личностной стратегии в системе отношений «Я – Другой», имеют и очевидные ценностные различия, выражая, в частности, индивидуальные либо социальные по происхождению и, одновременно, направленности ценности.

Собственно политические типологии также имеют явные различия в ценностных предпочтениях. Так, традиционно противопоставляемые консерваторы и либералы ориентируются на четко определенные системы ценностей: порядок, дисциплина,

²⁶² Braithwaite V. Harmony and security value orientation in political evaluation // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1997. – N 23. – P. 401–414.

²⁶³ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология... – С. 318–319.

стабильность, приверженность традициям, жестко иерархическая организация власти или же свобода от жесткой регламентации, инициатива, добровольность, постоянное обновление. Такие интегральные типы, как «левые» и «правые», также различаются приоритетностью ценностей равенства либо свободы²⁶⁴, а также «межнациональной гармонии и равенства» либо «национальной мощи и порядка»²⁶⁵.

Различия ценностных предпочтений конкретных политико-психологических типов закономерно проявляются и в политическом поведении. Ценности в данном контексте рассматриваются в качестве компонентов в структуре социально-политических установок личности, определяющих ее политический выбор. Тем самым ценностные ориентации детерминируют различные проявления политической активности, определяя, в частности, характер и направленность участия в конкретных формах выражения общественного мнения, деятельности общественных движений и политических партий, а также особенности электорального поведения. Однако, несмотря на очевидное значение ценностных предпочтений в регуляции политического поведения, в большинстве политико-психологических исследований акцент чаще делается на изучении социально-экономических и социально-демографических факторов, этнокультурных особенностей, на манипулирующем влиянии средств массовой коммуникации и т.п. Как справедливо пишет в этой связи А.Л. Андреев, «эмпирическое изучение ценностей, ценностных представлений и идеалов, их описание на языке количественных и порядковых соотношений, анализ распределения различных ценностных ориентаций в обществе следует отнести к числу центральных задач современной политической психологии»²⁶⁶.

Мы предположили, что представления о власти, отношение к власти, а также готовность к различным формам политического поведения будут иметь существенные особенности в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы. Для изучения особенностей представлений о власти и отношения к власти нами была использована специальная анкета, разработанная под руководством Е.Б. Шестопаля. Данное исследование проводилось в ходе опроса общественного мнения взрослого

²⁶⁴ Там же. — С. 188–194.

²⁶⁵ Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение... — С. 138.

²⁶⁶ Андреев А.Л. Политическая психология... — С. 58.

населения г. Кемерово в 2003 г.²⁶⁷. Опрос проводился методом уличного интервью по представительной квотной выборке. В исследовании приняло участие 243 респондента. Исследуемые на основании большинства сделанных ими выборов были отнесены к одному из трех основных ценностных типов: «адаптирующиеся» – 43,6 % респондентов, «социализирующиеся» – 29,2 %, «индивидуализирующиеся» – 6,2 %. Остальные респонденты (21,0 %) были отнесены к промежуточному типу.

Как следует из результатов проведенного нами исследования, отнесенные к различным ценностным типам имеют неодинаковое представление о должной, справедливой власти. Так, считают справедливым положение, когда меньшинство управляет большинством, 44 % представителей адаптирующегося типа, 47 % – социализирующегося, 53 % – индивидуализирующегося и 49 % – промежуточного. Таким образом, с повышением уровня развития ценностной системы последовательно возрастает понимание и принятие руководящей роли элиты в управлении обществом, причем индивидуализирующийся тип оказывается единственным, где согласные со справедливостью такого положения составляют большинство.

С особенностями представлений о власти связано признание либо непризнание над собой власти тех или иных личностей, государственных или общественных институтов. В отдельном исследовании 2005 г., также базировавшемся на нашей методологии, ставился вопрос о признании над собой власти государства, закона, начальства и отдельных людей. Опрошено 47 мужчин и 65 женщин, всего 112 человек. Средний возраст составил 23,7 года²⁶⁸. Распределение ответов среди представителей описываемых нами ценностных типов представлено в табл. 74. Из таблицы видно, что по мере развития ценностной системы последовательно сокращается доля «анархистов» (т.е. не признающих над собой никакой власти), а также процент находящихся под властью тех или иных личностей, при этом также последовательно возрастает признание подвластности государственным институтам.

Неслучайно, что у описываемых ценностных типов различаются и представления о демократии. В нашем исследовании 2003 г. ведущие позиции при выборе определений демократии

²⁶⁷ Яницкий М.С., Браун О.А. Ценностная детерминация отношения к власти // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2007. – № 1 (29). – С. 143–150.

²⁶⁸ Шималин Е.К. Ценностная регуляция политической активности личности: дипломная работа. – Кемерово, 2005. – 73 с.

Т а б л и ц а 74

Распределение ответов на вопрос «Признаете ли Вы над собой власть?» (% от числа исследуемых, $n = 112$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все ($n = 112$)
	А	С	И	П	
	($n = 24$)	($n = 39$)	($n = 13$)	($n = 36$)	
Государства	12,5	20,5	38,4	25	22,3
Начальства	20,8	10,2	15,3	11,1	13,3
Закона	37,5	48,7	38,4	41,6	42,8
Отдельных людей	12,5	10,2	0	16,6	11,6
Не признаю	16,6	10,2	7,8	5,5	9,8

у всех респондентов занимают такие понятия, как свобода, права человека и соблюдение законов (табл. 75). Однако если для адаптирующегося типа наибольшее значение имеют права человека, то для социализирующегося на первом месте стоит свобода, а для индивидуализирующегося – соблюдение законов.

Демократический вариант общественного устройства предполагает существование соответствующего типа политического сознания, содержащего представления об ответственности и возможности реального участия в управлении, принципиальной возможности вхождения во власть для любого гражданина.

Интерпретация мотивов стремления к власти при этом является достаточно субъективной и также может определяться индивидуальными ценностными предпочтениями (табл. 76). В данном случае респонденты могли выбрать несколько вари-

Т а б л и ц а 75

Представления о демократии респондентов описываемых ценностных типов (усредненные ранги, $n = 243$)

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
Свобода	3,37	3,18	3,42	3,62
Равенство	5,20	4,49	5,61	4,90
Права человека	3,08	3,33	3,38	3,02
Личная независимость	4,67	4,84	5,92	5,16
Ответственность	4,92	4,53	4,07	4,81
Соблюдение законов	3,81	4,27	2,71	3,73
Активное участие в управлении государством	6,04	5,9	5,46	5,81
Сильное государство	4,25	5,22	4,76	4,83

Т а б л и ц а 76

Распределение ответов на вопрос «Почему люди стремятся к власти?» (% от числа ответивших, $n = 243$)

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
Чтобы улучшить свое материальное положение	72	73	87	69
Чтобы самоутвердиться	35	30	40	37
Чтобы командовать другими	26	16	33	25
Чтобы принести большую пользу обществу	16	8	27	13
Другие мотивы	2	3	7	0

антов ответов, поэтому итоговая сумма процентов может превышать 100. Иерархия приписываемых мотивов стремления к власти одинакова у всех ценностных типов, однако представители индивидуализирующегося типа дают заметно больше вариантов ответов, что в целом может свидетельствовать о лучшем понимании ими психологических аспектов участия в управлении обществом, о допущении возможности существования одновременно нескольких мотивов.

Особенности представлений о власти закономерно проявляются и в отношении к ней. В рамках нашего исследования анализировались образы власти советского времени, в период правления Б.Н. Ельцина, а также во время первого президентского срока В.В. Путина. Результаты, полученные нами на общей выборке, во многом созвучны ранее проведенным исследованиям, обзор которых представлен, в частности, в работе С.В. Нестеровой²⁶⁹.

Представления о власти периода существования СССР в большинстве случаев ностальгически положительные, власть наиболее часто характеризуется через такие свободно названные понятия, как «*порядок*», «*равенство*», «*справедливость*», «*социальные гарантии*». Типичными негативными характеристиками власти в советский период являются «*диктатура*», «*тоталитаризм*», «*партократия*», «*косность*», «*застой*», «*ложь*». Две трети представителей адаптирующегося и промежуточного типов дают

²⁶⁹ Нестерова С.В. Проблемы восприятия власти массовым сознанием. Образы власти в Москве и Саратове: сходство и различие // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е.Б. Шестопал. — М.: Аспект Пресс, 2002. — С. 92–108.

положительные характеристики «советской власти», одна треть – отрицательные. Среди отнесенных к социализирующемуся типу позитивно воспринимающих власть во времена СССР несколько меньше – 60 %, а около 40 % дают негативные характеристики. Индивидуализирующейся тип, напротив, в трех из четырех случаев дает власти советского периода отрицательную оценку и только каждый четвертый – положительную. При этом респонденты данного типа выдают и самые резкие оценки, используя эмоциогенные понятия: «ужас», «беспредел», «отупевшие чинуши и пафосные дармоеды» и т.п.

Власть в период правления Б.Н. Ельцина подавляющим большинством респондентов характеризуется негативно. Среди немногих положительных характеристик ее образа – «реформы», «демократия», «стремление к лучшему». К отрицательным составляющим образа можно отнести часто упоминаемые «развал», «разруху», «бардак», «анархию», «коррупцию», «мафию» и др. Только каждый десятый из числа респондентов адаптирующегося и промежуточного типов дает положительную оценку власти этого периода; среди представителей социализирующегося типа – лишь каждый пятнадцатый. Среди отнесенных к индивидуализирующемуся типу позитивную оценку не дал ни один из опрошенных; здесь опять же наиболее типичными являются максимально «хлесткие» характеристики: «чудовищная власть», «гиперужас», «беспредел и рвачество».

Власть в ранней «Путинской» России воспринималась в основном положительно. Поскольку исследование проводилось в 2003 г., можно предположить, что в ряде случаев это был своеобразный «аванс» – с современной на тот момент властью, обладающей значительным кредитом доверия, респондентами связывались надежды на изменения жизни к лучшему: она ассоциировалась с «поиском пути к лучшей жизни». Еще одной отличительной особенностью образа власти в ранней «Путинской» России является его некоторая размытость – в отличие от характеристик власти в советский период и в период правления Б.Н. Ельцина, где практически отсутствуют неопределенные либо нейтральные оценки, здесь 10–15 % респондентов высказывают неоднозначное отношение: «и спад и подъем», «ни плохо, ни хорошо», «пока ничего не ясно», «находится в формировании». Видимо, это вполне закономерно – настоящее не всегда легко оценить однозначно. Среди наиболее часто используемых положительных характеристик – «нормализация», «стабилизация», «укрепление власти», «восстановление порядка», «налаживание жизни». Негативные характеристики отчетливо распадаются на два типа:

«критика слева» – *«остается нестабильность и беззащитность», «неравенство», «разграбление остатков от Ельцина», «слишком много власти у народа»*; и «критика справа» – *«становление монархизма», «тенденция к однопартийности»*. Результаты исследования здесь также указывают на различия в оценках в зависимости от принадлежности к конкретному ценностному типу. Среди адаптирующегося и промежуточного типов более половины демонстрировали положительное отношение к современной власти и около трети – отрицательное, из числа респондентов социализирующегося типа – две трети и одна четверть соответственно, среди отнесенных к индивидуализирующемуся типу – 90 и 10 % соответственно. Индивидуализирующийся тип в данном случае оказывается наиболее определившимся в своем положительном отношении, в то же время его представители в данном случае используют наиболее взвешенные, осторожные оценки: *«некоторые улучшения», «положительные тенденции», «более-менее улегся хаос»*.

Таким образом, полученные нами результаты демонстрируют достаточно отчетливую тенденцию: чем выше уровень организации ценностной системы, тем более позитивно воспринимается власть во время первого президентского срока В.В. Путина, и тем более негативно – во времена СССР и в период правления Б.Н. Ельцина.

Далее мы проанализировали, с кем ассоциируется власть в России, какие центры власти отражены в сознании представителей различных ценностных типов (табл. 77). Как и следовало ожидать, наибольшей властью в представлении всех групп опрошенных обладает Президент России (на момент исследования – В.В. Путин). В остальном взгляды отнесенных к описываемым ценностным типам полярно разделились. Представления адаптирующегося, социализирующегося и промежуточного типов оказались достаточно сходными – они склонны полагать, что наибольшей властью в России обладают мафия, организованные преступные группы и спецслужбы. Респонденты индивидуализирующегося типа, напротив, в качестве основных центров власти указывают правительство и органы местной власти. При этом с ростом уровня организации ценностной системы частота упоминаний преступных и силовых структур заметно падает, а значимость правительства, местной и региональной власти – отчетливо возрастает. То есть власть в нашей стране представляется более цивилизованной и менее криминализированной при более высоком уровне личностного развития.

Т а б л и ц а 77

Распределение ответов на вопрос «Кто обладает наибольшей властью в сегодняшней России?» (% от числа ответивших, $n = 243$)

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
Местная власть	10	10	27	18
Региональная власть	6	10	13	8
Совет Федерации	3	4	0	4
Государственная дума	19	20	20	16
Суд	5	4	0	6
Прокуратура	7	11	0	8
Правительство Российской Федерации	16	24	27	20
Силовые структуры (ФСБ, МВД и др.)	32	25	20	27
Администрация Президента РФ	13	14	20	14
Президент РФ	49	52	47	49
Олигархи	18	30	27	33
Мафия, организованные преступные группировки	40	44	27	59
Политические партии	1	0	0	0
Другое	1	0	1	0

Тем самым индивидуализирующийся ценностный тип в определенной степени ассоциируется с демократической или либеральной личностью в понимании Т. Адорно, а остальные ценностные типы – скорее с личностью авторитарной, для которой характерны иррационализм, «проекция собственных “порочных” склонностей», а также более примитивный когнитивный аппарат (жестко поляризованные конструкты, стереотипы, мифы, фобии)²⁷⁰. В основе формирования подобных черт, по существу выступающих психологическим защитным механизмом, по его мнению, находится «комплекс социальной неполноценности», психологическое, материальное и социальное неблагополучие.

Интересно сопоставить представления о влиятельности тех или иных центров власти с уровнем доверия к ним. В описанном выше опросе общественного мнения молодежи Кемеровской области 2006–2007 гг. ставился вопрос о доверии к ряду государственных и общественных институтов. Как следует из

²⁷⁰ Цит. по: Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология... – С. 297–298.

Т а б л и ц а 78

Доверие к государственным и общественным институтам описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, *n* = 2009)

Государственные и общественные институты	Ценностный тип				Все (<i>n</i> = 2009)
	А	С	И	П	
	(<i>n</i> = 552)	(<i>n</i> = 982)	(<i>n</i> = 63)	(<i>n</i> = 412)	
Президент РФ	60,3	58,0	69,0	64,4	60,3
Правительство РФ	25,3	29,2	34,4	28,0	28,0
Губернатор своего региона	61,6	62,0	53,3	68,1	62,9
Глава своего города	44,0	44,0	42,3	48,6	44,9
Местные администрации	27,7	31,6	25,8	30,8	30,2
Государственная дума	22,5	22,3	28,8	25,3	23,1
Местные законодательные органы	20,6	25,3	25,4	26,5	24,2
Армия	35,3	40,3	37,3	40,0	38,8
Правоохранительные органы	21,3	28,7	25,5	29,0	26,6
ФСБ	34,7	41,1	43,1	42,3	39,7
Политические партии	13,0	12,7	14,1	13,6	13,1
Общественные организации	19,7	28,2	30,5	33,7	27,1
Профсоюзные организации	19,0	26,2	20,4	28,3	24,5
Средства массовой информации	20,1	24,8	23,7	23,9	23,3
Церковь	44,7	51,4	38,9	44,0	47,6

результатов опроса, наибольшим доверием у молодежи Кузбасса пользовались губернатор и Президент РФ. При этом по мере развития ценностной системы уровень доверия к федеральной власти (президенту, правительству, парламенту) последовательно возрастает, а к региональной и местной власти – несколько снижается (табл. 78). Существенные различия между описываемыми ценностными типами обнаруживаются также в степени доверия общественным и профсоюзным организациям, а также церкви.

Как мы уже отметили, в массовом сознании власть в России ассоциируется прежде всего с В.В. Путиным. В то же время представления о степени его реального влияния на положение в стране несколько разнятся (табл. 79). Наибольшее влияние на ситуацию в обществе ему приписывают представители социализирующегося типа, несколько меньшее – отнесенные к адаптирующемуся и промежуточному типам. Респонденты индивидуализирующегося типа, напротив, в своем отношении более скептически – подавляющее большинство из них склонны полагать, что президент недостаточно или слабо влияет на ситуацию в России. С учетом других результатов нашего исследова-

Т а б л и ц а 79

Распределение ответов на вопрос «Насколько Президент В.В. Путин влияет на ситуацию в сегодняшней России?» (% от числа ответивших, $n = 243$)

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
Сильно влияет	22	33	7	24
Влияет недостаточно	55	46	60	48
Слабо влияет	12	14	20	22
Совсем не влияет	6	3	0	2
Затрудняюсь ответить	5	4	13	40

ния можно предположить, что такое представление скорее связано не с оценкой успешности его деятельности, а с пониманием ограниченности «роли личности в истории» объективно существующим диапазоном возможностей.

Высказанное нами предположение может быть подтверждено при анализе представлений об успешности деятельности власти в решении ряда конкретных проблем (табл. 80). Все перечисленные проблемы остаются достаточно актуальными в сознании россиян на протяжении уже почти 20 лет. Поэтому то, что 20–30 % опрошенных полагали, что современная власть вполне справляется с их решением, является весьма высоким результатом и свидетельствует о реальности позитивных изменений в сознании респондентов. При этом наиболее высокую оценку получают усилия власти по укреплению позиций России в мире – внешнеполитическое направление деятельности президента вполне успешным считают более половины респондентов адаптирующегося типа и две трети социализирующегося и промежуточного типов. Мнение исследуемых индивидуализирующегося типа является противоположным – более половины из них склонны полагать, что президент не совсем справляется с решением этой задачи. Индивидуализирующийся тип также в противовес всем остальным более низко оценивал достижения власти в решении таких проблем, как наведение порядка в стране, борьба с терроризмом, решение проблемы Чечни. Можно предположить, что силовой вариант решения указанных проблем, одобряемый большинством населения, воспринимается респондентами данного типа скорее скептически.

Интересно отметить, что, с другой стороны, представители индивидуализирующегося типа более высоко, чем все остальные, оценивают результаты, достигнутые властью в решении

Т а б л и ц а 80

**Распределение ответов на вопрос «Справляется ли В.В. Путин с решением
следующих проблем?» (% от числа ответивших, $n = 243$)**

Проблема	Вариант ответа	Ценностный тип			
		А	С	И	П
		($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
Наведение порядка в стране	Вполне справляется	21	25	7	25
	Не совсем справляется	58	55	67	65
	Совсем не справляется	20	15	7	10
	Затрудняюсь ответить	1	4	20	0
Повышение уровня жизни населения	Вполне справляется	12	17	27	18
	Не совсем справляется	55	54	27	53
	Совсем не справляется	32	23	30	27
	Затрудняюсь ответить	1	7	27	2
Борьба с коррупцией	Вполне справляется	5	15	7	4
	Не совсем справляется	42	42	33	45
	Совсем не справляется	47	34	47	41
	Затрудняюсь ответить	6	8	13	10
Борьба с терроризмом	Вполне справляется	26	30	13	29
	Не совсем справляется	46	52	47	41
	Совсем не справляется	24	15	20	29
	Затрудняюсь ответить	4	3	20	0
Укрепление вертикали власти	Вполне справляется	28	28	47	31
	Не совсем справляется	35	34	20	45
	Совсем не справляется	14	8	0	4
	Затрудняюсь ответить	23	30	33	20
Решение проблемы Чечни	Вполне справляется	20	21	7	24
	Не совсем справляется	50	53	47	33
	Совсем не справляется	24	20	27	35
	Затрудняюсь ответить	7	6	20	8
Развитие экономики	Вполне справляется	34	39	27	24
	Не совсем справляется	46	44	47	41
	Совсем не справляется	16	14	13	22
	Затрудняюсь ответить	4	3	13	14
Укрепление позиций России в мире	Вполне справляется	53	65	27	67
	Не совсем справляется	31	23	53	20
	Совсем не справляется	9	8	7	6
	Затрудняюсь ответить	7	4	13	8
Усиление законности	Вполне справляется	20	25	27	29
	Не совсем справляется	52	46	27	47
	Совсем не справляется	23	20	20	10
	Затрудняюсь ответить	6	8	27	14

проблемы повышения уровня жизни. Это отчасти может быть объяснено тем, что данный тип характеризуется более высоким уровнем доходов – как было показано ранее, с ростом материального благосостояния наблюдается существенное снижение направленности на ценности адаптации и рост доли ориентирующихся на ценности индивидуализации. Индивидуализирующийся тип также более позитивно оценивает успехи президента в укреплении вертикали власти и в усилении законности. Заметим, что последнее, как мы уже указывали, является для представителей данного типа наиболее существенной характеристикой демократии.

Общая оценка деятельности российской власти, персонифицированной в образе В.В. Путина, заметно выше, чем оценка результатов, достигнутых в решении актуальных для общества проблем. То есть респонденты в большинстве случаев видят и одобряют усилия руководства страны, понимая, что их эффективность не может носить сиюминутный характер. Как видно из табл. 81, большинство принявших участие в исследовании полностью или в основном одобряли деятельность В.В. Путина. Различия между ценностными типами в данном случае не столь значительны. При этом следует отметить, что представители индивидуализирующегося типа несколько более критичны, среди них отсутствуют полностью одобряющие деятельность нынешнего президента. В то же время в своем большинстве они склонны давать средние, т.е. менее категоричные оценки.

Цели деятельности политического лидера, избираемые им средства решения тех или иных проблем, достигнутые при этом результаты позволяют общественному мнению составить представление о том, каковы его убеждения, каких политических

Т а б л и ц а 81

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы в целом оценили деятельность Президента В.В. Путина?» (% от числа ответивших, $n = 243$)

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
Полностью одобряю	11	6	0	12
В основном одобряю	47	44	53	49
Иногда одобряю, иногда нет	35	42	33	29
В основном не одобряю	4	3	0	4
Совсем не одобряю	1	1	7	2
Затрудняюсь ответить	3	4	7	4

Т а б л и ц а 82

**Распределение ответов на вопрос «Каких убеждений придерживается
В.В. Путин?» (% от числа ответивших, $n = 243$)**

Вариант ответа	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)	
Либерал	1	9	7	6	А–С; А–И; А–П
Социалист	1	1	0	2	
Демократ	60	59	20	67	А–И; С–И; И–П
Анархист	0	3	0	0	
Радикал	2	1	0	4	
Националист	1	0	0	0	
Консерватор	4	0	14	2	А–И; С–И; И–П
Коммунист	2	0	0	2	
Аполитичный	1	1	14	0	А–И; С–И; И–П
Другое	1	0	0	0	
Затрудняюсь ответить	27	26	47	16	И–П

ценностей он придерживается. Ценностная детерминация оценки деятельности президента, его способности справиться со значимыми проблемами закономерно проявляются и в существующих представлениях о его политических убеждениях (табл. 82). Явное большинство респондентов адаптирующегося, социализирующегося и промежуточного типов считали В.В. Путина демократом. Опять-таки резко контрастирующим оказывается мнение отнесенных к индивидуализирующему типу – демократические убеждения нынешнему президенту приписывала лишь пятая часть опрошенных, немногим меньшее число видели его консерватором или аполитичным и почти половина респондентов данного типа не могли однозначно определить его идейные предпочтения.

Интересной в этом контексте является оценка представителями различных ценностных типов собственных политических убеждений (табл. 83). Среди отнесенных к адаптирующемуся типу не наблюдается никакого идейного единства – примерно равное количество назвали себя демократами, коммунистами, социалистами или аполитичными; подобная же картина обнаруживается и при анализе идейных предпочтений промежуточного типа. Две пятых из числа исследуемых социализиру-

Т а б л и ц а 83

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы определили свои идейные предпочтения?» (% от числа ответивших, $n = 243$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Различие частот между типами при $p < 0,05$
	А	С	И	П	
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)	
Либерал	11	4	0	2	А–С; А–И; А–П
Социалист	12	6	7	2	А–П
Анархист	2	3	0	0	
Демократ	18	40	14	29	С–И
Радикал	2	3	0	2	
Националист	0	1	0	2	
Консерватор	6	1	14	2	А–С; С–И; И–П
Коммунист	16	7	0	18	А–С; А–И; И–П
Аполитичный	12	6	29	23	А–И; А–П; С–И; С–П
Другое	1	0	7	0	А–И; С–И; И–П
Затрудняюсь ответить	20	29	29	20	

ющегося типа считают себя демократами, остальной политической спектр здесь практически не представлен. Около трети представителей индивидуализирующегося типа считают себя аполитичными, вдвое меньшее число – демократами или консерваторами. В отличие от других типов здесь вовсе не представлены симпатизирующие коммунистической, радикальной либо националистической идеологии.

Как следует из приведенных результатов, оценка власти не зависит от приписываемых руководству страны политических убеждений, равно как и от их совпадения с собственными. То есть отношение к власти в российских условиях является скорее прагматическим, а не идеологически обусловленным. Если говорить словами Дэн Сяопина, для представителей всех ценностных типов «не важно, какого цвета кошка, важно чтобы она ловила мышей».

Итак, проведенное нами исследование подтвердило зависимость особенностей представлений о власти и отношения к ней от индивидуального типа ценностной системы. Особенности представлений о власти и отношения к власти респондентов адаптирующегося, социализирующегося и промежуточного

типов во многом сходны. Для них характерно представление о несправедливости ситуации, когда меньшинство управляет большинством; ностальгически позитивное восприятие власти советского периода как более справедливой; гипертрофированное представление о степени влияния мафии, организованных преступных групп и спецслужб; уверенность в определяющем влиянии главы государства на ситуацию в стране; представление о том, что нынешний президент является демократом, успешно справляющимся с решением проблемы Чечни, с наведением порядка и терроризмом, а также с укреплением позиций России в мире.

Система политических представлений и отношение к власти респондентов индивидуализирующегося типа во многих отношениях являются противоположными. Им свойственно понимание и принятие руководящей роли меньшинства в управлении большинством; резко негативное отношение к власти советского периода; представление об ограниченности возможностей верховной власти; мнение о значимости влияния местной и региональной власти на положение в стране; представление о том, что президент страны вполне успешно справляется с такими проблемами, как повышение уровня жизни населения, укрепление вертикали власти и усиление законности.

Очевидно, что политические представления определяют особенности политического поведения, в частности, готовность к участию в тех или иных его формах. Для реализации своих политических взглядов и выражения отношения к власти абсолютное большинство опрошенных готовы принять участие в выборах в качестве избирателя, гораздо меньшее количество – в протестных формах политического поведения, таких как митинги и забастовки. И совсем небольшой процент готов лично бороться за право участвовать в управлении страной, выдвигая свою кандидатуру на выборах (табл. 84). В целом, если использовать терминологию А. Марша, политическое поведение подавляющего большинства опрошенных может быть охарактеризовано как вполне конвенциональное²⁷¹. При этом с повышением уровня развития ценностной системы повышается и степень готовности участия в различных формах политической активности, кроме готовности реализовать свое активное

²⁷¹ Цит. по: Карнова В.С. Интерес к политике: формы вовлеченности, динамика и результат // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 57.

Т а б л и ц а 84

**Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы лично принять участие...?»
(% от числа ответивших, $n = 243$)**

Вариант ответа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
	($n = 106$)	($n = 65$)	($n = 14$)	($n = 47$)
В выборах как избиратель	70	63	80	82
В выборах как кандидат в депутаты	12	3	0	4
В митинге	12	11	13	16
В забастовке	8	14	13	10
Ни в чем	21	23	13	12
Затрудняюсь ответить	3	6	7	2

избирательное право – здесь ситуация прямо противоположная. Индивидуализирующий тип оказывается единственным, ни один из представителей которого не готов выступить в качестве кандидата в депутаты.

Этот результат косвенно подтверждается данными об участии в деятельности политических и общественных организаций, полученными в ходе социологического опроса 2006–2007 гг.: реально участвуют в их деятельности 7,7 % представителей промежуточного типа, 6,1 % – адаптирующегося, 5,6 % – социализирующегося и только 5,1 % – индивидуализирующегося. Таким образом, наблюдается отчетливое снижение институционализированной политической активности молодежи по мере усложнения ценностной системы, что может отчасти объясняться параллельным увеличением ее автономности.

Кроме того, в отличие от результатов, полученных на общей выборке, молодежь демонстрирует аналогичную тенденцию и в электоральном поведении: индивидуализирующий ценностный тип вновь оказывается самым пассивным – более половины его представителей вообще не принимают участия в выборах (табл. 85). Такая политическая пассивность ориентирующихся на ценности индивидуализации требует дополнительного изучения, одной из гипотез может быть понимание ими ограниченности своего влияния на принятие решений в условиях становящейся демократии.

Конкретные проявления политического и электорального поведения определяются как характером политических представлений, так и степенью их сформированности. В качестве показателя сформированности системы политических представлений,

Т а б л и ц а 85

Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в референдумах, выборах в органы государственной власти?» (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	($n = 2009$)
Да, регулярно	35,6	27,8	25,0	33,5	31,0
Иногда	26,6	26,8	20,0	24,6	26,1
Нет, не принимаю	37,8	45,4	55,0	41,9	42,9

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и С ($\alpha < 0,05$); А и И ($\alpha < 0,05$).

развитости политического самосознания можно рассматривать сроки электорального самоопределения, т.е. время до голосования, за которое совершается тот или иной электоральный выбор. В исследовании 2005 г. определялось время, необходимое для электорального самоопределения в зависимости от ориентации на ценности адаптации, социализации или индивидуализации (табл. 86)²⁷². Как следует из полученных данных, существует четкая зависимость сроков электорального самоопределения от уровня развития ценностной системы: чем выше уровень ценностного развития, тем раньше принимается решение, кому отдать свой голос. Таким образом, наиболее сформиро-

Т а б л и ц а 86

Распределение ответов на вопрос «Сколько времени Вам нужно, чтобы определиться, за какого кандидата Вы будете голосовать?» (% от числа исследуемых, $n = 112$)

Вариант ответа	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 24$)	($n = 39$)	($n = 13$)	($n = 36$)	($n = 112$)
Непосредственно в день выборов	42	35,8	0	47,2	36,6
Месяц	45,8	43,5	38,5	28	38,4
Три месяца	4,2	10,2	23	5,5	10,7
Полгода	8,3	10,2	38,5	19,4	16,1

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях ответов ценностных типов: А и И ($\alpha < 0,05$); И и П ($\alpha < 0,05$).

²⁷² Шималин Е.К. Ценностная регуляция политической активности личности: дипломная работа. — Кемерово, 2005. — 73 с.

ванной является система политических представлений индивидуализирующегося типа, наименее сформированной – отнесенных к промежуточному и адаптирующемуся типам, около половины которых решают за кого они будут голосовать только в день выборов. Соответственно, маловероятно, что большая политическая пассивность ориентирующихся на ценности индивидуализации связана с несформированностью системы их политических представлений – скорее наоборот, их решение об участии или неучастии в выборах носит осознанный характер.

Отдельного рассмотрения заслуживает электоральное поведение реально принявших участие в выборах. Ценностная детерминация совершенного электорального выбора изучалась в рамках еще одного самостоятельного исследования, которое осуществлялось методом exit polls – социологического опроса, который проводится в день выборов²⁷³. Данное исследование проводилось в день выборов Президента 14 марта 2004 г. в избирательном округе № 89, в г. Кемерово. Респонденты были опрошены путем случайного отбора вблизи избирательных участков. Общий объем выборочной совокупности составил 566 человек. Почти половина опрошенных (45,1 %) была отнесена к адаптирующемуся типу ценностных ориентаций, 26,1 % – к социализирующемуся. Индивидуализирующий тип составил 6,0 % от общей выборки. 22,1 % был отнесен к промежуточному типу.

Исследование показало, что доля описываемых ценностных типов среди проголосовавших за того или иного кандидата существенно разнится (табл. 87). Ценностная структура электората В.В. Путина практически совпадает с общей. Наибольшая доля ориентирующихся на ценности адаптации ожидаемо наблюдается среди электората кандидатов левого спектра – Н.М. Харитонов и С.Ю. Глазьева, наименьшая – среди голосовавших за И.М. Хакамаду, единственного представителя правых. При этом наибольшая часть электората последней – это представители промежуточного типа, что свидетельствует об аккумуляции ей голосов неопределившихся в ценностных предпочтениях. Наибольший процент социализирующихся отмечается среди поддержавших выдвиженца ЛДПР О.А. Малышкина. Больше всего отнесенных к индивидуализирующемуся типу среди отдавших свой голос Н.М. Харитонову и И.М. Хакамаде, мень-

²⁷³ Сагара Е.Д. Система ценностных ориентаций как фактор регуляции электорального поведения: дипломная работа. – Кемерово, 2004. – 78 с.

Т а б л и ц а 87

Распределение ценностных типов среди голосовавших за отдельных кандидатов на президентских выборах 2004 г. (% от числа ответивших, $n = 566$)

Кандидат, за которого голосовали		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Путин В.В. ($n = 368$)	47,1	28,9	4,9	19,1
2	Харитонов Н.М. ($n = 34$)	59,3	9,3	15,6	15,6
3	Глазьев С.Ю. ($n = 29$)	48,2	24,1	6,8	20,6
4	Малышкин О.А. ($n = 11$)	36,6	36,6	0,0	27,2
5	Хакамада И.М. ($n = 60$)	26,6	23,3	10	40
6	Против всех ($n = 50$)	47,1	26,4	3,7	22,6

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 5 ($\alpha < 0,005$); 2 и 5 ($\alpha < 0,05$).

ше всего – среди поддерживавших О.А. Малышкина, за которого не проголосовал ни один из ориентирующихся на ценности индивидуализации.

Подобная же картина была получена при анализе ответов на дополнительный вопрос – за кого опрошенные голосовали на парламентских выборах в конце 2003 г. (табл. 88). Электорат «Единой России» по своим ценностным предпочтениям опять-таки был сходен с общей выборкой, что вполне соответствует как лидирующему положению, так и центристской самоидентификации этой партии. Самая большая доля социализирующегося типа отмечается среди проголосовавших за ЛДПР. Наибольший процент ориентирующихся на ценности адаптации среди сторонников КПРФ, где они составляют почти две трети,

Т а б л и ц а 88

Распределение ценностных типов среди голосовавших за отдельные политические партии на парламентских выборах 2003 г. (% от числа ответивших, $n = 566$)

Политическая партия		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Единая Россия ($n = 266$)	50,0	24,2	4,5	21,2
2	ЛДПР ($n = 47$)	30,4	45,6	6,5	17,3
3	КПРФ ($n = 25$)	64,0	8,0	4,0	24,0
4	Родина ($n = 23$)	39,1	30,4	13,0	17,3
5	Яблоко ($n = 20$)	60,0	10,0	10,0	20,0
6	СПС ($n = 49$)	22,9	29,1	16,6	31,2
7	Против всех ($n = 51$)	50,0	18,7	2,0	29,1

П р и м е ч а н и е. Различия в распределениях групп: 1 и 6 ($\alpha < 0,005$); 2 и 3 ($\alpha < 0,05$); 3 и 6 ($\alpha < 0,05$); 5 и 6 ($\alpha < 0,05$); 6 и 7 ($\alpha < 0,05$).

наименьший – среди электората СПС. Соответственно, больше всего направленных на ценности индивидуализации оказалось среди поддержавших СПС и меньше всего – среди сторонников КПРФ и проголосовавших против всех. Таким образом, электорат партий, располагающихся в противоположных частях политического спектра, характеризуется и полярной системой ценностных предпочтений.

В целом, приведенные результаты подтверждают ценностную детерминированность как системы политических представлений, так и политического поведения. Поскольку распространенность ценностных типов в обществе определяется уровнем доходов населения, возрастной структурой и уровнем образования, то полученные нами результаты уточняют представления о механизмах взаимосвязи социально-демографической структуры и политического поведения различных общностей. Тем самым открывается возможность более точного прогнозирования социально-политических экспектаций, отношения к власти и особенностей политического, в том числе электорального поведения.

Глава 10

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Одной из особенностей постнеклассической психологии является акцент на рассмотрении изучаемого феномена в его контексте, смещение исследовательской установки на анализ параметров социокультурной среды. Поэтому изучение ценностной регуляции социального поведения без учета культурной специфики соответствующей общности было бы незавершенным. Очевидно, что характер и степень регуляции поведения членов той или иной общности будут определяться как особенностями системы ее ценностей (например, преобладанием материалистических либо постматериалистических ценностей), так и степенью принятия групповых ценностей членами общности (различающейся, например, в индивидуалистических и коллективистических культурах), которые, в свою очередь, зависят от ряда объективных факторов. Так, Н.М. Лебедева, анализируя результаты различных исследований ценностных ориентаций, показывает значимость влияния, которое могут оказывать конкретные внешние, объективные параметры существования этнической группы на актуализацию тех или иных ценностных ориентиров, важных для поддержания ее баланса со средой²⁷⁴.

Таким образом, особенности ценностной регуляции социального поведения определяются типом соответствующей культуры и уровнем развития данного общества. В этой связи многие дефиниции ценностей прямо связывают их с социокультурным контекстом. Например, В.С. Степин, крупнейший представитель ценностного подхода в социальной философии, характеризует ценности как ориентиры, «составляющие своего рода “культурную матрицу”, нечто вроде генома культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях»²⁷⁵. Н.Б. Крылова определяет ценно-

²⁷⁴ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учеб. пособие. — М.: Старый сад, 1998. — 316 с.

²⁷⁵ Степин В.С. Теоретическое знание... — С. 634.

сти как регулятивные компоненты любой культуры, воплощающие идеалы и представления об эталоне. Соответственно, ценностные ориентации понимаются ею как предпочтения или отвержения определенных культурных образцов, социальных и нравственных идеалов, на основе которых строятся деятельность и поведение²⁷⁶. Н.И. Лапин также отмечает, что ценности – это обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия²⁷⁷.

Ценности, в свою очередь, выступают маркерами этнокультурной специфичности. По словам Ф. Клякхон и Ф. Стродбека, «ценностная ориентация является комплексом строго определенных принципов, ... которые в своем синтезе составляют магистральное направление проявлений данной культуры, ее центральную тему, которые детерминируют собой различные человеческие поступки и которые дают ответы на то, что принято называть общечеловеческими проблемами»²⁷⁸. Т.Г. Стефаненко, обобщая существующие подходы к познанию культуры посредством изучения ценностей, резюмирует, что «преобладающие в обществе ценности являются одним из ключевых, может быть, стержневым элементом любой культуры, а следовательно, основным регулятором социотипического поведения»²⁷⁹. Тем самым фиксация ценностных различий является основной задачей кросс-культурных исследований.

Система ценностей любой общности является одновременно и фактором ее интеграции, поддержания групповой идентичности, условием сохранения и воспроизводства культуры. Согласно Л.Г. Почебут, «именно ценности являются тем смысловым конструктом, который объединяет и скрепляет этнокультурные общности»²⁸⁰. Закономерно, что в этой связи не только

²⁷⁶ Крылова Н.Б. Культурология образования. – М.: Народное образование, 2000. – 272 с.

²⁷⁷ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социол. исслед. – 1996. – № 5. – С. 3–19.

²⁷⁸ Kluckhohn F.I., Strodtbeck F.L. Variation in Value Orientations. Evanston, Ill, Elmsford. – N.Y.: Row Peterson, and comp., 1961. – P. 10.

²⁷⁹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – С. 205.

²⁸⁰ Почебут Л.Г. Психология социальных общностей (толпа, социум, этнос). – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 136.

ценности определяются через культуру, но и само понятие «культура» также связывается с ценностями. Так, Д. Матсумото определяет культуру как совокупность установок, ценностей, верований и поведения, разделяемых группой людей, но по-разному каждым индивидом, и передаваемых от поколения к поколению²⁸¹.

Ф. Клакхон и Ф. Стродбек полагают, что ценности возникают и развиваются внутри конкретной культуры, которая, в свою очередь, формируется под влиянием определенных экологических и исторических условий. Когда ценности разделяются большинством людей в группе, они становятся элементами данной культуры и начинают определять индивидуальное и групповое поведение²⁸². При этом, как отмечает С.В. Лурье, ценности личности представителя той или иной культуры рассматриваются ими фактически как идентичные ценностям данной культуры. Рассматривая эту и другие работы, выполненные в рамках ценностного подхода в психологической антропологии, С.В. Лурье заключает, что ценности представляют собой как бы точку пересечения между индивидуумом и обществом, а ценностный подход в целом направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций²⁸³. Соответственно, исследования межкультурных различий неизбежно затрагивают уже рассматривавшийся выше вопрос соотношения и взаимовлияния ценностей личности и общества.

Усвоение личностью ценностей той или иной культуры осуществляется в процессе этнической социализации. По словам Е.П. Белинской и О.А. Тихомандрицкой, «социальные ценности, выступающие как некоторые общественные идеалы, выработанные общественным сознанием, усваиваются индивидом в процессе социализации и образуют ценностные структуры личности, т.е. превращаются в личностные ценности»²⁸⁴. В.С. Мухина в аналогичном контексте рассматривает самосознание личности, которое, по ее словам, представляет собой ценностные

²⁸¹ Цит. по: Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учеб. пособие. — М.: Ключ-С, 1999. — 224 с.

²⁸² Kluckhohn Fl., Strodtbeck F.L. Variation in Value Orientations. Evenston, Ill, Elmsford. — N.Y.: Row Peterson, and comp., 1961. — P. 10.

²⁸³ Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Деловая книга, 2003. — 624 с.

²⁸⁴ Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 304 с.

ориентации, отражающие важнейшие сферы ценностно-ориентационной деятельности в социуме. Этническое самосознание в ее представлении является отражением ценностных комплексов общности и регулирует межличностное и групповое общение на основе общепринятых ценностей²⁸⁵. По мнению В.Е. Ключко, ценности не усваиваются, а превращаются в одно из измерений многомерного мира человека. Ценности, с его точки зрения, превращают жизненный мир человека в пространство, сближающее его с другими людьми в силу определенной тождественности их миров, определяющейся единым источником, из которого «вычерпываются» эти ценности – общей культурой²⁸⁶.

Соответственно, исследование особенностей ценностной регуляции социального поведения в различных этнокультурных общностях предполагает в первую очередь сравнение системы ценностных предпочтений этих общностей. Однако, как справедливо замечает Т.В. Емельяненко, сравнительные межкультурные исследования ценностей очень сложны в методическом плане²⁸⁷. Различия ценностных характеристик культур в целом, в отличие от ценностных различий на индивидуальном уровне, до настоящего времени остаются относительно малоизученными²⁸⁸. Одной из проблем здесь является, в частности, выбор адекватных оснований для сравнения ценностных систем. Свои перечни таких оснований, «измерений», «осей», «ценностных универсалий» и т.п. предложили многие известные исследователи, в частности К. Клакхон, Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек, Ш. Шварц, Г. Хофстед, Г. Триандис и др. Но, по словам Т.В. Емельяненко, в большинстве случаев такие кросс-культурные исследования констатируют больше сходства, нежели различий в ценностных ориентациях представителей разных культур, что, по ее мнению, может объясняться применением слишком общих оснований для сравнения²⁸⁹.

Предложенная нами модификация методики Р. Инглхарта, основанная в отличие от перечисленных подходов на оценке

²⁸⁵ Мухина В.С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. – 2001. – № 4 (28). – С. 114–127.

²⁸⁶ Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сиб. психол. журн. (Томск). – 1998. – № 8-9. – С. 7–15.

²⁸⁷ Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей // Социология 4М. – 1997. – № 9. – С. 32–54.

²⁸⁸ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию... – С. 73–74.

²⁸⁹ Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей... – С. 32–54.

**Распределение основных ценностных типов в различных этнических группах
(% от числа исследуемых)**

Автор исследования	Характеристика выборки	Ценностный тип			
		А	С	И	П
Г.Н. Кригер	Жители сел Беловского района Кемеровской области ($n = 576$), в том числе:	50,8	32,6	2,8	13,8
	телеуты ($n = 375$)	50,6	31,1	2,8	15,5
	русские ($n = 131$)	51,3	33,9	1,7	13,0
	татары ($n = 70$)	52,5	33,9	5,1	8,5
С.Б. Дагбаева, Р.Д. Санжаева	Студенты вуза г. Чита ($n = 200$), в том числе:	29,5	52,5	3,5	14,5
	русские ($n = 100$)	31,0	41,0	5,0	25,0
	буряты ($n = 100$)	28,0	64,0	2,0	6,0
И.В. Жадан, А.С.Федоренко	студенты вузов городов Киева и Винницы (Украина) ($n = 232$)	46,7	40,3	13,0	0,0

распространенности отдельных ценностных типов, также использовалась для изучения особенностей ценностных предпочтений этнических общностей. Распространенность описываемых ценностных типов в различных этнических группах анализировалась в работах целого ряда авторов, опиравшихся на нашу методологию, в частности, Г.Н. Кригер, С.Б. Дагбаевой и Р.Д. Санжаевой, И.В. Жадан и А.С. Федоренко²⁹⁰. Характеристики выборок и итоговые результаты указанных исследований представлены в табл. 89.

Результаты, полученные в исследовании Г.Н. Кригер, выполненном под нашим руководством, показывают большую значимость для ценностной структуры массового сознания условий проживания и хозяйствования, чем этнической принадлежности. Объективные условия существования и ограничения возможности самореализации в сельских поселениях как бы «пе-

²⁹⁰ См.: Кригер Г.Н. Самосознание представителей телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики. — Кемерово: ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2010. — 126 с.; Дагбаева С.Б., Санжаева Р.Д. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект... — 135 с.; Жадан И.В., Федоренко О.С. Вектор політичної соціалізації: ціннісні орієнтації студентської молоді // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави: 36. наук. праць / За заг. ред. М.М. Слюсаревського; упоряд. В.О. Васютинський, І.В.Жадан, П.Д.Фролов. — К.: Міленіум, 2008. — Вип. 8.— С. 181–188.

рекрывают» этнические различия, оказываясь фактором более высокого порядка – в данном случае ценности адаптации отчетливо преобладают независимо от этнической принадлежности респондентов.

Из данных, полученных С.Б. Дагбаевой и Р.Д. Санжаевой, следует, что этнокультурная принадлежность оказывается значимым фактором ценностных различий даже в случае совпадения региона проживания и социального статуса. Так, в группе студентов-бурят социализирующийся тип встречается заметно чаще, а индивидуализирующийся – реже, чем среди русских, что, как утверждают авторы, сопряжено с особенностями традиционной системы ценностей и факторов социализации в бурятской культуре и объясняется характерным для этнических меньшинств стремлением сохранить свою самобытность, обычаи и традиции.

Исследование, выполненное И.В. Жадан и А.С. Федоренко на украинской выборке, демонстрирует существенно больший, чем в России, процент ориентирующихся на ценности адаптации, т.е. на материалистические ценности, связанные с фрустрацией потребности в экономической и физической безопасности. Очевидно, это связано не только с собственно этнокультурными различиями между русскими и украинцами, но и может быть объяснено существующими сегодня объективными различиями в социально-экономическом положении России и Украины. Как не без иронии замечают в этой связи авторы, «в украинских реалиях уровень материальных благ, которыми обладает человек, рассматривается как индикатор его развития и самореализации»²⁹¹.

Собственное пилотное исследование распространенности описываемых ценностных типов в группах российских и украинских студентов проведено по разработанной нами модификации методики Р. Инглхарта²⁹². Общее число респондентов составило 261 человек, в том числе 172 российских и 89 украинских студентов. Исследование проводилось как в форме интер-

²⁹¹ Жадан І.В., Федоренко О.С. Вектор політичної соціалізації: ціннісні орієнтації студентської молоді // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави: Зб. наук. праць / За заг.ред. М.М. Слюсаревського; упоряд. В.О. Васютинський, І.В. Жадан, П.Д. Фролов. – К.: Міленіум, 2008. – Вип. 8. – С. 188.

²⁹² Яницкий М.С., Пелех Ю.В., Серый А.В. Особенности ценностных предпочтений российских и украинских студентов // Вища освіта України № 1 (додаток 1). – 2012 р. – Тематичний випуск «Інтеграція вищої школи України до європейського та світового освітнього простору». – С. 139–146.

Т а б л и ц а 90

**Распределение ценностных типов в группах российских и украинских студентов
(% от числа исследуемых, $n = 261$)**

Исследуемая группа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
Российские студенты ($n = 172$)	9,3	33,7	23,8	31,1
Украинские студенты ($n = 89$)	18,0	40,5	7,9	33,7

П р и м е ч а н и е. Различия между долями типов: А ($p < 0,05$); И ($p < 0,005$).

нет-тестирования, так и посредством самозаполнения бланкового варианта методики. В состав российской подвыборки были включены студенты вузов Владивостока, Волгограда, Кемерово, Кызыла, Москвы, Новосибирска, Омска, Петропавловска-Камчатского, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Тюмени, Улан-Удэ. В состав украинской подвыборки вошли студенты вузов Киева, Ровно и Харькова. Полученные результаты представлены в табл. 90.

Наиболее распространенным в обеих группах оказывается социализирующий тип, что вполне соответствует особенностям студенческого возраста, который характеризуется значимостью норм и правил, принятых в группе сверстников. Обращает на себя внимание и достаточно высокий процент отнесенных к промежуточному типу, т.е. «не определившихся» в ценностном отношении, что может быть связано с тем, что пребывание в высшем учебном заведении выступает «отсрочкой» в принятии человеком роли взрослого. Наше исследование подтверждает также описанную выше большую распространенность адаптирующегося типа среди украинских студентов. Одновременно приведенные результаты демонстрируют и существенное различие в доле индивидуализирующегося типа, в три раза чаще выявленного среди российских студентов. Одной из возможных версий, объясняющих данные различия, может быть их обусловленность культурно-средовыми особенностями существования и социализации описываемых групп студентов. Как нами было показано ранее, направленность на ценности адаптации может быть обусловлена становлением системы ценностей в более консервативной, или «патриархальной» социокультурной среде, например – в сельской местности (студенты украинских вузов в большинстве своем являлись выходцами именно из сельской местности); а значимость ценностей индивидуализации возрастает в условиях динамически развивающейся культуры, в

частности, в крупных городах, для которых свойственно наличие более широких образовательных и экономических возможностей самореализации.

Очевидно, что все приведенные исследования по существу демонстрируют не столько этнические отличия, сколько различия, обусловленные влиянием социально-экономических, социально-демографических и других латентных факторов. В рассматриваемом контексте представляется целесообразным более подробно остановиться на культурных детерминантах ценностных различий.

Среди культурных факторов формирования ценностных предпочтений особое место занимает религиозная принадлежность, выступающая значимым этнодифференцирующим и этноинтегрирующим признаком. В настоящее время отмечается определенный рост религиозного разделения, поэтому осознание личностью себя как последователя той или иной конфессии оказывается одним из существенных оснований для формирования собственной этнической идентичности. Ряд исследователей, в частности М.П. Мchedлов и соавторы, указывают, что под влиянием информационной политики большинства СМИ в массовом сознании национальная принадлежность все более устойчиво связывается с принадлежностью конфессиональной («русский – значит, православный», «чеченец – значит, мусульманин» и т.п.), что вызывает перенос негативного или позитивного отношения общества с национальности на религию и обратно и может служить фактором дестабилизации межэтнических отношений²⁹³.

Очевидно, что большинство этносов, в том числе и русский, на самом деле неоднородно в конфессиональном отношении. Так, доля называющих себя православными среди этнических русских не превышает 82 %, а число реально «практикующих» (т.е. воцерковленных) православных составляет, по оценкам, не более 10 %²⁹⁴. Значительную часть русских составляют атеисты, а также представители различных протестантских деноминаций и сторонники новых религиозных движений, наконец, старообрядцы, которые традиционно выделяются в качестве отдельной субэтнической общности. Однако, несмотря на это, определенное отождествление религиозного и этнического отражается не только в массовом сознании, но и в некото-

²⁹³ Мchedлов М.П. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социол. исслед. – 2004. – № 9. – С. 95–101.

²⁹⁴ Филатов С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социол. исслед. – 2005. – № 6. – С. 35–45.

рых научных исследованиях, приводя к искаженной интерпретации полученных результатов. Так, кросс-культурные исследования, подобные сравнению каких-либо особенностей русских и чеченцев, русских и татар и т.п., не позволяют выделить действительную причину описываемых различий между исследуемыми группами вследствие возможной подмены их конфессиональной принадлежности этнической.

Данная проблема может быть отчасти разрешена в рамках исследований кросс-культурных различий внутри одного поликонфессионального этноса, т.е. при сравнении групп, различающихся только конфессиональной принадлежностью. Так, исследования М.П. Мchedлова свидетельствуют о том, что русские, объявляющие себя православными, являются большими государственниками, острее ощущают свою национальную принадлежность, больше ностальгируют по великой державе, чем русские – приверженцы других конфессий²⁹⁵. Вероятно, указанные характеристики напрямую сопряжены с особенностями ценностной сферы, выступающей основным регулятором активности человека и позволяющей соотносить индивидуальные потребности с осознанными и принятыми личностью ценностями социума.

Мы полагаем, что система ценностных ориентаций оказывается сферой наиболее «чувствительной» к конфессиональной принадлежности, поскольку важную роль в формировании ценностей общества традиционно играет религия, выступающая источником моральных, а в ряде случаев и правовых норм. Например, этика буддизма предусматривает строгие нормы существования – десять «черных грехов», которых следует избегать, и десять «белых добродетелей», которым надлежит следовать. К числу таких добродетелей относятся защита чужой жизни, щедрость, целомудрие, кротость, правдивость, миротворчество, смирение, милосердие, сострадание и стремление к истинному учению²⁹⁶. Следование таким добродетелям служит основой, первым шагом становления идеальной буддистской личности – бодхисаттвы, человека стремящегося к «просветлению». Путь к «просветлению», в свою очередь, заключается в прохождении «пятидесяти двух ступеней» – «заданий», которые необходимо выполнить бодхисаттве для достижения конечной цели – состояния будды. Такие ступени по сути представляют собой общие этико-нормативные

²⁹⁵ Мchedлов М.П. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия... – С. 95–101.

²⁹⁶ Васильев Л.С. История религий Востока. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 383–384.

принципы жизни. Особое значение для формирования системы ценностей имеет прохождение высших ступеней – так называемых «десяти земель». Каждая такая ступень имеет соответствующий «знак» – определенную картину мира, пять конкретных генеральных установок, которыми должен руководствоваться буддхисаттвы, а также соответствующее ступени «средство спасения» или «переправу» (парамита) – милостыня, обет, терпение, усердие, медитация, мудрость и т.д. По существу, каждая парамита представляет собой одну из высших ценностей, последовательное овладение которыми служит механизмами личностного роста и развития. По мнению О.В. Андрушкевича, концепция «земель буддхисаттвы» отражает систему психических ценностей буддизма и представляет собой схематизированное описание последовательностей, образующих иерархию²⁹⁷. А.Н. Игнатович проводит прямую параллель между прохождением буддхисаттвы высших «десяти ступеней» и процессом самоактуализации в гуманистической психологии А. Маслоу. Целью самоактуализации, как известно, является реализация высших, «бытийных» ценностей, которые в этом случае выступают для личности как «метапотребности». По словам А.В. Игнатовича, «избавление от страданий, страха смерти и достижение некоего блаженного состояния, т.е. обретение нирваны, не могло не быть “Б-ценностями” и соответственно “метапотребностью” буддиста»²⁹⁸.

Закономерно, что эти или подобные ценностные представления, свойственные для той или иной религиозной традиции, должны оказывать существенное воздействие на систему ценностных предпочтений ее последователей. Как продемонстрировано в исследовании А.Р. Монсоновой, проведенном на выборке бурят (буддистов, евангельских христиан-баптистов и шаманистов) и русских (православных и старообрядцев), существуют отчетливые особенности в ценностной иерархии этих этноконфессиональных групп, причем межконфессиональные различия в ряде случаев оказываются более значимыми, чем межэтнические²⁹⁹.

²⁹⁷ Андрушкевич О.В. Сотериология буддизма махаяны и психологические традиции в культуре Китая // Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 63–78.

²⁹⁸ Игнатович А.Н. Десять ступеней буддхисаттвы (на материале сутры «Цзиньгуанмин цзуйшэ ванцзин» // Психологические аспекты буддизма. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 84.

²⁹⁹ Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2006. – 26 с.

В этой связи нами была предпринята попытка выделить особенности ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса в зависимости от их конфессиональной принадлежности³⁰⁰. Критерием отнесения исследуемых к той или иной конфессиональной группе в данном случае была не номинальная принадлежность, а реальная включенность в деятельность религиозной общины, или же, напротив, осознанное отрицание религии. Следует отметить, что мы разделяем точку зрения С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина, отмечающих содержательность критерия религиозной самоидентификации (или «культурной» религиозности), т.е. важности самого факта отнесения себя к определенной религиозной традиции (вне зависимости от того, разделяет ли человек ее вероучение, участвует в ее таинствах и обрядах, является членом религиозной общины) для мировоззрения и ценностных предпочтений. Однако в данном исследовании для более яркой демонстрации межконфессиональных различий ценностно-смысловой сферы в качестве сравниваемых групп мы привлекали только «практикующих верующих» и «сознательных атеистов», т.е., в терминологии Г. Оллпорта, лиц с последовательной внутренней религиозностью либо последовательной внутренней антирелигиозностью, характеризующихся, соответственно, осознанным внутренним принятием либо непринятием религиозных ценностей³⁰¹.

В описываемом исследовании приняли участие три группы этнических русских, проживающих на территории Кемеровской области и близких по основным социально-демографическим характеристикам: атеисты – 50 человек, прихожане православных храмов – 35 человек, adeпты религиозной организации «Свидетели Иеговы» – 83 человека. Всего в исследовании приняли участие 168 человек в возрасте от 20 до 68 лет, из них 71 % женщин и 29 % мужчин. Выбор данных групп был обусловлен следующими соображениями: православие традиционно являются доминирующей конфессией среди представителей русского этноса и во многом определяет его этнокультурное своеобразие; «Свидетели Иеговы» выделяются как наиболее многочисленная и активная конфессия среди нетрадиционных религий, претендующих на собственную, отличную от христианской, си-

³⁰⁰ Яницкий М.С., Серый А.В., Авилов Г.М. Межконфессиональные различия ценностно-смысловой сферы представителей русского этноса // Актуальные проблемы этнопсихологии в контексте культурно-экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: сборник научных статей. Хабаровск, 2008. – Т. 1. – С. 193–200.

³⁰¹ Оллпорт Г. Личность в психологии... – 345 с.

стему ценностей; атеисты представляют собой особую группу, система ценностей которой в наименьшей степени детерминирована этическими нормами религиозного происхождения.

Как показали результаты проведенного нами исследования, по тесту М. Рокича в системе терминальных ценностей атеистов преобладают конкретные и индивидуальные жизненные ценности, а ценности альтруизма и саморазвития ими отвергаются. В системе ценностных ориентаций православных, напротив, наибольшей значимостью обладают альтруистические ценности (так, «счастье других» единодушно ставится ими на первое место), и, в то же время, ценности личной жизни. При этом ими отвергаются ценности самоутверждения и свободы. У «Свидетелей Иеговы» в ценностной иерархии отчетливо доминируют ценности саморазвития, индифферентными являются такие ценности, как семья и материально обеспеченная жизнь, а в числе отвергаемых ими оказываются альтруистические ценности, ценности свободы и самоутверждения.

В иерархии инструментальных ценностей атеисты на первое место ставят образованность, а также ценности конформизма, относя к незначимым ценности толерантности и принятия других и отвергая такую ценность, как честность. Полярной системой инструментальных ценностей характеризуются православные – здесь предпочитаемыми оказываются, напротив, честность, широта взглядов и терпимость, а образованность ставится на последнее место. «Свидетели Иеговы» на первые места ставят ценности, отражающие значимость соблюдения общепринятых норм (воспитанность, аккуратность, самоконтроль), а образованность, равно как и ценности терпимости и принятия других, занимают в их иерархии последние места.

Резюмируя приведенные результаты, можно констатировать, что описываемые конфессиональные группы оказываются своего рода модельными, представляющими самостоятельные и во многом полярные ценностные системы. Атеисты ориентируются преимущественно на житейские, материалистические ценности, которые и составляют «ценностное ядро» российского массового сознания. Прихожане православных храмов в своей системе ценностей отчетливо отражают традиционную христианскую этику с ее приоритетностью любви к ближнему. Система ценностей «Свидетелей Иеговы» также взаимосвязана с религиозной доктриной, в частности, с их сотериологическими представлениями, предполагающими возможность спасения только для избранных, разделяющих данное учение, беспрекословно подчиняющихся его лидерам и отдающих все силы духовному развитию.

Т а б л и ц а 91

Конфессиональная принадлежность описываемых ценностных типов (% от числа ответивших, $n = 2009$)

Конфессиональная принадлежность	Ценностный тип				Все
	А	С	И	П	
	($n = 552$)	($n = 982$)	($n = 63$)	($n = 412$)	($n = 2009$)
Буддизм	1,1	0,2	3,4	0,3	0,6
Ислам	0,6	1,3	1,7	1,3	1,1
Иудаизм	0,0	0,3	1,7	0,5	0,3
Католицизм	0,9	1,1	0,0	2,3	1,3
Православие	58,2	61,9	47,5	55,3	59,1
Другое	1,1	0,5	1,7	1,5	0,9
«Культ современной науки»	25,0	24,4	32,2	23,4	24,6
Ни к какому вероисповеданию себя не относят	13,0	10,3	11,9	15,6	12,2

В нашем исследовании 2006–2007 гг. системы ценностных представлений молодежи Кемеровской области также задавался вопрос о конфессиональной принадлежности респондентов. Несмотря на относительную культурную однородность выборки обнаружена определенная зависимость частоты конфессиональной принадлежности от ценностного типа (табл. 91). Как видно из представленных результатов, наибольший процент православных наблюдается среди ориентирующихся на ценности социализации, и в этом отношении склонных «быть как все», а наименьший процент – среди самого независимого в ценностном отношении индивидуализирующегося типа. Так называемый «культ современной науки», соответствующий ориентации не на религиозную, а научную картину мира, напротив, наиболее распространен среди направленных на ценности индивидуализации, и наименее – среди отнесенных к промежуточному типу, характеризующемуся несформированностью системы ценностных ориентаций. Среди представителей последнего, напротив, чаще, чем среди всех остальных, встречаются не относящие себя ни к какому вероисповеданию, т.е. испытывающие затруднения с определением собственной религиозной идентичности, или же атеисты. В целом, все приведенные здесь результаты вполне вписываются в общий портрет описываемых ценностных типов.

В отдельном исследовании распространенности описываемых нами ценностных типов в группах православных и мусульман, в котором приняло участие 99 жителей старше 18 лет обо-го пола городов Кемерово, Топки и Прокопьевск, также были

Т а б л и ц а 92

**Распространенность ценностных типов в группах православных и мусульман
(% от числа исследуемых, $n = 99$)**

Исследуемая группа	Ценностный тип			
	А	С	И	П
Православные ($n = 51$)	33	12	8	47
Мусульмане ($n = 48$)	75	10	7	8

П р и м е ч а н и е. Различия между долями типов: А ($p < 0,001$); П ($p < 0,001$).

обнаружены определенные различия³⁰². Как следует из результатов, приведенных в табл. 92, явное большинство мусульман ориентировалось на ценности адаптации, а почти половина православных в данном случае была отнесена к промежуточному типу. Однако эти различия, полученные на весьма скромной выборке, вряд ли следует считать собственно конфессиональными, их можно объяснить возможным неравенством конкретных исследуемых групп в социальном, экономическом или же культурном отношении.

Тем не менее с учетом всех приведенных выше результатов можно сказать о том, что группы с различной конфессиональной принадлежностью характеризуются ценностными системами, отражающими особенности их религиозных представлений, имеющими разную степень осознанности ценностей и их внутреннего принятия. Конфессиональная принадлежность выступает одной из детерминант формирования ценностной сферы личности и, соответственно, должна учитываться в кросс-культурных исследованиях ценностных предпочтений.

Очевидно, что на формирование системы ценностных ориентаций личности оказывают влияние и другие культурные детерминанты. Так, проведенное нами ранее исследование демонстрирует, что особенности этнической системы ценностей закономерно сопряжены с этноспецифическим содержанием средств народной педагогики, а специфичные для этнической общности средства народной педагогики направлены на формирование у нового поколения значимых для данной культуры ценностей³⁰³.

³⁰² Евсеенкова Е.В. Особенности представлений о смерти у православных и мусульман: дипломная работа. — Кемерово, 2004. — 108 с.

³⁰³ Яницкий М.С., Авилов Г.М. К проблеме межпоколенной передачи этнокультурных ценностей средствами народной педагогики (на примере телесного этноса) // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы: сборник научных трудов. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — С. 194–196.

В этой связи можно говорить о ценностных различиях между типами культур, особенных не только в религиозном отношении, но по ряду других важных параметров.

По мнению П.А. Сорокина, в ходе своего развития общество создает различные культурные системы – религиозные, познавательные, этические, правовые и т.д., объединяющиеся в так называемые «культурные сверхсистемы». В соответствии с характером доминирующих ценностей исследователь описывает три типа таких сверхсистем: идеациональный (основанный на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога и ориентирующийся на духовные ценности), идеалистический (в ценностном отношении ориентированный «как на небо, так и на землю») и современный или чувственный (стремящийся освободиться от религиозных ценностей и ориентирующийся на материалистические ценности, сконцентрированные вокруг повседневной жизни в реальном земном мире)³⁰⁴.

Н.И. Лапин на основе различий в терминальных и инструментальных ценностях выделяет три типа культур, ориентирующиеся на традиционные, общечеловеческие или современные (либеральные) ценности. Среди ценностей-целей к устоявшимся он относит традицию и семью, к общечеловеческим – порядок, благополучие и работу, к современным – жизнь и свободу; среди ценностей-средств к традиционным – жертвенность и самоотверженность, к общечеловеческим – общительность, нравственность, властность, к современным – независимость и инициативность³⁰⁵.

Однако большинство исследователей оперируют в рамках исторической синтагмы «премодерн–модерн–постмодерн», описывая социально-психологические особенности традиционного, современного (модернистского) и постмодернистского обществ и соответствующие им типы культуры. Принято считать, что традиционное общество обладает широким кругом институтов и агентов социализации, в качестве которых выступает расширенная многопоколенная семья, соседи, друзья и т.д. Формируемая и поддерживаемая данными институтами система консервативных ценностей включает в себя уважение к старшим, коллективизм, чувство долга и т.п. Современному обществу свойственно существенное сокращение размера семьи, соответствен-

³⁰⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество – М.: Политиздат, 1992. – С. 430–433.

³⁰⁵ Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социол. исслед. – 2010. – № 1. – С. 28–36.

но – уменьшение числа агентов семейной социализации, возрастание роли сверстников, школы. Характерна переориентация на современные или же либеральные ценности – независимость, индивидуальное благополучие, самореализацию, достижения, ответственность. Наконец, постмодернистскому обществу присуща дальнейшая трансформация процесса социализации, возрастающее влияние средств массовой коммуникации, прежде всего интернета, формирующего фрагментарную картину мира, мозаичное сознание. Система ценностей при этом в определенной степени размывается, исчезают авторитеты, критерии «правильности» систем ценностей, этические стандарты ставятся под сомнение.

Подобная типология культур Дж. Таусенда основана на представлении о существовании традиционного, современного и динамически развивающегося культурно-ценностных типов, различающихся по временной направленности. Традиционная культура, в его модели, характеризуется ориентацией людей на прошлое. Не допускается внутренняя свобода человека, его деятельность строго регламентирована традициями, за мыслями и поступками осуществляется строгий постоянный надзор со стороны ближайшего социального окружения. Современная культура отличается ориентацией людей на настоящее. Отношения между людьми определяются их статусом и ролью в социальной системе. Общество стремится регулировать поведение человека посредством морали, этических норм и правил. Динамически развивающаяся культура характеризуется ориентацией людей на будущее. Культивируется самостоятельность, независимость от социального окружения, признается значимость индивидуальных интересов и ценностей. Основу социального контроля составляет не мораль, а законность³⁰⁶.

В концепции М. Мид также выделяется три типа культур – постфигуративная, кофигуративная и префигуративная, которые различаются, как и в модели Дж. Таусенда, ориентацией на прошлое, настоящее или будущее. При этом акцент делается на роли отдельных поколений в трансляции ценностей и других составляющих данных типов культуры. Постфигуративная культура отличается ориентацией на традиции и старшее поколение, кофигуративная – на современность и сверстников, префигуративная – на будущее и на молодежь, которая выступает моделью поведения для старшего поколения. В этой связи

³⁰⁶ Сонин В.А. Тест культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд, вариант Л.Г. Почебут) // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб., 2004. – С. 212–215.

М. Мид разграничивает понятия социализации и инкультурации, где первое обозначает социальное научение вообще, а второе – «реальный процесс научения, как он происходит в специфической культуре»³⁰⁷.

Поскольку, как мы уже отмечали выше, ориентации на ценности адаптации, социализации и индивидуализации может соответствовать различная временная направленность, то мы предположили, что выделяемые нами типы ценностных систем должны соотноситься с типами культур Дж. Таусенда и М. Мид, также характеризующимися различиями временной перспективы. Для проверки данного предположения нами проведено самостоятельное исследование распространенности описываемых ценностных типов среди представителей различных типов культуры. Для диагностики принадлежности исследуемых к конкретному типу культуры использовался тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в модификации Л.Г. Почебут, а также специально разработанный по аналогии с ним опросник, основанный на концепции М. Мид.

В исследовании, которое осуществлялось посредством интернет-тестирования, приняли участие 249 человек в возрасте от 18 до 30 лет обоего пола, родившиеся как в сельской местности, так и в малых и средних городах. В состав исследуемой группы были включены представители следующих этнических общностей: русские, украинцы, татары, буряты, тувинцы, алтайцы, телеуты, таджики, чеченцы, аварцы, армяне, греки, маорийцы, мордвины. В данном случае мы не стремились достичь репрезентативности выборки или же равной представленности этнических групп; этнокультурная неоднородность испытуемых имела здесь целью обеспечить максимальное разнообразие культурных типов.

Результаты показали, что рассматриваемые типы культур характеризуются определенными различиями ценностной структуры (табл. 93, 94). Так, ожидаемо оказавшиеся наиболее распространенными типы культуры – современная по Дж. Таусенду и соответствующая ей кофигуративная по М. Мид – отличаются наименьшей долей неопределившихся в ценностном отношении, а также самой высокой распространенностью социализирующегося типа. Среди отнесенных к традиционной, современной и динамично-развивающейся культурам по Дж. Таусенду, и, аналогично, к постфигуративной, кофигуративной и

³⁰⁷ Кон И.С. Маргарет Мид и мир детства // М. Мид. Культура и мир детства. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – С. 400.

Т а б л и ц а 93

**Распространенность описываемых ценностных типов в типах культуры
по Дж. Таусенду (% от числа исследуемых, $n = 249$)**

Тип культуры		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Традиционная ($n = 29$)	6,9	24,1	24,1	44,8
2	Современная ($n = 108$)	13,0	40,7	19,4	26,9
3	Динамично развивающаяся ($n = 24$)	4,2	29,2	16,7	50,0
4	Традиционная/современная ($n = 43$)	4,7	30,2	30,2	34,9
5	Традиционная/динамично развивающаяся ($n = 14$)	21,4	28,6	14,3	35,7
6	Современная/динамично развивающаяся ($n = 31$)	12,9	29,0	25,8	32,3

префигуративной культурам по М. Мид, последовательно снижается процент ориентирующихся на ценности индивидуализации, т.е. на высшие, бытийные ценности. Одновременно от постфигуративного к префигуративному типу культур последовательно увеличивается доля представителей адаптирующегося типа, характеризующегося нереализованностью значимых ценностей и, соответственно, ориентацией на дефицитарные ценности. При этом наименьший процент адаптирующегося типа и, напротив, максимальный процент индивидуализирующегося типа свойственны смешанным типам культуры.

Таким образом, принадлежность к определенному типу культуры со свойственными ему особенностями социализации

Т а б л и ц а 94

**Распространенность описываемых ценностных типов в типах культуры
по М. Мид (% от числа исследуемых, $n = 249$)**

Тип культуры		Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Постфигуративная ($n = 59$)	11,9	27,1	23,7	37,3
2	Кофигуративная ($n = 149$)	10,1	36,2	22,8	30,9
3	Префигуративная ($n = 13$)	30,8	7,7	7,7	53,8
4	Постфигуративная/кофигуративная ($n = 19$)	0,0	52,6	15,8	31,6
5	Постфигуративная/префигуративная ($n = 2$)	0,0	0,0	0,0	100,0
6	Кофигуративная /префигуративная ($n = 1$)	0,0	0,0	100,0	0,0
7	Постфигуративная/кофигуративная / префигуративная ($n = 6$)	0,0	50,0	33,3	16,7

детерминирует формирование системы ценностных ориентаций личности и уровень ее развития. Наименьшие затруднения в достижении высших уровней ценностного развития, в реализации имеющихся ценностей имеют молодые люди, воспитывающиеся в условиях традиционной культуры. Изменение условий социализации в модернистской и, тем более, в постмодернистской культуре усложняет становление системы ценностных ориентаций. Наилучшие же условия для ценностного развития создаются в смешанных типах культуры, характеризующихся, вероятно, большим разнообразием институтов и агентов социализации. Соответственно, тип культуры, свойственный той или иной общности в целом, является одним из значимых факторов, задающих ценностную структуру массового сознания.

Можно предположить, что принадлежность к тому или иному культурно-ценностному типу будет также определять специфику содержательного компонента этнического самосознания и, в частности, особенности восприятия собственной и других этнокультурных групп. В этой связи ранее нами анализировались культурно-ценностные детерминанты этнических стереотипов³⁰⁸. Этнические стереотипы в настоящее время принято рассматривать как «нормальные» элементы этнического самосознания, поскольку они являются естественными производными той или иной культуры и выполняют функцию укрепления и защиты позитивной культурной идентичности. Основными структурными компонентами этнического стереотипа являются авто- и гетеростереотип, представляющие собой совокупность признаков, приписываемых соответственно собственной и другой этнической группе. Мы полагаем, что в содержании авто- и гетеростереотипов можно выделить ценностные составляющие – приписывание своей и другим группам определенной системы ценностных ориентаций.

Очевидно, что любая стереотипизирующая группа неоднородна в ценностном отношении – в ее составе можно выделить различные культурно-ценностные пласты. Мы предположили, что типы культуры, имеющие описанные различия ценностной структуры, будут иметь различия и в ценностных составляющих авто- и гетеростереотипов. В нашем исследовании, которое проводилось в августе 2003 г. в с. Эссо Камчатской области

³⁰⁸ Яницкий М.С. Этнические стереотипы в контексте культурно-ценностных различий (на примере коренных народов Камчатки) // Язык. Миф. Этнокультура: подходы и методы исследования. – Кемерово: Кузбассвуиздат; М.: Издательское объединение «Российские университеты – АСТШ», 2007. – С. 77–86.

в рамках международного профильного лагеря-экспедиции «Наследие» Камчатского госпедуниверситета, приняли участие 45 представителей коренных народов Камчатки в возрасте от 18 до 66 лет (средний возраст исследуемых – 34,3 года), из них мужчин – 35,6 %, женщин – 64,4 %. Две трети исследуемых составили эвены и одну треть палеоазиатские народы (коряки, ительмены, чукчи и алеуты). Необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы не ставили цели изучить особенности этнических стереотипов отдельных народов, рассматривая их в целом как представителей коренных этносов Камчатки. А.А. Бучек, проводившая исследование на аналогичной группе, приводит ряд аргументов в пользу такого объединения, в частности: общность географических, популяционно-демографических, экономических, культурно-исторических, политических и социально-психологических факторов³⁰⁹. Добавим, что коренное население Камчатки представляет собой своего рода модельную группу, демонстрирующую большую значимость для этнокультурной специфичности различий в типе хозяйствования, чем, например, языковых различий. Так, субэтнические группы коряков – нымылын (оседлые морские охотники) и чавчыв (континентальные кочевники-оленьеводы) – имеют в ряде случаев больше этнокультурных различий между собой, чем между ними и соседними этническими группами. Поэтому для нас в данном контексте большее значение имела принадлежность к тому или иному типу культуры, а не этническая принадлежность как таковая.

Для диагностики принадлежности исследуемых к традиционному, современному или динамично развивающемуся типам культуры использовался тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в модификации Л.Г. Почебут³¹⁰. Распространенность описываемых типов культуры в исследуемой группе приведена в табл. 94. Большинство опрошенных вполне интегрированы в современное общество и сохраняют лишь отдельные элементы традиционного хозяйствования и быта, что закономерно проявляется в преобладании культуры современного типа. Большой процент отнесенных к современной культуре у палеоазиатских народов при этом может быть объяснен значительно

³⁰⁹ Бучек А.А. Особенности формирования этнической идентичности коренных народов Камчатки // Сибирская психология сегодня. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – С. 278–295.

³¹⁰ Сонин В.А. Тест культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд, вариант Л.Г. Почебут) // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб., 2004. – С. 212–215.

Т а б л и ц а 95

**Распространенность культурно-ценностных типов по тесту Дж. Таусенда в
исследуемой группе (n = 45)**

Тип культуры	Принадлежность исследуемых к отдельным типам культуры, %		
	Эвены	Палеоазиатские народы	В целом
Традиционная культура (ТК)	29,6	11,1	25,0
Современная культура (СК)	51,9	77,8	58,3
Динамично развивающаяся культура (ДРК)	18,5	11,1	16,7

более длительным периодом межкультурного взаимодействия с представителями русского этноса (более 350 лет) и, соответственно, их большей культурной ассимиляцией по сравнению с эвенами, пришедшими на Камчатку лишь в середине XIX века.

Поскольку ценности имеют культурно-исторический характер, очевидно, что смысл конкретных ценностных категорий может быть неодинаковым для описываемых типов культуры. Для определения субъективного значения ряда основных ценностей для каждого рассматриваемого типа нами использовался ассоциативный метод. В ходе индивидуального интервью исследуемым предлагалось назвать ассоциации, которые возникали у них при предъявлении в качестве стимула таких ценностей, как «здоровье», «деньги», «любовь», «свобода», «семья», «творчество», «работа».

Содержание свободных ответов респондентов было подвергнуто стандартной процедуре обозначающего семантического анализа с определением частоты, с которой упоминались те или иные ассоциации. В результате классификации содержания ответов в соответствии с их значениями нами был сформирован перечень ассоциаций, доминировавших в исследуемых типах культуры с указанием частоты их упоминания (табл. 96). При этом мы отдаем себе отчет в известной условности выделения таких групп и субъективности предлагаемой категоризации.

Ассоциации представителей традиционной культуры заметно чаще носят конкретный, описательный характер. В ряде случаев они просто «расшифровывают», детализируют предъявляемые ценностные категории, предлагая близкие по значению понятия или примеры (например, здоровье вызывает ассоциацию с «физическим здоровьем», творчество – с «выделкой шкур», с «шитьем бисером» и т.п.). Их ответы также во многих случаях более чувственны и содержат эмоционально-психологические

Т а б л и ц а 96

Ассоциации на предъявляемые ценности у представителей описываемых типов культуры (n = 45)

Ценность	Ассоциация	Частота ассоциаций, %		
		ТК	СК	ДРК
1	2	3	4	5
Здоровье	Описательные (<i>сила, рост, физическое здоровье</i>)	22	11	0
	Природные (<i>природа, земля, лес, горы, олени</i>)	11	22	25
	Дефицитарные (<i>больница, сердце, ничем не болей</i>)	22	11	0
	Смысложизненные (<i>жизнь, счастье, гармония</i>)	22	45	75
	Другие	22	11	0
Деньги	Негативные (<i>грязь, бумага, мусор</i>)	0	10	17
	Дефицитарные (<i>отсутствие нужды, прожить бы, пища, мало</i>)	33	15	0
	Инструментальные (<i>независимость, возможности, планы, покупки</i>)	22	10	33
	Гедонистические (<i>богатство, роскошь, состояние, достаток, благополучие</i>)	33	50	17
	Связанные с источником получения (<i>работа, труд, русские</i>)	11	10	33
Любовь	Другие	0	5	0
	Межличностные (<i>семья, дети, родственники, друзья</i>)	22	33	25
	Природные (<i>природа, тундра, все живое</i>)	0	6	50
	Психологические (<i>доверие, верность, взаимопонимание</i>)	33	6	0
	Смысложизненные (<i>жизнь, счастье, мир, радость</i>)	11	28	25
Свобода	Другие	33	28	0
	Ограничительные (<i>традиции, контроль, равенство, как все</i>)	22	0	40
	Эмансипационные (<i>независимость, отсутствие ограничений, свобода выбора, воля, самостоятельность</i>)	44	61	60
	Природные (<i>лес, горы, птица, полет</i>)	0	28	0
	Другие	33	11	0
Семья	Конкретные (<i>дети, родственники, родители, теща, тесть</i>)	60	53	67
	Связанные с домом (<i>дом, очаг, крепость</i>)	0	21	33
	Эмоциональные (<i>любовь, радость, дорогое</i>)	30	16	0
	Другие	10	10	0

Окончание табл. 96

1	2	3	4	5
Творчество	Конкретные (<i>танцы, песни, стихи, рисование, выделка шкур, шитье, бисер, идол</i>)	50	56	33
	Инструментальные (<i>работа, труд, социальная помощь</i>)	25	11	33
	Терминальные (<i>удовольствие, интерес, познание, состояние души</i>)	13	28	33
	Другие	13	6	0
Работа	Конкретно-описательные (<i>труд, занятость, охота</i>)	50	26	0
	Инструментальные (<i>деньги, заработок, прибыль, хлеб</i>)	25	47	67
	Терминальные (<i>интерес, независимость, удовлетворение</i>)	13	16	33
	Другие	13	11	0

ассоциации (семья – «радость»). Наиболее специфическим признаком этнических ассоциаций данного типа, по нашему мнению, является их дефицитарный характер, отражающий их фрустрационное происхождение и придающий ценностям «гомеостатический» (в терминологии А. Маслоу) смысл: например, деньги – «отсутствие нужды».

Содержание ответов исследуемых, отнесенных к современной культуре, в целом наиболее разнообразно и, соответственно, наименее специфично. В качестве отличительных особенностей ассоциаций представителей данного типа культуры можно указать на их, скорее, «потребительский», гедонистический характер (в частности, деньги – «состояние», «богатство»), а также на большую частоту ответов, отражающих высокую значимость межличностных отношений (любовь – «родственники», «друзья»).

Динамично развивающийся тип культуры чаще характеризовался использованием ассоциаций, связанных с природой (например, любовь – «тундра»). Кроме того, их ответы, как правило, наделены личностным смыслом: исследуемые отчетливо осознают, являются для них те или иные ценности самоцелью (творчество – «удовольствие»), или же средством для достижения других собственных целей (работа – «хлеб»). Как проявление более высокой осмысленности жизни можно в известной мере интерпретировать и большую частоту таких абстрактных ассоциаций, как «жизнь», «счастье», «гармония», обозначенных нами как «смысложизненные».

В заключение интервью исследуемым задавался стандартный вопрос: «Что бы вы пожелали себе в будущем?». Представители традиционной культуры в своих ответах наиболее часто (в 60 % случаев) называли конкретные пожелания, отражающие направленность на устранение тревоги по поводу физической и экономической безопасности (т.е. соответствующие преобладанию ценностей адаптации): «здоровья», «денег, чтоб на жизнь хватало», «много денег, квартиру, машину», «чтобы не забирали земли, свободно охотиться, рыбачить», и даже возможность «похмелиться».

В ответах исследуемых, отнесенных к современной культуре, отчетливо преобладали высказывания, указывающие на значимость семьи, межличностных отношений и соответствующие ценностям социализации: «создание семьи», «продолжение рода», «благополучие детей», «чтобы дети и внуки были здоровыми», «чтобы у детей все было хорошо», «чтобы родители долго жили», «чтобы были хорошие отношения в коллективе» (две трети от общего числа ответов представителей данного типа культуры).

Для представителей динамично развивающейся культуры типичными пожеланиями являются более абстрактные, которые можно отнести к направленности на повышение осмысленности собственной жизни и на достижение блага всех людей: «определенность в жизни», «мир на Земле», «чтобы было хорошо всем» (более половины всех ответов).

Таким образом, различия в субъективном понимании представителями описываемых типов культур одних и тех же ценностных категорий определяются наличием у них различной ценностной направленности, через призму которой и воспринимаются эти понятия.

Выявленные лингвокультуральные различия в системах ценностных ориентаций описываемых типов закономерно проявляются и в этнических стереотипах. Для изучения ценностных составляющих этнических стереотипов нами использовалась методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой³¹¹, направленная на измерение групповых ценностных ориентаций в четырех сферах жизненной активности: ориентация на группу, ориентация на власть, ориентация друг на друга и ориентация на изменения. Исследуемым предъявлялся бланк со списком полярных ценностных качеств, и предлагалось оценить по 4-балльной шкале, насколько они характерны для их

³¹¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998. — 389 с.

собственного и русского народов. При подсчете результатов шкалы методики переводились нами в униполярные.

Для определения степени выраженности отдельных ценностных ориентаций в представлении описываемых типов культуры о своем и русском народах нами вычислялся коэффициент выраженности по следующей формуле: $X = 1/6 \cdot (300 - 3 \cdot x_1 - x_2 + x_3 + 3 \cdot x_4)$, где x_1 – частота ответов «качество не выражено», x_2 – «качество выражено слабо», x_3 – «качество выражено средне», x_4 – качество выражено в полной мере». В связи с типом используемых данных коэффициент выраженности может принимать значение в диапазоне от 0 до 100. Полученные результаты, отражающие этнические стереотипы исследуемых, приведены в табл. 97.

В представлении о себе отнесенных к традиционной культуре высоко актуальна направленность на взаимодействие, они наиболее склонны считать представителей своего этноса сердечными и миролюбивыми. В число высокостереотипных характеристик входит также ориентация на группу, приверженность ее нормам и традициям, взаимовыручке. Данному типу культуры в наибольшей степени свойственна ориентация на власть, сильный социальный контроль – они чаще других приписывают себе дисциплинированность, законопослушность и уважение к власти. Их самооценка также характеризуется неуступчивостью, сопротивлением переменам, «закрытостью» культуры и отвержением риска.

Образ русских в глазах представителей традиционной культуры во многом противоположен их автостереотипу. Они наиболее часто приписывают русским слабый социальный контроль, низкую значимость власти, группы, межличностных отношений. В отличие от себя, русские воспринимаются недисциплинированными и своевольными. Чаще, чем представителями других типов, русские считаются ими агрессивными, разобщенными, склонными к разрушению традиций.

Самооценка отнесенных к современной культуре характеризуется средним уровнем выраженности большинства описываемых ценностных ориентаций. В отличие от других типов они в наименьшей степени склонны рассматривать в качестве регуляторов собственного поведения нормы традиции, при этом, напротив, наиболее часто декларируют готовность подчинения групповым нормам. Представители данного типа наиболее решительно отрицают у себя такое качество, как склонность к риску, считая представителей своего этноса весьма осторожными.

Т а б л и ц а 97

**Автостереотипы и гетеростереотипы описываемых типов культуры по тесту
«Культурно-ценностный дифференциал» (n = 45)**

Ценностная ориентация	Коэффициент выраженности, X							
	ТК		СК		ДРК		В целом	
	а/с	г/с	а/с	г/с	а/с	г/с	а/с	г/с
Ориентация на группу	54,3	32,0	48,7	34,9	40,7	57,4	49,4	39,3
В том числе:								
взаимовыручка	70,4	25,0	65,1	49,2	44,5	66,6	63,7	49,6
верность традициям	74,1	29,2	52,3	44,4	66,6	66,6	57,8	45,7
подчинение	18,5	41,7	28,6	11,1	11,1	38,9	26,7	22,5
Ориентация на власть	42,0	27,8	37,1	33,3	23,1	37,0	37,5	35,7
В том числе:								
дисциплинированность	44,5	25,0	33,4	33,3	5,6	38,9	31,1	29,5
уважение к власти	25,9	20,8	23,8	23,8	16,7	22,2	27,4	28,7
законопослушность	55,5	37,5	54,0	42,8	47,0	50,0	54,1	48,9
Ориентация друг на друга	60,5	30,5	57,7	34,4	44,4	46,3	59,5	33,6
В том числе:								
миролюбие	77,8	25,0	61,9	39,7	33,3	72,2	65,2	35,7
сердечность	81,5	45,8	73,0	44,4	61,1	50,0	76,3	49,6
уступчивость	22,2	20,8	38,1	19,1	38,9	16,7	37,1	15,5
Ориентация на изменения	33,3	51,4	36,0	62,4	42,6	70,4	37,5	62,8
В том числе:								
открытость переменам	40,7	45,8	55,6	61,9	55,6	72,2	54,1	60,4
склонность к риску	14,8	41,7	9,5	50,8	22,2	61,1	14,1	52,7
устремленность в будущее	44,5	66,7	42,8	74,6	50,0	77,8	44,4	75,2

П р и м е ч а н и е. Здесь и далее: а/с — автостереотип, г/с — гетеростереотип (русские).

Стереотип восприятия русских представителями современной культуры также имеет некоторые расхождения с их «мы-образом». В отличие от остальных они видят русских гораздо менее склонными к подчинению, т.е. более самостоятельными, чем они сами. В то же время они более часто находят у русских такое качество, как уважение к власти, чаще приписывают им холодность в межличностных отношениях.

«Мы-образ» представителей динамично развивающейся культуры имеет существенные отличия от автостереотипов других исследуемых и особенно от самовосприятия представителей традиционной культуры. Данная группа исследуемых наиболее

часто приписывает себе качества, соответствующие низкому уровню социального контроля. Они воспринимают представителей своего этноса как направленных в большей степени на себя, самостоятельных, выдерживающих определенную дистанцию в межличностных отношениях. Наиболее высоко стереотипной самохарактеристикой при этом является недисциплинированность и неуважение к власти. В отличие от представителей других типов они считают скорее характерными для себя открытость к переменам и устремленность в будущее.

Русские в восприятии отнесенных к динамично развивающейся культуре выступают носителями по существу полярной по отношению к ним системы ценностных качеств. При этом представления данной группы о русских, имеющие существенные расхождения с собственным образом, в некотором отношении повторяют автостереотип отнесенных к традиционному типу культуры. В отличие от гетеростереотипов представителей других культурных типов русские здесь чаще воспринимаются как ориентирующиеся на группу, на межличностные отношения, на власть. Они считаются более склонными к взаимовыручке, миролюбивыми, дисциплинированными и законопослушными, чем представители собственной этнической группы. Русские в их представлении более склонны к подчинению, чем они сами. Как и во всей исследуемой группе, наиболее согласованной характеристикой образа русских является ориентация на изменения. Однако в данном случае такие качества атрибутируются наиболее отчетливо.

Как следует из приведенных результатов, ценностные составляющие как авто- так и гетеростереотипов представителей описываемых типов культуры имеют существенные различия, проявляющиеся в степени выраженности всех рассматривавшихся ценностных ориентаций.

Расхождение между представлениями этнической группы о себе и ее представлениями о другой этнической группе рассматривается как субъективная психологическая дистанция³¹². Большинство авторов интерпретируют близость этой дистанции как меру этнической толерантности, позволяющую прогнозировать возможность роста межэтнической напряженности. В то же время, как справедливо отмечает Л.Г. Почебут, такая дистанция является способом сохранения этнокультурных ценностей от вторжения со стороны³¹³.

³¹² Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности.... — 389 с.

³¹³ Почебут Л.Г. Психология социальных общностей (толпа, социум, этнос). — СПб.: СПбГУ, 2002. — С. 138.

Совпадение или расхождение в автостереотипах различных групп определяются Г.У. Солдатовой как показатель объективной психологической дистанции, фиксирующий степень культурной отличительности и отражающий глубину их психологической разделенности или, наоборот, степень их общности³¹⁴. Тожественность между представлениями различных этнокультурных групп о какой-либо другой, т.е. между их гетеростереотипами, отражает, по нашему мнению, уровень соответствия их ожиданий.

Для определения дистанции между авто- и гетеростереотипами, приведенными в табл. 97, нами подсчитывалось евклидовое расстояние по следующей формуле:

$$d = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{k=1}^n (x_{ik} - x_{jk})^2},$$

где x_i , x_j – коэффициенты выраженности ценности в автостереотипе и гетеростереотипе соответственно; n – число ценностей. В нашем исследовании показатель дистанции принимает значение в диапазоне от 0 до 100, где наименьшее значение соответствует максимальной близости между стереотипами. В целом дистанция между автостереотипом коренных народов Камчатки и их представлениями о русских составила 20,3. Показатели дистанции между авто- и гетеростереотипами отдельных типов культуры приведены в табл. 98.

Среднее расстояние между авто- и гетеростереотипами рассматриваемых типов культуры составляет 25,0. Наибольшая субъективная психологическая дистанция обнаруживается между самооценкой представителей традиционной культуры и их восприятием русских, что является достаточно понятным – дан-

Т а б л и ц а 98

Дистанция между автостереотипами и гетеростереотипами описываемых типов культуры ($n = 45$)

		ТК		СК		ДРК	
		а/с	г/с	а/с	г/с	а/с	г/с
ТК	а/с	0	29,8	11,4	24,4	21,3	22,1
	г/с		0	23,8	14,4	19,5	24,1
СК	а/с			0	20,8	15,8	21,6
	г/с				0	17,1	15,7
ДРК	а/с					0	24,3
	г/с						0

³¹⁴ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности... – С. 77.

ные этнокультурные группы имеют наименьшее сходство в условиях хозяйствования и быта. В этой связи вполне закономерно, что наиболее близки к собственному образу русских представители современной культуры.

Автостереотипы описываемых культурно-ценностных типов относительно близки между собой (средняя дистанция – 16,2). Наибольшая объективная психологическая дистанция существует между представлениями о себе респондентов, отнесенных к традиционной и к динамично развивающейся культурам; «мы-образ» представителей современной культуры занимает как бы промежуточное положение между ними. Представления исследуемых групп о ценностях русских расходятся несколько в большей степени (средняя дистанция – 18,1), что противоречит установившемуся мнению о большей «гомогенности и монолитности» гетеростереотипов по сравнению с менее однородными автостереотипами. Здесь, опять же, стереотипы восприятия русских наиболее различны у представителей самых «далеких» типов культуры – традиционного и динамично развивающегося.

Таким образом, принадлежность к тому или иному типу культуры оказывается значимым фактором, определяющим особенности представлений о ценностных составляющих как «мы-образа», так и согласованного образа другого этноса. Соответственно, особенности этнических стереотипов той или иной общности определяются ее составом (распространенностью отдельных культурно-ценностных типов). Следовательно, распространенность основных культурно-ценностных типов на конкретной территории следует учитывать для более объективной оценки межэтнических отношений и прогнозирования межэтнической напряженности.

Очевидно, что наряду с содержательным компонентом этнического самосознания ценностно обусловленным является и его поведенческий компонент, т.е. особенности проявления себя членом определенной этнокультурной общности: аттитюды в отношении собственной и других этнических групп, стратегии межгруппового взаимодействия, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. В данном контексте рядом авторов рассматривается, в частности, включенность этнических меньшинств в деятельность национально-культурных организаций.

Участие в деятельности таких организаций способствует успешному самоопределению в социальной реальности, обретению позитивной этнической идентичности и, следовательно, сохранению психологического благополучия. Однако только

меньшая часть этнических групп, которые живут в иной этнической среде, участвуют в деятельности национально-культурных организаций, что и определило необходимость исследования психологических факторов, обуславливающих реализацию этнической идентичности национальных меньшинств, а именно включенность в деятельность диаспоры. Так, при анализе распространенности выделяемых Г. Триандисом типов личности – аллоцентрического, предпочитающего групповые цели индивидуальным и идеоцентрического, который характеризуется преобладанием личных целей и ценностей над групповыми, – было установлено, что среди членов национальных движений преобладают аллоцентрики³¹⁵.

Нами также исследовались ценностные детерминанты включенности в деятельность этнической диаспоры на примере татарского национального меньшинства³¹⁶. В данном случае для изучения особенностей системы ценностей личности использовалась методическая разработка Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой «Этническая аффилиация», а также методика Ш. Шварца. В исследовании приняли участие этнические татары, постоянно проживающие за пределами Татарстана, в возрасте от 21 до 66 лет: экспериментальная группа – татары, активно участвующие в деятельности этнической диаспоры – татарского национально-культурного центра «Дуслык» г. Кемерово (40 человек); контрольная – татары, проживающие в г. Кемерово, но не принимающие участие в деятельности этнических организаций (45 человек).

Как следует из результатов данного исследования, для большинства членов диаспоры потребность в этнической принадлежности достаточно актуальна. Это проявляется, прежде всего, в желании общаться с представителями своей этнической группы, в интересе к своему народу, в стремлении поддерживать обычаи и традиции, культуру и религию своего этноса. В контрольной группе, напротив, потребность в этнической принадлежности относительно слабо выражена. Представители этой группы в большей степени ориентированы на личные ценности, потребности и интересы, а не на групповые, и не склонны придерживаться «устаревших народных обычаев и традиционного образа жизни». В целом, у членов диаспоры выражены этно-

³¹⁵ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности... – 389 с.

³¹⁶ Яницкий М.С., Тулбаева Д.Н. Психологические детерминанты включенности в деятельность этнической диаспоры // Сиб. психол. журн. (Томск). – 2007. – № 26. – С. 77–82.

аффилиативные тенденции, которые проявляются в потребности в принадлежности к этнической группе, взаимозависимости, эмоциональной близости, групповых достижениях и кооперации. У татар, не участвующих в деятельности диаспоры, по сравнению с представителями общины в большей степени проявляются анти-этноаффилиативные тенденции – давать приоритет личным интересам, ценить независимость, эмоциональную обособленность, личные достижения и соревнование. Следовательно, высокий уровень потребности в этнической принадлежности (этноаффилиативных мотивов) выступает фактором участия в деятельности этнической диаспоры.

Для членов диаспоры наиболее значимы ценности традиции, такие как подчинение правилам, исполнительность, вежливость, смирение, благочестие (следование религиозной вере и убеждениям), принятие своей участи, самодисциплина (умеренность в поведении и желаниях). Особенностью членов диаспоры является также ориентация на ценности универсализма – понимание, терпимость, защиту благополучия всех людей и природы. Для них характерны широта взглядов, стремление к социальной справедливости, равенству. Эти особенности способствуют установлению благоприятных контактов с представителями других культур и социальных групп. Для членов диаспоры актуальны и потребности в позитивном взаимодействии, обеспечении благополучия близких людей. Для них значимы такие ценности, как честность, милосердие, лояльность, ответственность, дружба и зрелая любовь (ценностный тип «доброта»). Все описанные выше ценности, безусловно, являются важными для функционирования этнической диаспоры как социальной группы и находят свое отражение в ее целях и деятельности. Поэтому люди, изначально ориентированные на данные типы ценностей, могут найти поддержку и реализовать их, участвуя в деятельности этнических организаций.

Наименее значимыми среди респондентов экспериментальной группы на уровне нормативных идеалов оказались следующие ценности: гедонизм, власть и стимуляция. Обусловлено это некоторой оппозицией между сохранением собственных независимых взглядов и действий индивида и сохранением традиций, защитой стабильности и неизменности общества, а также между ориентацией на универсальность и социальное равенство с преследованием собственных целей и стремлением к доминированию. На уровне индивидуальных приоритетов, которые чаще всего более изменчивы по сравнению с нормативными идеалами и проявляются в социальном поведении человека, в экспе-

риментальной группе в наибольшей степени проявляются следующие ценности: безопасность, универсализм, конформизм. В поведении конформизм проявляется в соблюдении правил и норм, принятых в группе, а также в сдерживании действий, которые не соответствуют социальным ожиданиям. Отвергаемые ценности на данном уровне – это опять же гедонизм, стимуляция и власть.

В контрольной группе на уровне нормативных идеалов предпочитаемыми оказались следующие типы ценностей: безопасность, достижения, доброта. В качестве убеждений и жизненных принципов для представителей этой группы важны ценности личной безопасности, безопасности семьи и нации, социального порядка, взаимопомощи и поддержки. Также актуальны такие ценности, как личный успех, способности, интеллигентность, честность, компетентность, соответствие стандартам и получение социального одобрения. Наименее значимые ценности на уровне жизненных принципов для представителей этой группы – это власть, гедонизм и традиции. На уровне индивидуальных приоритетов в контрольной группе доминирующими являются ценности «безопасность», «самостоятельность», «доброта». Ценностный тип «самостоятельность» (творческий потенциал, свобода, независимость, самоуважение, любопытство, самостоятельность) реализуется в независимости от мышления, в творческой и исследовательской деятельности. Отвергаемые на уровне поведения ценности – традиции, власть, стимуляция.

Таким образом, для членов диаспоры более значимы коллективные ценности (конформизм, традиции, доброта, универсализм), которые имеют отношение к удовлетворению потребностей, связанных с существованием во внешнем мире, к вынесению собственных интересов за пределы личностного мира, отказу от эгоистических интересов. Для представителей контрольной группы характерен приоритет индивидуальных ценностей (достижения, самостоятельность, стимуляция), которые выражаются в преследовании собственных целей и в стремлении к независимости. Соответственно, особенности структуры ценностей личности, а именно ориентация на коллективные ценности, выступают в качестве фактора, обуславливающего участие в деятельности диаспоры.

Итак, ценностные предпочтения этнических общностей наряду с социально-демографическими и социально-экономическими факторами определяются также и культурными детерминантами, в частности конфессиональной принадлежностью, во многом определяющей их ценностное своеобразие. Совокуп-

ность культурно-специфических факторов представляет собой определенный тип культуры, свойственный для той или иной общности. Различия между типами культуры, проявляющиеся как в приоритетности тех или иных ценностей, так и в особенностях их понимания, обусловлены, в частности, спецификой процесса социализации. Формируемая и поддерживаемая этнокультурной общностью система ценностей, выступая регулятором различных граней социального поведения, в том числе отношения к «своим» и «чужим», в свою очередь, оказывает влияние на специфичность содержания и форм выражения культуры, что придает взаимосвязи между культурными и ценностными параметрами двусторонний характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система ценностных ориентаций личности, отражающая в той или иной степени ценностные предпочтения общества, выступает в качестве ведущего инструмента регуляции активности человека, определяя социально приемлемые формы ее реализации. Предложенная нами модель типологии ценностных систем, выделяющая адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся ценностные типы, продемонстрировала свою применимость для характеристики ценностной структуры массового сознания различных общностей и объяснения закономерностей социального поведения их членов. Несмотря на свою условность и очевидные ограничения, свойственные любой теоретической конструкции, наша модель позволяет как выделить основные социально-демографические и социально-экономические детерминанты ценностных предпочтений и оценить степень их влияния, так и описать особенности социального поведения в различных сферах в зависимости от ориентации на ту или иную систему ценностей.

Выделяемые нами типы ценностных систем в ходе верификации предлагаемой модели обнаружили определенное соответствие с некоторыми другими троичными классификациями, в частности с гиликами, психиками и пневматиками в модели гностиков; с мешанским, божественным и творческим типами У. Томаса и Ф. Знанецкого; с предконвенциональным, конвенциональным и постконвенциональным уровнями развития морального сознания Л. Колберга; с потребностями существования, связи и роста К. Альдерфера; с традиционным, современным и динамически развивающимся культурно-ценностными типами Дж. Таусенда и т.д. Однако полное ассоциирование этих и других типологий с нашей было бы не вполне корректным. Описываемые нами типы, как это следует из приведенных в монографии результатов, являются самостоятельными и реальными и соответствуют существованию отдельных ценностных систем, имеющих различное происхождение, уровень развития и характер влияния на соци-

альное поведение. Проведенное нами исследование, обнаружившее существенные различия социального поведения в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы, а также исследования с использованием нашей методики, выполненные другими авторами, позволяют дать обобщенную социально-психологическую характеристику рассматриваемым ценностным типам.

Адаптирующийся тип, ценностная система которого формируется преимущественно психологическими защитными механизмами, ориентирован на такие ценности, как здоровье, материальный достаток и развлечения, значимость которых в данном случае имеет дефицитарный характер. Ценности развития и самореализации, творчества, счастья других людей занимают в индивидуальной иерархии последние места. Ведущей направленностью является сохранение достигнутого. Свойственна высокая тревожность и фрустрационная напряженность. «Вектором» личностного развития оказывается высвобождение от ограничений, «свобода от».

Основным механизмом социальной регуляции поведения является страх, следует нормам и правилам, чтобы избежать наказания. Антисоциальное поведение не является неприемлемым и может реализоваться, если риск разоблачения оценивается как невысокий. Так, относительно часто допускаются ненормативные формы экономического поведения и обогащения. Отмечается определенная склонность к алкоголизации, которая носит в данном случае компенсаторный характер.

Образ социальных групп, характеризующихся «инаковостью» по какому-либо признаку, в индивидуальном психосемантическом пространстве представлен преимущественно «политически корректными» конструктами. Однако корректность носит здесь скорее внешний, этикетный характер, выступая одним из средств и условий успешного приспособления к требованиям общества. При этом наиболее корректно определяются женщины и пожилые люди, наименее – психически больные, лица с ограниченными возможностями и национальные меньшинства. Характерно снисходительное отношение к правонарушителям.

В сексуальной сфере отличается наибольшей консервативностью взглядов и ригидностью сексуального поведения, в наименьшей степени склонен к изменению сексуального сценария. Сексуальные потребности в значительной степени фрустрированы, в наибольшей степени реализуются замещающие формы высвобождения сексуальной энергии.

Среди представителей этого типа наибольший процент ничего не читающих, не слушающих и не смотрящих. В остальных

случаях предпочтения печатных СМИ ограничиваются в основном газетами объявлений и ТВ-программ. Из радиостанций и радиопрограмм предпочитают те, которые имеют информационную направленность. При этом основным источником информации является «проводное», в основном местное радио. Среди телевизионных передач наиболее востребованы местные новости, ток-шоу и сериалы. Интернет воспринимается как средство общения, что, вероятно, носит компенсирующий характер. Предпочтение отдается также развлекательным ресурсам.

В системе политических ориентаций преобладают идеи равенства, справедливости, протекционизма. Характерно представление о несправедливости ситуации, когда меньшинство управляет большинством, ностальгически позитивное восприятие власти советского периода, как более справедливой, гипертрофированное представление о степени влияния мафии, организованных преступных групп и спецслужб. В то же время среди отнесенных к адаптирующемуся типу не наблюдается никакого идейного единства – примерно равное количество считают себя демократами, коммунистами, социалистами или аполитичными. Данный тип характеризуется также наибольшей политической пассивностью.

Социализирующийся тип, в наибольшей степени ориентирующийся на принятые в обществе нормы и ценности, характеризуется высокой значимостью таких ценностей, как семья, карьера, престиж, общественное признание. В качестве ведущей личностной направленности можно рассматривать ориентацию на других. Свойственны конформность, зависимость и экстернальность. «Вектор» личностного развития определяется следованием традиции.

Базовым механизмом социального контроля является стыд, следует принятым в группе нормам, чтобы избежать осуждения со стороны значимых других. Если в качестве референтной выступает асоциальная или аттисоциальная группа, то высока вероятность девиантного и делинквентного поведения.

В отношении внешних социальных групп употребляет корректные характеристики практически с той же частотой, что и адаптирующийся тип. Однако здесь наиболее толерантно обозначаются женщины и национальные меньшинства, наименее – лица пожилого возраста, что может определяться тем, что референтной группой в данном случае выступают сверстники.

Система взглядов на сексуальное поведение неустойчива. Типичны раннее начало сексуальной жизни, наличие регулярных сексуальных отношений и, одновременно, измены своему

партнеру. В целом характеризуется одновременно достаточно либеральными взглядами в отношении «нетрадиционных» форм сексуального поведения и относительно высоким уровнем их реализации, что, вероятно, может определяться подражанием.

Из печатных СМИ предпочтение отдается «легким», развлекательным изданиям. Составляет основную аудиторию музыкальных FM-станций, предпочитая при этом отечественную музыку. Среди телевизионных программ наибольшей популярностью пользуются спортивные передачи, что сопряжено с принадлежностью к болельщикам той или иной команды. Интернет чаще выступает средством общения, обращаются также к справочным ресурсам.

Свои политические взгляды, как правило, оценивает как демократические, остальной политический спектр здесь практически не представлен. В остальном система политических представлений существенно не отличается от имеющейся у адаптирующегося типа.

Индивидуализирующийся тип, отличающийся независимостью оценок и суждений, наличием «автономной» морали, ориентируется на ценности образования, самореализации, творчества, свободы, терпимости. Ему присущи такие психологические характеристики, как высокая осмысленность жизни, интернальность, позитивная «Я-концепция». Ведущей личностной направленностью является ориентация на себя. При этом целью, «вектором» личностного развития выступают альтруизм и «свобода для». Таким образом, саморазвитие здесь носит скорее инструментальный характер и служит условием последующего социального служения.

Отличается внутренней регуляцией поведения, интернализацией социальных норм. Основным механизмом регуляции поведения выступает вина, следует принятым нормам и правилам, чтобы избежать «эго-дистонии». Внутренняя, интернализированная система автономных ценностей оказывается весьма эффективным регулятором социального поведения, и, соответственно, проявления девиантного и делинквентного поведения практически отсутствуют.

Наиболее редко использует в речи «политкорректные» конструкции, избегая «ритуальных» форм взаимодействия. Характеристики, которые употребляются при дифференцировании различных социальных групп, традиционно выступающих объектами политкорректности, отличаются прямолинейной «бестактностью» формулировок. В то же время отмечается абсолютная корректность в отношении представителей других этнокультурных групп.

Характеризуется наибольшей гармоничностью и удовлетворенностью своим сексуальным поведением. Модель сексуального поведения в максимальной степени соответствует социокультурным нормам, принятым обществом. При этом у данного ценностного типа отмечаются наименьшие показатели фрустрации сексуальных потребностей – реализуются почти все желаемые формы поведения, т.е. сексуальный сценарий является наиболее реалистичным.

Среди массово-коммуникационных предпочтений отмечается высокая востребованность информационно-аналитических печатных изданий и FM-станций, центральных новостных ТВ-программ. Кроме того, отличительной особенностью является выраженное предпочтение художественных фильмов сериалам и ток-шоу. Интернет воспринимается как средство получения информации, при этом наиболее популярны новостные и образовательные ресурсы.

Система политических представлений и отношение к власти противоположны описанному у остальных ценностных типов. Свойственно понимание и принятие руководящей роли меньшинства в управлении большинством, резко негативное отношение к власти советского периода, представление об ограниченности возможностей верховной власти, мнение о значимости влияния местной и региональной власти на положение в стране. Политические взгляды можно обозначить как умеренные, в отличие от других типов в политическом сознании не представлены идеи коммунистической, радикальной либо националистической направленности.

Промежуточный тип характеризуется несформированностью системы ценностных ориентаций, отсутствием общих значимых ценностных ориентиров, несогласованностью терминальных и инструментальных ценностей, отсутствием упорядоченной ценностной иерархии. Присущи иррационализм, примитивный когнитивный аппарат (жестко поляризованные конструкты, стереотипы, мифы, фобии), а также общее психосоциальное неблагополучие.

Нормативная регуляция поведения не сформирована. Свойственен «неустойчивый» тип характера. Отмечается наибольшая распространенность различных форм девиантного поведения.

В отличие от остальных типов отчетливо характеризуется нетерпимостью в отношении национальных меньшинств, наиболее часто используя откровенно расистские определения. Можно сказать, что неопределившиеся, «маргинальные» в ценностном отношении испытуемые обретают позитивную само-

идентичность через противопоставление себя уничижительно характеризваемым национальным меньшинствам.

Имеет самый раскрепощенный сексуальный сценарий. Характеризуется наиболее широким диапазоном приемлемости и наибольшим опытом «нестандартных» форм сексуального поведения. То есть «неопределившийся» в ценностном отношении тип наиболее склонен к экспериментам и в сексуальной сфере. С другой стороны, среди представителей данного типа обнаруживается и наибольший процент вообще не имеющих опыта сексуальных отношений.

Массово-коммуникационные предпочтения четко не определены, отличается определенной «всеядностью» в этом отношении. Политические представления близки имеющимся у адаптирующегося типа и в наибольшей степени соответствуют характеристике «авторитарной личности» Т. Адорно.

Таким образом, приведенные социально-психологические характеристики в целом подтверждают уровневый характер ценностной структуры массового сознания, где наиболее низкому уровню развития соответствует система ценностей промежуточного типа, а наиболее высокому – индивидуализирующегося типа. Поскольку распространенность ценностных типов в обществе определяется комплексом социально-экономических и социально-демографических факторов, то полученные нами результаты уточняют представления о механизмах взаимосвязи социально-экономического положения и социального поведения различных общностей. Описанная нами социально-психологическая характеристика ценностных типов открывает возможность прогнозирования социального поведения, а также последующей разработки технологий изменения ценностной структуры массового сознания за счет увеличения доли ценностных типов, имеющих более высокий уровень развития.

Разумеется, проведенное нами исследование не «закрывает тему». Дальнейшее развитие исследований данной проблематики видится как минимум в двух направлениях: совершенствование методики, позволяющей отнести испытуемых к тому или иному ценностному типу, а также изучение с ее помощью ценностной регуляции поведения в не затронутых нами социальных сферах, таких как поддержание здоровья, питание и пищевые предпочтения, учеба и работа, отдых и досуг, следование моде т.п. В этой связи можно надеяться, что эта книга окажется полезной исследователям не только в области социальной психологии и социологии, но и в других отраслях знания.

Приложение 1

Инструментарий для проведения модифицированной методики Р. Инглхарта

1.1. Российский вариант методики

Инструкция: Выберите, пожалуйста, что из перечисленного Вы считаете для себя наиболее важным (можно указать от 1 до 3 вариантов):

1. Отсутствие нужды, материальный достаток.
2. Семейное благополучие.
3. Возможность интеллектуальной и творческой самореализации.
4. Сохранение сил и здоровья.
5. Хорошая, престижная работа.
6. Возможность пользоваться демократическими правами и свободами.
7. Сохранение порядка и стабильности в обществе.
8. Уважение окружающих, общественное признание.
9. Строительство более гуманного и терпимого общества.

Обработка: Пункты 1, 4, 7 являются индикаторами ориентации на ценности адаптации; пункты 2, 5, 8 – на ценности социализации; пункты 3, 6, 9 – на ценности индивидуализации.

При выборе одного варианта, а также двух или трех однотипных вариантов определяется соответствующий ценностный тип; при выборе трех пунктов соответствующий ценностный тип устанавливается при совпадении направленности двух из трех выборов; при выборе двух или трех разнонаправленных вариантов диагностируется промежуточный ценностный тип. Например:

- испытуемый выбрал пункт 2 → социализирующий тип;
- испытуемый выбрал пункты 3, 4, 7 → адаптирующий тип;
- испытуемый выбрал пункты 1, 5, 9 → промежуточный тип.

1.2. Український варіант методики

Інструментарій для проведення модифікованої методики Р. Інглхарта

Інструкція: *Виберіть, будь ласка, що з перерахованого Ви вважаєте для себе найбільш важливим (можна вказати від 1 до 3 варіантів):*

1. Відсутність потреб, матеріальний достаток.
2. Сімейне благополуччя.
3. Можливість інтелектуальної і творчої самореалізації.
4. Збереження сил і здоров'я.
5. Гарна, престижна робота.
6. Можливість користуватися демократичними правами і свободами.
7. Збереження порядку і стабільності в суспільстві.
8. Повага навколишніх, суспільне визнання.
9. Будівництво більш гуманного і терпимого суспільства.

Обробка: Пункти 1, 4, 7 є індикаторами орієнтації на цінності адаптації; пункти 2, 5, 8 – на цінності соціалізації; пункти 3, 6, 9 – на цінності індивідуалізації.

При виборі одного варіанта, а також двох або трьох однотипних варіантів визначається відповідний ціннісний тип; при виборі трьох пунктів відповідний ціннісний тип встановлюється під час збігу спрямованості двох із трьох виборів; виборі двох або трьох різноспрямованих варіантів діагностується проміжний ціннісний тип. Наприклад:

- випробовуваний вибрав пункт 2 → тип, що соціалізується;
- випробовуваний вибрав пункти 3, 4, 7 → тип, що адаптується;
- випробовуваний вибрав пункти 1, 5, 9 → проміжний тип.

Приложение 2

Распределение ценностных типов в основных исследуемых выборках, %

№ п/п	Характеристика и размер выборки	Ценностный тип			
		А	С	И	П
1	Взрослые жители г. Кемерово, репрезентативная квотная выборка ($n = 954$)	44	29	4	23
2	Взрослые жители г. Кемерово, репрезентативная квотная выборка ($n = 243$)	43,6	29,2	6,2	21,0
3	Взрослые жители г. Кемерово, квотная выборка ($n = 566$)	45,1	26,1	6,0	22,1
4	Молодежь Кемеровской области, репрезентативная квотная выборка ($n = 2009$)	27	49	3	20
5	Студенты «помогающих профессий» г. Кемерово, квотная выборка ($n = 540$)	25	39	4	32
6	Студенты вуза г. Чита, квотная выборка ($n = 200$)	29,5	52,5	3,5	14,5
7	Студенты вузов городов Киева и Винницы, квотная выборка ($n = 232$)	46,7	40,3	13,0	0,0
8	Молодежь разных этнических групп (пользователи Интернет), случайная выборка ($n = 261$)	10,4	33,7	22,1	33,7
9	Различные стратификационные группы, г. Кемерово, случайная выборка ($n = 627$)	39	32	4	25
10	Жители сел Беловского района Кемеровской области, квотная выборка ($n = 576$)	50,8	32,6	2,8	13,8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Часть 1	
ЦЕННОСТНАЯ СТРУКТУРА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ	
Глава 1. Ценностные системы личности и общества	12
Глава 2. Модель ценностной структуры массового сознания . . .	28
Глава 3. Социально-демографические факторы, определяющие ценностную структуру массового сознания	43
Часть 2	
ЦЕННОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	
Глава 4. Регулятивная функция системы ценностных ориентаций и ее нарушение при девиантном поведении	67
Глава 5. Ценностные аспекты проявления толерантности в соци- альном взаимодействии	96
Глава 6. Ценностная регуляция сексуального поведения	113
Глава 7. Ценностная детерминация экономического поведения	142
Глава 8. Ценностные и массово-коммуникационные предпочтения	158
Глава 9. Ценностная регуляция политического поведения	172
Глава 10. Особенности ценностной регуляции поведения в кон- тексте этнокультурных различий	194
Заключение	227
Приложение 1	233
Приложение 2	235

Научное издание

Яницкий Михаил Сергеевич

**ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ**

Редактор *И.А. Абрамова*
Художественный редактор *М.Г. Рудакова*
Оператор электронной верстки *Е.Н. Зими́на*

Подписано в печать 21.09.2012. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Ньютон.
Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 330 экз. Заказ № 325.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@ad-sbras.nsc.ru
тел. (383) 330-80-50
Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
<http://www.sibran.ru>